

Библиотека
Стивена Кинга

КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Annotation

Величайший из героев Хайборийского мира, неистовый Конан-киммериец, даже став королем могущественной Аквилонии, не утрачивает тяги к приключениям. Трон и держана в опасности — и на сей раз угроза приходит с неожиданной стороны. Жрецы Черного Солнца сеют в стране раскол и безумие, доводя Аквилонию до междоусобной войны.

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 2005, том 101 «Конан и черное солнце»

Олаф Бьорн Локнит, Керк Монро. Черное Солнце (роман), стр. 7-306

- [ОЛАФ БЬОРН ЛОКНИТ](#)

- [ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Эпилог](#)
-

ОЛАФ БЬОРН ЛОКНИТ
КЕРК МОНРО
Черное Солнце
(Тени Ахерона – 2)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ

Иногда случается так, что большие романы рождаются из ничего. Из пустоты. Вот об этой странной пустоте мы сегодня кратко поговорим.

Олаф Локнит и Керк Монро хотят извиниться перед читателем за то, что в дальнейшем мы станем писать о себе в третьем лице — нам показалось, что так будет удобнее. По крайней мере нам не придется срываться на монологи и объяснять, кто именно из нас говорит и почему затронута именно эта тема, а не какая либо другая.

Итак...

История романа «Тени Ахерона» началась задолго до того, как его первые страницы выползли из принтеров достопочтенных соавторов. Более того, означенные соавторы не подозревали о рождении большого романа вплоть до того момента, как была закончена первая часть. Именно поэтому предисловие дается ко второй части — только теперь Олафу и Керку стало ясно, что намечается нечто весьма серьезное, по крайней мере не уступающее по объему и охвату событий «Полночной Грозе» или «Алой Печати». Даже сейчас, когда второй том готов к изданию, мы не знаем, сколько тонн бумаги будет израсходовано типографией на тираж последующих книг данного романа. Но ясно одно — третий том последним не будет, слишком уж серьезно все закрутилось. И отнюдь не по нашей вине — как и всегда, мы только записываем то, что вытворяют живущие вполне самостоятельной жизнью герои.

Вернемся, однако, к самому началу, а именно — в начало весны по календарю Южного полушария и Новой Зеландии, в солнечные и теплые деньги октября 2001 года. Мистер Локнит тогда был занят сочинением истории о кладе Нифлунгов, который, стараниями небезызвестного Халька Юсдаля и волшебника Тотланта, внезапно «нашел сам себя». Надобно непременно заметить, что к означенному времени барон Юс达尔 получил повышение — за выдающиеся заслуги в деле вспомоществования королю Конану Канах в поисках разнообразных неприятностей, Хальку была дарована монаршая милость: звание тайного советника короны. Жалование тоже повысили — аж на целых девять золотых аквилонских кесариев. Если приравнять золотую монету Аквилонии к французскому ливру 1350-1400 годов по Рождеству и пересчитать в соответствии с современными ценами за унцию золота, то получается, что эта сумма примерно равна 185 долларам США. Примерно столько сейчас зарабатывает за неделю неквалифицированный разнорабочий в гавани Окленда.

Олаф ничуть не удивился тому, что его любимый герой тут же вступил в ряды кладоискателей — тайный советник, это же почти министр, а министрам никак не пристало закладывать честно заработанные ордена ростовщикам, чтобы свести концы с концами! «Клад» был придуман, и события начали развиваться непредсказуемо... Впрочем, здесь нет смысла пересказывать сюжет книги, постоянные читатели «Саги о Конане» наверняка уже включили ее в свою коллекцию. Необходимо сказать лишь одно: мистеру Локниту потребовался человек, который сможет предупредить короля Конана и Халька о пакостных свойствах якобы «придуманного» сокровища.

Такой человек немедленно нашелся. Звали его Малвером Ройлом, он носил высокий титул графа марки (почти то же самое, что и великий герцог, только еще значительнее...),

являлся завзятым коллекционером и собирателем древностей. В первом томе «Сокровищ Нифлунгов» маркграф Ройл случайно обмолвился, будто обнаружил развалины Стобашенного Пифона (того самого!) и начал раскопки на месте бывшей столицы Кхарийской империи.

Вроде бы эта случайная ремарка Олафа Локнита ни к чему не обязывала. История с кладом ну никаким боком не касалась очень и очень древних руин Пифона. Однако, литературный коллега Олафа, уже успевший заявить о себе в «Саге» Керк Монро, отбил в Окленд электронное письмо с вопросом: «Мистер Локнит, а что было дальше? Я имею в виду Пифон? Если маркграф Ройл там «копался» всерьез, то он наверняка мог найти нечто очень интересное!»

Сейчас можно дать небольшое лирическое отступление. Спросим себя: что мы знаем о Кхарийской империи? Отец-основатель «Саги», Роберт Ирвин Говард, приводит лишь отрывочные сведения, которые можно уместить в одно предложение: Ахерон являлся государством темных магов, захватившими власть едва ли не над всем континентом, затем империя оказалась уничтожена хайборийскими варварами. И всё! Никаких подробностей, деталей, мелочей! Никто не знает о Кхарии ничего, кроме названий двух-трех городов, имен нескольких тогдашних богов (спасибо стигийцам, сохранили память о предках!) и мутных историй о страшных черных колдунах и непременных человеческих жертвоприношениях в лучших традициях Р. Говарда и его ближайших последователей. В остальном — полный вакuum и кромешная пустота!

Но, как известно, природа пустоты не терпит. Если уж авторы «Саги» не могут писать непосредственно о Кхарии, то можно хотя бы поработать лопатой на развалинах ее столицы.

Олафу остается только поблагодарить Керка за идею. Причем, первоначально идея состояла только в том, чтобы Конан съездил в гости к маркграфу Ройлу и поглядел на его достижения в области археологии. Так была написана первая глава «Теней Ахерона». И отложена на время — у мистера Локнита были другие дела.

Керк настаивал и бомбардировал письмами: так что же было дальше? Что они там нашли? Наверняка в развалинах сохранилась целая куча любопытных артефактов! Какие?

«Надоело!» — решил Олаф, открыл старый файл и начал думать о том, что может произойти после прибытия короля Конана, его супруги (он два года назад женился на Зенобии) и неотвязного Халька, сущего свой длинный нос куда следует и не следует.

Как написали бы авторы дамских романов, в тот запоминающийся миг перед внутренним взором Олафа возник туманный и таинственный образ... В дамском романе это непременно был бы образ какой-нибудь прекрасной графини-маркизы, но мистер Локнит является стопроцентным прагматиком, лишенным романтического образа мыслей. А посему он заказал телефонный разговор с Квебеком (Канада) и когда сигнал прошел через Тихий океан и весь североамериканский континент, потребовал к телефону мистера Монро.

Мистер Монро ответил и немедленно был поставлен перед выбором: или вы никогда не узнаете, что было найдено в Пифоне, или вы будете помогать в сочинении романа. А точнее, участвовать в написании истории про маркграфа Ройла и его увлечении археологией на равных правах соавтора, которые будут указаны в договоре с издателями. В конце концов, вы сами виноваты — нечего было занудствовать...

И Керк согласился. Сразу. На свою беду.

Если вы думаете, что работать в соавторстве просто, то глубоко ошибаетесь. Это трудно хотя бы потому, что значительная часть литературных героев Керка и Олафа списана с реальных людей — внешность, характер и привычки принадлежат прототипам. Ну например «граф Кертис» в настоящей жизни является сотрудником уголовной полиции, а «Гвайнард из Гандерланда» работает в одной из спецслужб. Вопрос только в том, что данные прототипы живут в тысячах миль друг от друга и Олаф Локнит ни разу в жизни не видел «Гвайнарда», а Керк Монро «графа Кертиса». Как прикажете их описывать? А ведь соавторы приняли решение ввести в роман большинство старых героев из прежних романов Локнита и цикла Керка Монро «Ночная Охота».

Было решено пойти по пути наименьшего сопротивления. Активно действовать будут только самые любимые персонажи обоих авторов или вообще «люди со стороны», в предыдущих романах мелькавшие на заднем плане или вообще доселе не существовавшие. С другой стороны, такие известные персонажи как герцог Мораддин Эрде или маг Тотлант отойдут в сторону и будут лишь «создавать фон». Олаф и Керк уговорились, что они будут писать по очереди по одной главе, которая затем будет отправлена второму соавтору для редактирования и внесения надлежащих дополнений.

Засим, было решено разделить роман на три сюжетных линии, которые были предварительно поименованы «магической», «военной» и «политической». Во-вторых, строй текста остался традиционным — монологи героев, рассказывающих о событиях от первого лица. И в-третьих было принято решение взять за основу совершенно новый и никогда прежде не использовавшийся сюжет, о котором следует сказать подробнее.

Давайте перенесемся из Хайборийского мира в наш Универсум и вспомним, каковы были причины большинства крупных конфликтов в средневековой Европе, «отражением» которой являются государства Закатного материка, расположенные к западу от Кезанкийских гор. Правильно: все до единого крестовые походы, войны в Лангедоке или Италии, экспедиции европейцев в Африку и Египет и так далее и так далее были обусловлены религиозными мотивами.

Мы знаем, что Хайбория по определению веротерпима: в нашем распоряжении имеется справочный файл, в котором описано почти три сотни разнообразных божеств, «обитающих» в Мире Конана, причем большинство из них вовсе не злые, а «нейтральные». Нордхеймцы верят в Вотана-Одина, киммерийцы в Крома, обитатели Заморы — в Бела Обманщика. Веруй в кого угодно, только будь хорошим человеком... Просмотрев большинство произведений «Саги» соавторы пришли к выводу, что серьезных религиозных конфликтов в истории Заката никогда не было.

Основную мысль соавторов можно озвучить примерно следующим образом: а что произойдет, если в Хайбории появится новое, доселе неизвестное вероучение, крайне привлекательное внешне, и, одновременно отрицающее прочие верования и не считающее обычную для стран Заката веротерпимость обязательной добродетелью? В истории нашего мира такой пример был — учение катаров, альбигойская ересь, процветавшая на юге Франции в XI-XIII столетиях. Католической церкви и французской короне пришлось приложить немало усилий и принести большие жертвы ради того, чтобы уничтожить

еретиков, смущивших умы многих тысяч обитателей Прованса и Лангедока своими проповедями.

Но описывать обычный религиозный конфликт было бы неинтересно. В конце концов, в Хайбории огромное значение имеет магия и все, что с ней связано. Политическая ситуация после Немедийской войны, случившейся совсем недавно, крайне нестабильна, особенно в пределах Трона Дракона — Немедия еще не успела оправиться от связанных с мятежом принца Таракса потрясений двухлетней давности. Но если у соавторов получится перемешать на страницах своего романа все три линии — появление нового и крайне реакционного вероучения, магию и политику, то может получиться нечто оригинальное. Тем более, что Керк и Олаф придерживаются одинаковой точки зрения: «стандартные» сюжеты «Саги» читателю надоели. Кому интересна очередная история о черном маге, решившем захватить власть над миром?

Так, из пустоты, начал рождаться роман «Тени Ахерона», вторую часть которого вам представлена. Читайте, оценивайте, критикуйте. И ждите вскорости третий том.

Искренне желаем нашим читателям всего самого наилучшего.

Олаф Бьорн Локнит, Керк Монро, (Окланд — Квебек)

Ноябрь 2003 года.

Посвящаем нашему общему другу Раймону-Роже

с благодарностью за аутентичные источники...

Олаф и Керк.

Глава 1

Первый рассказ Халька О КОЛДУНАХ И КАМЕРДИНЕРАХ

Тарантия, Замок Короны,

12 день второй осеннеи луны 1296 г. по основанию Аквилонии.

Моя жизнь просто невыносима...

В качестве дополнения ко всем свалившимся неприятностям, в те дни у меня жутко разболелись зубы. Кажется, я серьезно застудился, когда верхом ездил в библиотеку Обители Мудрости — ветер был очень холодный, пронизывающий, не спасал даже толстый шерстяной плащ с глубоким капюшоном. Результат: на следующий день у меня начался жар, а половину физиономии разнесло так, что даже заплыл правый глаз. Верхняя десна воспалилась настолько, что кушать какую либо твердую пищу стало совершенно невозможно — очень больно.

Пришлось звать дворцового лекаря — месьора Монтеля, который посмотрев на раздувшуюся рожу месьора тайного советника и королевского летописца, только покачал головой, горько повздыхал, и сразу предложил вырвать два зуба, чтобы выпустить гной. Но я, как на скверно себя чувствовал, немедля восстал против лекарского произвола — зубы мне еще пригодятся, да и здоровы они вроде бы... Нет ли каких-нибудь других способов избавиться от проклятущей немощи?

Монтель снова вздохнул, развел руками, посоветовал полоскания травяным отваром да холодные примочки и с тем отбыл, не забыв, однако, напомнить, что если я все-таки надумаю избавиться от верхнего правого клыка, железные клещи у нашего изощренного целителя всегда находятся под рукой. При мысли о клещах, мурашки побежали у меня по хребту от шеи к копчику, и я предпочел о месьоре Монтеле немедленно забыть.

Мой новый камердинер, Джигг, безотлагательно отправился на малую дворцовую кухню, располагавшуюся как раз под моими комнатами на первом этаже — заваривать зелье, а я с самым печальным видом устроился в любимом кресле со старинной книгой в руках — ныне ничто меня так не интересовало, как история Кхарии.

Ближе к вечеру заглянули король и королева, проведать скорбящего тяжким недугом библиотекаря. Конан с Зенобией выглядели до отвращения свежо и даже немного весело, хотя, как я уже сказал, в свете навалившихся на нас за последние седмицы печальных известий, радоваться вроде бы было совершенно нечему.

Монаршая чета пробыла в гостях недолго, киммериец спустя квадранс ушел, сославшись на занятость — теперь ему приходилось все прилежнее заниматься пресловутыми «важными государственными делами». Разворачивающиеся в Полуденных областях королевства события требовали пристального внимания короля и оставлять дела только на совесть вице-короля Просперо Пуантенского, канцлера Публио и незаменимого барона Гленнора Конан более не мог. Слишком серьезной казалась ситуация, да и Просперо срочно уехал в Гайард, столицу своего герцогства, разбираться с делами на месте.

— Ваши полоскания, господин барон, — от мрачных дум меня отвлекла вкрадчивая речь камердинера. Джигг стоял на пороге комнаты с серебряным подносом в руках. На подносе

дышилась фарфоровая плошка с горячим и, как выяснилось, отвратительнейшим по вкусу варевом. Уж не знаю, каких таких «целебных травок» намешал туда этот чернокнижник Монтель, но при одной мысли об отваре меня начинало тошнить. Полагаю, что даже самые смертельные яды гораздо вкуснее.

— Поставьте на стол, Джигг, — слабо прошепелявил я, поскольку из-за боли в десне разговаривать было трудно. — И не смотрите на меня волком, я обязательно выполню предписания господина лекаря, а не вылью эту отраву за окно...

— Очень надеюсь, что ваша миłość прислушается к мнению месьора Монтеля, — сказал Джигг, взгромождая поднос с мерзкой жижей передо мной. — Насколько я сумел выяснить, он считается весьма знающим лекарем, в Тарантийской гильдии целителей о нем самые лучшие отзывы.

— Еще бы они были скверными! — я попытался поморщиться. — Дурака и шарлатана никто не возьмет на должность королевского костоправа...

— Распоряжения насчет ужина, господин барон? — невозмутимо осведомился камердинер. — Сегодня к вечерней трапезе готовят великолепную дичь в зингарской подливе. Любимое блюдо его величества.

Я воздел на Джигга страдальческий взгляд. Он что, издевается? Какая, к демонам, трапеза? Тем более — мясо... Я даже рта раскрыть нормально не могу!

— В таком, случае, я, как и вчера, приготовлю вам на ужин кашу с растертыми фруктами, и размоченными в молоке пшеничными лепешками, — Джигг моментально понял, что я готов сорваться и начать орать. — Я уже упоминал, господин барон, что это простое блюдо очень вкусно, питательно и не доставит вам... э... лишних страданий.

— Хорошо, Джигг, можете приготовить кашу... Обязательно остудите, от горячей пищи только больнее становится.

— Как будет угодно господину барону. Никаких других распоряжений не последует?

— Нет. После полудня не было новых писем?

— Никаких, господин барон. Только...

Камердинер многозначительно замолчал.

— Что — «только»? — насторожился я. У Джигга потрясающая способность оберегать своего хозяина от самых малейших неприятностей и скверных известий, но иногда он перехватывает через край. — Вы опять «забыли» доложить мне о какой-нибудь очередной гадости, потрясшей наше несчастное королевство?

— Что вы, господин барон. Просто сегодня в замок прибыли двое весьма экстравагантных чужестранцев, которые настойчиво добивались встречи с вами. Я сообщил этом достойным месьорами, что вы серьезно больны и не принимаете никого, кроме монаршей четы по самым неотложным делам. Надеюсь, я не позволил себе ничего лишнего, господин барон?

С Джиггом всегда так. Он никогда не позволяет себе отступить от строжайших правил этикета, но обязательно предпочитает в мягких и необидных выражениях выразить передо мною свое отношение к тому или иному человеку или событию. В переводе с джигговского языка на нормальный, слова «несколько экстравагантные чужестранцы» означают примерно следующее: «Хальк, к тебе явились два крайне подозрительных типа, которых я выпроводил за порог, ибо, как идеальный слуга, я полагаю, что благородный дворянин и тайный советник короны не должен общаться с подобными отбросами».

Я только поднял очи горе и осведомился:

— Джигг, почему вы назвали этих месьоров «экстравагантными»? Они что, нарушали правила приличия, носили на голове нижнее белье или плевались в тронной зале?

— Нет-нет, упомянутые господа ничего подобного себе не позволяли, господин барон. Просто один из них, судя по облачению и внешности, является магом Черного Круга Стигии, а второй, вероятно, его слугой из простецов. Крайне невоспитанный молодой человек, позволю себе заметить.

«Что за чепуха? — подумал я. — Откуда у нас в Тарантии, да еще в Замке Короны, колдун Черного Круга? Или Конан наконец-то помирился с Тот-Амоном и пригласил его в Тарантию погостить? А знаменитый маг решил встретиться со мной, повспоминать наши авантюры времен Полночной Грозы? Бред какой-то...»

— Они хоть представились? Этот самый маг и его невоспитанный слуга?

— Разумеется, господин барон. Некие Тотлант Луксурский и Веллан, сын Арта из Пограничного королевства.

— Однажды я вас рассчитаю Джигг, и выставлю взашей с должности камердинера! — взвыл я и тут же схватился за больную щеку. — Вы с ума сошли! Приезда этих людей я жду почти целую луну!

— Прошу простить за досадную промашку, господин барон, — столь же невозмутимо поклонился камердинер. — Но я не был извещен, ибо в противном случае...

— Митра Всеблагой! — продолжал разоряться я. — Где они, Джигг? Надеюсь, вы не отправили моих гостей ночевать на постоялый двор?

— Разве я мог себе такое позволить, господин барон? По личному приказу короля упомянутых месьоров разместили в гостевых комнатах, Полночное крыло замка. Видимо, они знакомы с его величеством...

— Даже лучше, чем вы думаете, — хмуро проворчал я. — Немедленно отыщите обоих и препроводите в мои комнаты! Слышите, Джигг, тотчас же!

— Как будет угодно господину барону, — сдержанно ответил камердинер. — Осмелюсь напомнить, что ваш отвар для полоскания остывает...

Джигг ненавязчиво подвинул поднос ближе ко мне, развернулся и словно растворился в пустоте — среди многоразличных достоинств моего слуги есть потрясающее умение появляться и исчезать совершенно незаметно для других людей, а его тихой поступи может позавидовать любая кошка.

...Я поразмыслил, встал, забрал плошку с вонючей жидкостью и все-таки вылил ее за окно, в плещущиеся под стеной замка холодные воды Хорота. Надеюсь рыба в реке кверху брюхом не всплывет, хотя есть серьезные подозрения, что это будет именно так. Я содрогаюсь от одной мысли, что мне еще несколько дней придется брать в рот этот кошмарный субстрат, порожденный воспаленным воображением дворцового лекаря и руками Джигга.

Итак, Тотлант приехал, как и обещал. Ничего удивительного — сейчас вся гильдия магов Равновесия, в которой состоит стигиец, стоит на ушах: слишком уж серьезная интрига закрутилась на Закате... Когда нам с Конаном стало окончательно ясно, что без помощи знающего волшебника не обойтись, мне в голову пришла мысль немедленно вызвать Тотланта из Вольфгарда, где он живет последние одиннадцать лет. В конце концов, Тотлант помогал нам в самых серьезных делах, начиная от уничтожения Небесной горы в 1288 году, и заканчивая историей с Алым Камнем и Великой войной за престол в Немедии.

Нет, разумеется, у нас есть свой придворный волшебник — ни один королевский двор

Заката не может обойтись без мага, Аквилония тут исключением не является. Одна беда — Озимандия Темрийский очень и очень стар, Конан содержит его во дворце только в качестве эдакого живого артефакта, да и сам Озимандия полагает свою должность более почетной, нежели ответственной — киммериец предпочитает разбираться с делами безо всякой магии. Конан не слишком доверяет колдовству, что Черному, что разноцветному.

Но Тотлант — другое дело. Ему недавно перевалило за тридцать пять лет, однако энергии и живости в стигийце хватит на десятерых семнадцатилетних. Кроме того, он грамотный волшебник и наш старинный друг — настоящий друг, сомневаться в верности которого невозможно.

То, что вместе с Тотлантом в Тарантию навязался Веллан, с одной стороны плохо, а с другой хорошо. Лишние руки и голова нам сейчас решительно не помешают, но в то же время Веллан обладает невероятным даром наводить во всех делах такие сумятицу и беспорядок, что разгребать последствия его действий приходится потом долгие седмицы, если не годы...

Что ж, посмотрим, чем сможет нам помочь эта неразлучная парочка! Благо помощь, особенно магическая, требуется ныне довольно остро.

* * *

— Сет Великий! — именно этим возгласом поприветствовал меня с порога Тотлант. — Хальк, что с тобой? Ужасно выглядишь, нельзя же так себя не любить!

Я повернулся к волшебнику свою опухшую вдвое против обычного физиономию и развел руками:

— Вот, болеем... Безумно рад тебя видеть, старина!

За плечом Тотланта белело осуждающе-озабоченное лицо Джигга. Нутром чуял, что я использовал спасительное зелье отнюдь не по прямому назначению. Конечно, серебряная полоскательница-то пуста.

Я отлично понял, почему мой камердинер поименовал Тотланта «магом Черного Круга». Сколько лет прошло, а стигиец въевшимся раз и навсегда привычкам не изменяет, облачается точно в традициях давно покинутой родины. Алые гильдейские плащи магов-равновесников Тотлант одевает только во время конclavev своего Ордена или на торжественные приемы. Обычно он носит угольно-черную хламиду с вышитыми золотой нитью на груди песочными часами и змеей, свернувшейся в круг и держащей в зубах свой хвост — символы Вечности и Равновесия. Незнающий человек может запросто принять змейку за изображение Сета.

Я не понимаю, как Тотланта доселе не убили на дороге, поскольку таких типов в Аквилонии очень не любят. С него можно рисовать картинку с подписью: «настоящий стигиец» — черные с золотом одеяния, бритая голова, очень смуглая кожа и темно-карие глаза, умные и хитрющие. Словом, натуральнейший черный маг, который приносит жертвы Сету трехдневными младенцами и использует кровь невинных девиц для составления колдовских декоктов...

— Веллан попозже зайдет, отправился в термы, отмываться с дороги, и застрял там на половину дня, — ответил Тотлант на мой немой вопрос о том, почему не пришел наш приятель-оборотень. — Ты, Хальк, сиди, не вставай. Сейчас посмотрим, что можно сделать с

твоим не в меру раздутым лицом...

— Только не это! — простонал я, понимая, что волшебник сейчас устроит надо мной некую малоприятную экзекуцию. — Тотлант, оно само пройдет!

Проклятый колдунишка меня и слушать не стал. Протянул руку к большой щеке, сверкнула алмазным глазком змейка на стальном магическом кольце, украшавшем средний палец его правой руки. Я на всякий случай зажмурился.

Кожу кольнуло искоркой и в воздухе запахло грозой и морозом. Половина лица моментально онемела, словно приложили лед. Тотлант неразборчиво бормотал заклинания на стигийском языке, чем в очередной раз вызвал неодобрение Джигга, явно раздумывавшего, не следует ли броситься на помощь хозяину, над которым ставит эксперименты заезжий колдун.

— Вот и все. Можно открыть глаза, — послышался мягкий голос Тотланта и волшебник повернулся к моему камердинеру: — Любезнейший, подайте месьору Хальку серебряное зеркальце. Пусть барон Юсдаль оценит результаты работы.

Невероятно, но десна больше не болела. То есть, вообще не болела — теперь я преспокойно мог улыбаться, разговаривать и пережевывать твердую пищу. Доставленное Джиггом серебряное зеркало подтвердило, что опухоль полностью исчезла.

— Уж и не знаю, как благодарить, — выдавил я, все еще не веря своим глазам и ощупывая щеку. — Тотлант, это просто невероятно!

— То же самое ты говорил, когда три года назад я избавил тебя от жутчайшего похмелья, — рассмеялся волшебник, непринужденно усаживаясь в кресло напротив. — Помнишь прошлый мой приезд в Тарантию?

Еще бы не помнить... Именно тогда мы с Тотлантом «выдумали» злосчастный клад Нифлунгов — сколько неприятностей принесла эта авантюра я даже вспоминать не хочу. Наше счастье, что мы выпугтались из той истории с относительно небольшими потерями.

— Полагаю, господин барон сочтет нужным отменить свое распоряжение относительно каши с молоком и тертыми фруктами? — напомнил о себе Джигг.

Взгляд камердинера потепел: после моего чудесного исцеления он, видимо, начал относиться к Тотланту со сдержанной симпатией.

— Разумеется, Джигг! Тащите все самое лучшее, что найдете на кухне! Прикажите виночерпию выдать вам два кувшина «Пурпурного Либнума» урожая 1288 года.

— К фазану в соусе гораздо лучше подойдет белое аргосское вино, господин барон...

— Да? Хорошо, оставляю этот вопрос на ваше усмотрение.

Камердинер исчез, словно его в моем кабинете никогда и не было. Я остался наедине с Тотлантом.

— Полагаю, настало время обмена новостями, — усмехнулся маг. — У вас в Аквилонии новости сплошь дурные, потому, чтобы не портить настроение, я выслушаю их потом.

— Рассказывай, что творится у вас в Пограничье, — сказал я, попутно доставая припасенную бутылочку красного пуантенского. Пока Джигг принесет ужин и вино, с голоду помрешь... — В письмах ты не слишком подобен.

Тотлант приложился губами к хрустальному кубку, оценил букет и начал свою повесть. В общем-то, у наших самых верных и преданных союзников на Полуночи материка все было просто отлично. Торговля процветала, войн и баронских бунтов не предвиделось, патриархальное Пограничное королевство жило своей тихой жизнью, вызывая зависть у соседей растущим богатством и редкой для Хайбории стабильностью. Торговля с

Подгорными владениями гномов Граскааля, крепко сдружившихся с королем Эрхардом после Полуночной Грозы, приносила отличный доход, да еще добавим сюда пошлины за провоз товаров из Гипербореи и Нордхейма на Полдень и обратно, да вывоз леса и меха пушных зверей, да собственные серебряные копи...

Неплохо для маленькой страны, всего десять лет тому считавшейся самым захудальным королевством Заката.

Все старые знакомцы живы-здоровы, Эрхард, хоть и самую чуточку постарел, по-прежнему крепок и деятелен, Эртель помогает дядюшке в управлении страной и почти остынился — собирается жениться будущей весной. Гном Фрам, Темвик, Стеварт Сольскель (между прочим родной батюшка аквилонской королевы!), Стефан Король Историй и прочие общие друзья передавали приветы и обязательно приглашали заезжать в гости как Халька Юсдаля, так и короля Конана вместе с Зенобией, Просперо и всеми остальными.

Что еще? По прошествии нескольких лет, гномы Граскааля, подрядившиеся построить в столице новый королевский замок наконец-то закончили работу и резиденция Эрхарда теперь может поспорить в красоте и величественности с обиталищами аквилонского и немедийского королей. Бородатые карлики-дверги, великие искусники,озвели на месте прежнего замка (который иначе как «сарам» с старые времена и не величали) истинный шедевр архитектуры и фортификации, так что теперь Вольфгарду не страшны никакие чужеземные вторжения.

Подгорный король Дьюрин VIII заверил Эрхарда, что взять главную крепость Пограничья штурмом не в человеческих силах, к тому же, если сделать надлежащие припасы, там можно в случае чего отсиживаться хоть до Конца Мира и Битвы Богов. А коли стряслася нечто совсем непредвиденное, можно запросто уйти из замка через огромный подземный тоннель прямиком в горы, к союзникам-гномам. Одна беда — содержание новой крепости обходится слишком дорого.

Больше никаких особых новостей нет, а знать, кто у кого увел очередную подружку, тебе, Хальк, будет неинтересно.

— Хотелось бы услышать, а где твоя очаровательная супруга? — закончив рассказ поинтересовался Тотлант и указал взглядом на портрет баронессы Цинции Целлиг-Юсдаль, висевший над моим столом. — Разве малютка Цици не в городе?

— Цинция постоянно кашляет, у нее слабая грудь, — огорченно поведал я. — Зачем ей осенью находиться в Тарантии, со здешними туманами-вампирами и людьми-безумцами? Я отправил жену в Зингару, климат там гораздо лучше, да и королева Чабела была очень рада принять Цици у себя во дворце, они подружились во время войны Алого Камня... Путь Цинция поживет в Кордаве, пока наши дела не придут в относительную норму и не наступит зима.

— Понятно, — кивнул Тотлант. — Ужасно жаль, что Цици болеет. Если будет нужна помощь, я готов...

— Спасибо, постараюсь учесть. Впрочем, лекари у Чабелы куда надежнее наших аквилонских коновалов. Цинция пишет, что стала чувствовать себя гораздо лучше. Надеюсь, обойдемся без вмешательства магии.

— Как знаешь... Ага, кажется подоспело время подкрепиться!

Явился Джигг, сообщил, что в трапезной комнате накрыт стол на двоих и если благороднейшие месьоры соблагоизволят покинуть кабинет, то они смогут закончить беседу за ужином.

Из приоткрытой двери потянуло столь соблазнительными запахами, что я едва не захлебнулся слюной. И это после долгого воздержания! Не спорю, фруктовые каши Джигга тоже недурны, но ведь невозможno питаться ими почти пять дней!

Едва мы с Тотлантом заняли свои места и успели насладиться сияющим начищенным серебром столовым прибором, как со стороны дверей в коридор послышался ледяной голос Джигга:

— Нет, сударь, господа трапезничают... Это абсолютно невозможно, сударь... Повторяю: это исключено!

— Да пошел ты! — громыхнул подозрительно знакомый мне баритон. — Пусти, кому говорят!

Камердинер появился в трапезной с таким выражением на лице, что мне показалось, будто он обнаружил у себя в сапоге одновременно гадюку, скорпиона и ядовитую жабу.

— Месьор Веллан, сын Арта, желает видеть вас, господин барон, — в речи Джигга звенели стальные нотки. — Я пытался решительно настоять на том, что вас нельзя отвлекать во время ужина, однако этот юноша...

Помянутый юноша отодвинул надувшегося Джигга в сторону и явился пред наши светлые очи.

Н-да, Веллан практически не изменился со времени нашей последней встречи на свадьбе Конана и Зенобии в 1293 году. Кажется, этот охламон вообще не становится старше, сколько бы лет не проходило. Надо думать, играет свою роль отличительная черта народа Карающей Длани — оборотни очень медленно стареют да и живут значительно дольше человека.

Джигг не совсем прав: «юношей» назвать Веллана сложно. Вполне взрослый сформировавшийся мужчина в возрасте около двадцати пяти лет, с широкой костью, впечатляющими плечами, и пробивающейся светлой щетиной на щеках и подбородке — не будет бриться, заростет бородищей от уха до уха. Шикарная копна соломенных волос, сильные руки, а легендарный взгляд обманчиво невинных и наивных голубых глаз Веллана сразил уже не один легион романтических красоток...

Ну надо же! Наш оборотень одет не в кожу и шкуры, как положено варвару из далекого и диковатого Пограничья, а во вполне приличное дворянское облачение — темно-зеленая котта с гербом Полуночного королевства: геральдический щит разделен горизонтально на две части, в верхней половине на червленом поле изображена золотая королевская корона; в нижней, в серебряном поле — зеленеют три дубовых листа, которые держит в зубах черная волчья голова. Недурно...

— Слушай, Хальк, что за хмырей ты набрал себе в прислугу? — громогласно возмутился Веллан, даже не соизволив поздороваться. — Этот напыщенный холуй не пускает нас к тебе полный день, отговариваясь всякой ерундой! То ты болен, то занят, то ужинаешь! Я рассчитывал на совершенно другой прием в твоей пропахшей пергаментом и чернилами вотчине...

После «напыщенного холуя» выражение лица Джигга почти не изменилось — он лишь чуть-чуть приподнял правую бровь, что означало крайнее волнение и возмущение. А увидев, как развязный оборотень приблизился к столу, нахально оторвал ножку от жареного фазана и отобрал у Тотланта серебряную тарелку, прежде предназначенную для десерта (фрукты в сиропе и булочки с растопленным маслом и медом), камердинер развернулся и молча уплыл в свою комнату — страдать. Отлично понимаю его чувства — Джигг помешан на этикете и

приличиях, в понятия «этикет» и «Веллан» столь же совместимы, как огонь и вода.

— Ладно, рожа, садись... — едва сдерживая смех сказал я, указывая Веллану на место справа от меня. — И впредь запомни, что ты находишься с коронном замке Великой Аквилонии, а не у себя в хлеву!

— Кому и хлев — коронный замок, — не остался в долгу оборотень. — А вообще, рад встрече Хальк. Как поживаешь?

Я понял, что с прибытием Веллана разговор затянется до полуночи, если не до утра.

* * *

Первые смутные признаки надвигающейся угрозы появились еще около полутора лет назад, но тогда никто не обратил ни малейшего внимания на появившуюся в Немедии секту последователей древнего иранистанского пророка Мэнхах — обитатели королевств Заката веротерпимы, в одной только Аквилонии насчитывается почти полторы сотни самых разнообразных культов, от вполне пристойных и признанных государством (митрианство и близкий к нему кульп Иштар), до самых экзотических, вроде нордхеймского вотанизма или редкого у нас вендийского «созерцательного учения».

Святой Эпимитриус тысячу триста лет назад сам призывал к терпимости, однако завещал своим потомкам — аквилонским королям — быть осмотрительными и внимательными, поскольку Первозданное Зло Черной бездны тоже не дремлет и всегда будет пытаться запустить свои скользкие щупальца в мир людей. Вполне естественно, что во всех до единого королевствах к Закату от Кезанкайского хребта поклонение темным богам открыто не одобряется властью или вообще запрещено — как, например, у нас в Аквилонии. Последователей Сета или Затха могут запросто выслать из страны, а то и вообще предать казни через очищающее пламя за всякие гадости наподобие человеческих жертвоприношений или использование черной магии.

Еще со времен Первых Королей «государственной религией» в пределах Трона Льва признано митрианство — аквилонский престол и его владелец вкупе со всеми добрыми подданными находятся под защитой Солнечного Бога. Однако, не противоречащие постулатам учения Митры и Эпимитриуса культуры отнюдь не подвергаются преследованиям и право людей верить в того бога, какой им больше нравится, сомнению не подлежит. Между прочим у нас в Тарантии самыми крупными святилищами являются храмы Иштар, Бела, Нергала Справедливейшего, как олицетворения беспристрастности, и Эрлика-Воителя, покровителя военного дела.

Все довольны, никто не обижается, хотя митрианские храмы и монастыри и считаются самыми богатыми и пользующимися благоволением короля и двора. Но увы, одной из причин начавшейся на Закате духовной смуты являлось то, что митрианство в борьбе за души издавна занимало главенствующую позицию и высшие жрецы начали беззастенчиво пользоваться своим влиянием и богатством — тут даже король Конан и его соратники, проведшие за последние восемь лет весьма основательные реформы, были бессильны что-либо изменить. Жреческое сословие оказалось слишком косно и независимо для того, чтобы прислушаться к голосу разума и начать хоть какие-то преобразования.

И, разумеется, зажравшиеся митрианские жрецы проглядели реальную опасность.

Насколько я могу судить по собственным наблюдениям и докладам Латераны, нашей секретной службы (у меня, как у советника короны, есть возможность заглядывать в закрытые для широкой публики бумаги), недовольство политикой храмовых конclave в народе и у дворян постепенно росло — обители имели право скупать земли, с которых в казну шел минимальный налог (это в Немедии и протекторатах Трона Дракона. В Аквилонии Конан запретил монастырям владеть своими ленами), щедрые пожертвования верующих превратили некоторых высших жрецов в весьма богатых людей, которые не гнушались даже торговлей, напрямую запрещенной Эпимитриусом в своих «Заветах», на монастыри работали тысячи кметов и ремесленников...

Словом, некогда скромные и созерцательные митрианские обители переродились в роскошные дворцы, жречество и монахи, позабыв о стяжании благ духовных обратились к благам материальным, изначальные постулаты о чистой и безгрешной жизни позабылись, вместо того, чтобы помогать бедным и утешать страждущих, жрецы превратились в совершеннейших торгашей. К сожалению, эта болезнь поразила абсолютное большинство крупных митрианских общин на Закате.

И вот тут как-то очень вовремя появились последователи Мэнхаха, которых еще называли «фатаренами» — названиешло от иранистанского слова «очищенные, чистые душой». На первый взгляд их проповедь являлась совершенно безобидной, но позже, когда сектанты набрали нешуточную мощь и орду последователей, государи Заката поняли, что столкнулись с очень серьезной проблемой, с силой, способной пошатнуть тысячелетние устои нашей цивилизации.

Если пересказать учение пророка Мэнхаха кратко, то получается вот что: в самом начале времен, когда создавался наш мир, боги разделились на два враждующих меж собой лагеря — богов Тьмы и Первозданного Зла, и богов Истинного Света. Последние создали мир бестелесный, наполненный светом и добром, где обитали бесплотные души, купавшиеся в лучах Изначального Неугасимого Пламени. Но Темные боги восстали и в насмешку над своими добрыми собратьями создали мир материальный, телесный, сиречь тот, который нас окружает. Чистые души были заключены в плоть, как в тюрьму, материя стала верховенствовать над бессмертным духом.

Таким образом, получается, что человеку надо избавиться от всего тварного, отречься от плотского зла, чтобы обрести бестелесный мир Света. Это означает отречение от стяжания богатства и от плотской любви, ведущей к появлению новой материи, а следовательно, зла. До нас доходили сведения, что самые первые проповедники фатаренов действительно являлись людьми если не святыми, то по меньшей мере фанатичными подвижниками. Они отказались от употребления мяса (вдруг в теле убитого животного заключена чистая человеческая душа? Это уже людоедство получается...), жили нищенством и подаяниями, носили самые простые рубища и неустанно проповедовали отречение от плоти и пользу Бессмертного и Плененного Телом Духа.

Немудрено, что новое (точнее, слишком хорошо позабытое старое) учение обрело большую популярность в Немедии, серьезно ослабленной и разоренной войной Алого Камня. Особенно неприглядно на фоне «очистившихся» бессеребренников выглядело митрианские жречество — монастыри продолжали богатеть, собирать подати и пожертвования, а сами монахи вели разгульную жизнь, которую уж никак нельзя было назвать благочестивой.

Далее события начали нарастать как снежный ком. Весьма неожиданно учение фатаренов приобрело новую форму — некие неизвестные философы весьма творчески взглянули на постулаты пророка Мэниха и переработали их по своему. Если плоть грешна, следовательно все слабости и грехи человека можно списать на козни богов Черной Бездны, создавших материю. Душа не может быть изначально злой, но ею руководит плоть. То есть, если ты убивал, грабил, прелюбодействовал — Душа не виновата, освободившись от тела она уйдет в Царство Света, а тело, как мерзкое порождение Бездны, скниет в земле за свои прегрешения.

Надеюсь, общий принцип этого весьма оригинального учения вам ясен? По большому счету это — проповедь вседозволенности. Не нужно соблюдать законы, поскольку они продиктованы интересами плоти. Верши любые злодеяния — ты не виновен, это все делается по велению созданной Злом материи. Избавляйся от имущества, если хочешь приблизиться к «очищению», причем таковое имущество лучше всего передать в пользу высшего конclave секты, он найдет способ как им распорядится «во имя добра». Если ты занимаешься темной магией — тоже ничего страшного, это лишь голос плоти, которая тебя заставляет обращаться к забытым кхарийским культурам или религии Сета Змеенога. Человеческие жертвоприношения? Тоже не возбраняется! Тем более, что таковое приношение является добрым делом — душа убиенного освобождается от грешной плоти и уходит в счастливый мир духов.

В общем, жутковатая философия, согласитесь...

Через маркграфа Ройла, тесно связанного с магическим Орденом Алого Пламени Равновесия и сотрудничающего со знаменитой гильдий Ночной Стражи нам удалось достоверно выяснить, что верховный конclave секты фатаренов (руководители еретиков якобы называли себя «Братьями Черного Солнца») успел за последнее время приобрести весьма серьезное влияние в Полуденной Немедии и Коринфии, зараза постепенно распространялась и в Аквилонии — в великом герцогстве Шамар и в Пуантене. А когда мы в общих чертах поняли глубинный замысел фатаренов, даже обычно невозмутимого Конана проняло.

К Черному Солнцу стекаются пожертвования фатаренов — избавляться от гречных золота и серебра есть добродетель, этим ты хоть частично очищаешься. Захват земель, покупка дворянских ленов? Тоже добродетель — бывшие владельцы теперь не обременены нечистыми материальными благами. Если все будет продолжаться так, как и сейчас, то довольно скоро предводители Черного солнца станут настолько могущественны, что смогут непосредственно влиять на жизнь и политику некоторых государств Заката.

Маркграф Ройл предположил, что сектанты отлично знают, чего хотят — контроль над торговлей, собственное обогащение, возможность влиять на ход исторических событий. Ройлом было высказано мнение, что идея создать Черное Солнце и использовать прочно забытые в наши времена мысли Мэниха появилась в изощренных умах купцов и влиятельных торговцев, а отнюдь не среди черных магов. Маги и колдуны, скорее всего, являются просто мальчиками на побегушках у влиятельных и очень богатых персон из верховного конclave Черного Солнца.

Между прочим, судя по попавшим в руки конфидентов Латераны секретным отчетам казначейства Трона Дракона за прошлый год, доходы виднейших купцов Немедийского королевства возросли почти в два раза, что не может не настораживать. Слишком подозрительный скачок...

Мы достоверно выяснили, что Черное Солнце вовсю использует в своих целях темную

магию, что вполне объяснимо — и рядовых адептов секты проще держать в повиновении, и противников припугнуть можно. Сторонники фатаренов начали активные изыскания в древних заброшенных городах и склепах времен Кхарии — искали мощные артефакты, и это тоже давало повод к невеселым мыслям...

А вот что сказал по поводу Черного Солнца на королевском совете почтеннейший барон Данкварт Гленнор, бессменный глава тайного департамента Аквилонии:

«— Учение фатаренов привлекло к себе, во-первых, нечистых на руку личностей, желающих обогатиться — этим скотам плевать на философию и прочие умствования. Их бог — золото. Такие встречались всегда и во все времена. Во-вторых, к фатаренам, будто тараканы на кухню, начали сбегаться черные маги всех мастей — им понравился постулат о том, что душа безгрешна, и только по велению тела можно творить все, что восблагорассудится. Упомянутые дельцы, моментально поняли выгоды сотрудничества с колдунами — магия расширяет их возможности вытягивать золото из подданных Закатных стран. И последняя, третья сила — высшие дворяне, недополучившие свою долю власти и влияния. Им тоже малоинтересны бредовые выкладки о духе и плоти, тьме и свете, но использовать учение Мэниха в своих интересах они не брезгуют. Таким образом получается, что «торгаши» не могут существовать и проворачивать свои делишки без помощи «политиков», те и другие нуждаются в магии, как средстве запугивания и дополнительной силе, а «колдуны» не способны развернуться во всей красе без золота первых и поддержки вторых. Как уже сказано — перед нами три крысы с совершенно различными интересами и чаяниями, но до поры, до времени они вынуждены трудиться вместе...

Черное Солнце — прямая угроза государству, всему тысячелетнему укладу жизни. Они уже не могут остановиться, перешли грань, лавина сорвалась. Первые почувствовали вкус к огромным деньгам, другие могут сравнительно безнаказанно использовать запретное колдовство, третьим явился призрак власти.»

К моему ужасу, тогда я понял, что Гленнор может оказаться безупречно прав. Глава Латераны вообще редко ошибается.

Вот в такой ситуации оказались мы с Конаном к осени 1296 года по основанию Аквилонской монархии. И эту проблему следовало решить как можно быстрее — слишком явственной и серьезной была опасность, грозившая перерасти в прямое столкновение между королевской властью и резко усилившейся сектой еретиков.

* * *

Пока я рассказывал все вышеизложенное Тотланту, Веллан молча сидел на диванчике у дальней стены и изучал обнаруженный на моем столе фолиант с пышным заголовком: «Определение нрава, всей прошлой и будущей судьбы особ женского пола согласно форме и размеру их грудей. Сочинение Абеля Любека, лекаря из Гайарда Пуантенского. В изводе со старонемедийского на аквилонский, в лето 1258-е, с сорока шестью рисованными картинами».

Оборотень пролистал книжку, просмотрел все сорок шесть рисованных картин. Некоторыми остался доволен. Только когда я закончил описывать Тотланту все постигшие

нас несчастья, Веллан искоса взглянул на меня и осведомился:

— Слушай, а почему вы их всех попросту не перебили? Зная решительность Конана и его открытую нелюбовь к черной магии, которой эти самые фатарены вовсю промышляют...

— Ты как был туповатым капитаном гвардии из дремучего Пограничья, так им навсегда и останешься, — огрызнулся я. — Нельзя использовать прямое насилие, по крайней мере пока. Секта немедленно превратится в «гонимую» и завоюет еще большие симпатии, кроме того ей симпатизируют некоторые влиятельные аквилонские и немедийские дворяне из Полуденных провинций, а король не хочет с нимиссориться.

— Согласен с тобой, — отозвался Тотлант. — И тем не менее, в охваченных ересью областях Трона Дракона закрываются митрианские монастыри, их собственность захватывается, монахи изгоняются... У вас тоже скоро начнется нечто подобное.

— Уже началось, — мрачно ответил я. — Думаешь, почему Простеро Пуантенский срочно уехал в Гайард? В некоторых городах Пуантена народ возмутился богатством монастырей, вышвырнул за ворота жрецов, фатаренов открыто поддержал граф Раймон Фуа вкупе со своими многочисленными родственничками... Едва получив письма от жрецов Мирты о событиях в Пуантене, Простеро отправился на родину с миссией умиротворения — мы надеемся, что он сможет пресечь смуту в зародыше. И из герцогства Шамарского, с немедийской границы, приходят похожие новости. Черное Солнце всерьез взялось за Аквилонию — наша страна слишком богата и стабильна, такой лакомый кусок!

— Это заговор, — уверенно сказал Веллан. — Причем крайне оригинальный. Никогда ни о чем подобном не слышал. Религиозных смут на Закате спокон веку не бывало...

— Веллан правильно говорит, — кивнул Тотлант. — Поданные Закатных королевств со времен Эпимитриуса были удивительно терпимы практически к любым верованиям. Не понимаю, как такое могло случиться!

— Завтра очередной совет у короля, — сообщил я волшебнику. — Конан тебя обязательно пригласит, ты теперь у нас снова будешь коронным советником по вопросам магии. Без помощи Ордена Равновесия нам с этой духовной отравой не справиться...

— Вот с утра и будем думать, — устало сказал Тотлант. — Веллан, пойдем отдохнуть. Надеюсь, в наших комнатах уже подготовили постели. А ты, Хальк, не расстраивайся. Если мы пережили такие невероятные ужасы, как Полночная Грозда или война Алого Камня, то и с вашими еретиками разберемся. Спокойной ночи.

Ему легко говорить — «не расстраивайся»! Я же отчетливо ощущаю, как фундамент на котором стоит здание Аквилонии начал раскачиваться и трескаться — слишком уж давно я вращаюсь в сферах высокой политики, чутье меня еще ни разу не подводило...

Боюсь, нас ожидает очень недобрая зима.

* * *

Поскольку это был первый вечер за пять дней, когда меня не донимала воспалившаяся десна (спасибо незаменимому Тотланту и его спасительной магии!), я решил лечь попозже — следовало разгрести дела, накопившиеся за время болезни.

Я отослал Джигга отдохнуть (на самом деле он отправился в комнаты для прислуги на

нижний этаж замка, поиграть со своими коллегами в тарок), а сам занял позицию за рабочим столом в кабинете и принялся отвечать на письма. Одна депеша пришла из Бельверуса, от товарища Тотланта по Ордену Равновесия, волшебника Валента Мессантийского и Гвайнарда из Гандерланда — стаинного приятеля короля Конана, состоявшего в гильдии Ночных Стражей, которых чаще именуют охотниками на монстров.

К моему вящему сожалению, этой лихой парочке пока ничего не удалось разузнать насчет руководителей Черного Солнца, но Валент меня обнадеживал — мол, некоторые нити уже у него в руках и остается только распутать клубок. Маг сетовал на то, что помощи от знаменитого Пятого департамента (визави Латераны в Немедии) пока нет никакой, и о чем думает начальник тайной службы Трона Дракона — неизвестно... Да, увы, герцог Мораддин после гибели своих детей во время мятежа принца Таракса, начал терять былую хватку. Надо будет завтра попросить барона Гленнора, чтобы наши конфиденты в Немедии начали оказывать Валенту, Гвайнарду и Хранителям Ночной Стражи посильное содействие.

Два письма прибыли из Кордавы, от возлюбленной супруги. Цинция сообщала, что у нее все хорошо, она благополучно отдыхает на побережье и вращается в высших кругах Зингарского дворянства — это означало, что Цици вовсю порхает по балам да приемам и развлекается как может. Пускай уж развеется, жизнь в Тарантии куда более скучна, чем может показаться.

Следующий пакет был доставлен из замка маркграфа Ройла. Его светлость сообщал, что продолжает раскопки на развалинах Пифона Стобашенного, но пока, к сожалению (а может, и к счастью...) ничего стоящего обнаружить не удалось. Ройл будет держать Конана и меня в курсе событий.

На прочие послания я ответил сравнительно быстро — они касались моих библиотечных дел и доставки в королевское книгохранилище копий редких книг, которые я заказал в Офире и Туранде.

Куранты на донжоне королевского замка начали отбивать последний колокол перед полуночью и я решил отправиться на боковую. Поскольку мои апартаменты рядом с библиотекой были перестроены и полностью отремонтированы после пожара трехлетней давности, я спланировал собственное обиталище самостоятельно, а дворцовому архитектору и мастеровым оставалось лишь претворить в жизнь мой план.

Все устроено очень удобно. Из гостиной комнаты можно попасть через разные двери и в кабинет, и в спальню, оттуда же есть прямой выход в коронную библиотеку — грандиозное книгохранилище, занимающее почти весь третий этаж весьма немаленького Закатного крыла дворца.

Я убедился, что Джигг еще не пришел из гостей и комната камердинера пустует, отправился в спальню, обнаружил что предусмотрительный слуга давно разобрал мою постель и даже положил под одеяло нагретые возле камина камни — чтобы хозяин не ложился на холодные простыни.

...Думаете, мне позволили мирно заснуть? Да ничего подобного!

Признаться, за долгие восемь лет службы у короля Конана Канах я привык к любому бесовству, навидался всякого — от исторгающих знаменитое Зеленое Пламя подземных монстров, порожденных ныне уничтоженной Небесной Горой, до кошмарных с виду, но добрых внутри вампиров-кэтаканов (с одним из представителей этого племени я раззнакомился совсем недавно, в замке маркграфа Ройла). Но мрачные чудеса никогда еще не настигали барона Юсадаля пряником в его собственной спальне, посреди ночи.

Разумеется, я испугался. А вы бы не испугались, когда стена справа от кровати, вдобавок украшенная пушистым турецким ковром, на котором красовалась моя скромная коллекция холодного оружия, внезапно заместила некоей аморфной шевелящейся массой, более напоминающей неудавшееся фруктовое желе?

Рука машинально потянулась к кинжалу, валявшемуся рядом, на ночном столике. Я, подавляя острое желание заорать в голос, соскочил с постели и отошел в дальний угол — там была дверь, выводившая в комнату Джигга, откуда я сразу смог бы выскочить в коридор, к лестнице на которой есть пост внутренней стражи дворца. Пока ничего особенно страшного не происходило, если не считать острого запаха грозы и того, что изо рта у меня повалил пар, будто на морозе.

Почему — «будто»? Действительно, в спальне стало очень холодно! Колдовство, вот что это такое! Причем довольно мощное колдовство... Если я не ошибаюсь, магический поток возник не непосредственно в моей комнате, а приходит откуда-то извне. Выход один — сматываться отсюда поскорее!

«Один момент, — сказал я самому себе, — если бы некие недоброжелатели собирались меня убить, то от Халька Юсадаля давно осталась бы лишь кучка пепла, слишком сильное волшебство, это даже я чувствую... Посмотреть что будет дальше? Или, все-таки, не рисковать?»

Вспучивающаяся черными пузырями стена вдруг окуталась тучей холодных сине-белых искорок и в спальне стало светло как днем. Очертания неведомого порождения чужого волшебства стали приобретать более ясную форму — широкий овал, высотой от пола до довольно высокого потолка.

Это не портал, сразу ясно — уж на что, а на различные порталы, выстроенные Тотлантом, Озимандией, Пелиасом и даже незабвенным Тот-Амоном я насмотрелся вдоволь. Передо мной некая неизвестная магия — появились слишком яркие огни необычной формы, будто огромные цветы распускаются. Запах стал особенно резким — пахнет уже не так, как после разряда молнии, ударившей совсем неподалеку. Похоже на запах расплавленной стали и горящего древесного угля. Теплее, однако, не становится.

Все кончилось неожиданно — режущий глаза свет моргнул и погас. Я протер глаза.

— Добрый вечер, господин барон. Полагаю, я не ошибся и вы действительно являетесь Хальком, бароном Юсадалем, тайным советником аквилонской короны и личным библиотекарем его величества Конана Канах?

Он стоял там, где только что переливались всеми цветами радуги призрачные пятна холодного пламени. Высок, но все-таки пониже вымахавшего почти до четырех локтей киммерийца. Одет, если верить неверному свету свечей, в темно-синий плащ с обычной вышивкой по краю — меандр, принятый в Аргосе, Офире и прочих странах к Полуденному Восходу от Аквилонии. Лицо скрывает маска. Оружия на поясе нет.

— Вы кто такой? — выдавил я. — И какого зеленого демона, простите, вам тут нужно?

— То, что вы видите перед собой — лишь бесплотная тень, хотя она и кажется материальной, — донесся голос из-под маски. — Это магическое отображение моей личности. Сам я нахожусь в тысячах лиг от Тарантии, но в то же время могу говорить с вами, месьор Юсадаль, а вы не испытываете никаких неудобств, поскольку видите перед собой собеседника. Клянусь, это гораздо лучше, чем разговаривать с неведомо как появившимся из пустоты незнакомым голосом... Вина можете не предлагать, все равно я не смогу его выпить.

— Кто вы такой? — едва не срываясь на крик, повторил я. — Терпеть не могу незваных

гостей!

— Сейчас я все расскажу, — спокойно ответил призрак на хорошем аквилонском языке. Впрочем, некий невнятный акцент все же прослеживался, скорее всего, полуденный — офирский или коринфский. — Я не причиню вам никакого вреда.

— Вы... Точнее, ваша изначальная сущность, с отражением которой я разговариваю — человек?

— Да. Человек. И дворянин, обладающий древним и славным титулом. Может быть вы, барон, присядете?

Вот тебе и гости посреди ночи! Ну что ж, если меня приглашают к беседе, отчего бы и не поговорить? От разговоров еще никто никогда не умирал...

Глава 2

Первый рассказ Гвайнарда ПТИЧКА, КАК СИМВОЛ УГРОЗЫ

21 день второй осенней луны 1296 г.

Бельверус, столица Немедии

— Светлейший герцог примет вас, месьор Гвайнард, через два квадранса. Можете подождать здесь.

Я послушно уселся на жестковатое кресло в приемной, проводил взглядом секретаря его светлости Мораддина Эрде, а затем попросту уставился в окно, поскольку делать больше было нечего.

Не скажу, что новое здание Вертрауэна, выстроенное взамен сгоревшего во время мятежа принца Таракса, потрясло меня своей таинственностью или неким скрытым величием. Обычнейший трехэтажный домина, протянувшийся почти на половину квартала на одной из центральных улиц Бельверуса. Только охраны много да решетки на окнах. А так знаменитый Пятый департамент личной канцелярии его королевского величества Нимеда II выглядит обычнейшим присутственным местом, скучным, пропахшим сургучом, чернилами, сапогами и пергаментом.

Я, разумеется, вполне сознаю, что за многочисленными дверьми Вертрауэна скрываются нешуточные тайны, в которые посвящен лишь весьма узкий круг сотрудников герцога Мораддина, что в подвалах этого мрачноватого дома коричневого кирпича отыщутся как уютные казематы, так и не менее хорошо обустроенные пыточные, что некоторые господа из прочих тайных служб без колебаний отдадут половину жизни за хранящиеся здесь бумаги, но... Я не привык совать нос в чужие дела. Поскольку своих хватает с избытком.

Зачем мне нужны чужие (и совершенно неинтересные) секреты? Я пришел в Вертрауэн по делу.

Кстати, визиту в святая святых немедийской закулисной политики я обязан как ни странно Конану Канах, тому самому великозврастному балбесу, который одиннадцать лет назад ходил под моим началом в отряде Ночной Стражи. Ничего не скажу, Конан был неплохим охотником, мы крепко сдружились и я знал, что на киммерийца можно положиться в самых тяжелых ситуациях. Однако, осенью 1295 года Конан предпочел покинуть мою ватагу и отправился в Пограничье, где с размаху влип в историю с мятежом Бешеных Оборотней. Потом его вроде бы видели в Пайрогии — киммериец участвовал в перевороте Альбиорикса, тогда еще вовсе не короля, а командира королевской гвардии, возжелавшего напялить на себя корону Бритунии. Затем варвар уехал в Аквилонию вплоть до 1288 года я ничего о нем не знал.

Представляете мое удивление, когда аквилонские купцы посетившие захолустное герцогство Райдор, где промышлял мой отряд, сообщили о том, что владыки Пуантена свергли Нумедидеса и усадили на Трон Льва некоего странного типа с подозрительно знакомым мне именем — Конан Канах? Я немедленно отправил Рэльгонна (катаакана из Рудны, моего старого приятеля и помощника в делах ремесла) в Тарантию — проверить. Поскольку рудненский упырь владеет бесценным даром мгновенного перемещения в пространстве, он успел все разнюхать меньше, чем за половину ночи и принес на хвосте

потрясающую весть: Аквилонией теперь правит наш общий друг.

(Отлично помню как в прежние времена мы с Конаном смеялись над однажды данным ему предсказанием. И вот сюрприз — варвар действительно ухитрился залезть на Трон Льва, и что самое невероятное, сумел на нем удержаться... И вроде бы даже показал себя неплохим государем, сумевшим набрать толковых помощников, принявшихся вытаскивать Аквилонию из трясины, куда загнали страну Нумедидес и его присные.)

Я был почти уверен в том, что мне уже никогда не придется свидеться с Конаном. Слишком разные у нас интересы и ремесла — король и охотник на монстров. Судьба, однако, распорядилась иначе.

В начале этой осени, по приказу Хранителей гильдии Ночной Стражи, я отправился в Аквилонию, а именно в маркграфство Ройл. Его светлость маркграф, прежде оказывавший гильдии посильную помощь и состоявший в высшем конclave Хранителей в качестве советника по древней истории, отыскал на обнаруженных им руинах Пурпурнобашенного Пифона некий могучий артефакт, принадлежавший кхарийцам и решил передать его на сохранение нашей гильдии — слишком уж много загребущих рук могло начать охотиться за этим порождением древней магии, от стигийцев, до предводителей новой и весьма опасной секты фатаренов.

Я благополучно добрался до города Шамар, однако в дороге чувствовал на себе почти неусыпное внимание неких таинственных преследователей — за мной ненавязчиво, но упорно следили. А в Шамаре неизвестные подонки устроили мне веселенькое приключение, едва не закончившееся крайне плачевно. Видимо, они подкупили чиновников из управы городской стражи. Меня арестовали, предъявили насквозь бредовые обвинения в черном колдовстве и запросто приговорили к смерти — несколько лет назад киммериец ввел в Аквилонии очень суровые наказания за темную магию.

Судьба — штука хитрая. Я уже успел попрощаться с жизнью и взошел на эшафот, как вдруг было объявлено королевское помилование. Конан, в тот день проезжавший через Шамар, сумел меня узнать и остановил казнь.

О наших приключениях в маркграфстве Ройл рассказывать нет смысла — господин Хальк Юсадаль клятвенно пообещал мне, что опишет их в своей «Незаконной хронике». Могу лишь сказать, что я забрал у Ройла артефакт, оказавшийся «Книгой Душ», позволяющей кхарийцам открывать проходы между миром людей и различными областями Черной Бездны и доставил его в Бельверус — Хранителям. Для пущей надежности и безопасности маркграф дал мне в попутчики волшебника Валента из Мессантии, магистра Ордена Алого Пламени Равновесия. Мы без особых приключений добрались до немедийской столицы (хотя за нами вновь следили, недоброжелатели не осмелились напасть на профессионального охотника за монстрами и сильного мага. Такое, знаете ли, может быть весьма чревато), отдали книгу Хранителям и собирались было разъехаться по домам — я к себе в Британию, а Валент обратно в маркграфство Ройл, где он жил последние годы, помогая его светлости в раскопках Пифона.

Но не тут то было. Все наши планы пошли прахом из-за письма, доставленного из Тарантии через так называемый «почтовый портал» — это когда в воздухе перед тобой на каткий миг открывается окруженное огненным кольцом магическое окно, а прямиком тебе в физиономию летит запечатанный пергаментный пакет.

Письмо было подписано королем Конаном, бароном Юсаделем и незнакомым мне волшебником по имени Тотлант Луксурский...

— Прошу вас пройти, месьор, — секретарь герцога Эрде появился бесшумно. — Хочу напомнить, что по нашим правилам все гости его светлости обязаны сдать оружие...

Я только пожал плечами, снял с пояса кинжал и ножны с клинком, отдал их выросшему будто из-под земли ликтору и направился вслед за секретарем к тяжелым дверям черного дуба, ведущим в обиталище человека, которого иначе как «тенью короля» и не именовали.

Впрочем, я отлично сознавал, что в нынешние времена герцог Мораддин потерял значительную часть власти и могущества — по крайней мере во времена почившего Нимеда I возглавляемый его светлостью департамент являлся чуть ли не аналогом королевской канцелярии, следил за всеми государственными делами и управлял страной. Однако, последовавшая за переворотом Таракса война Алого Камня, долгая смута в Немедии и сопряженное с этими неприятными обстоятельствами безвластие сделали свое дело — значительная часть верных соратников Мораддина была перебита мятежниками, оказались потерянными лучшие кадры и, как поговаривают знающие люди, Вертрауэн уступил сомнительный титул «лучшей тайной службы Заката» аквилонской Латеране руководимой хитроумным бароном Гленнором.

— Так это ты Гвайнард из Гандерланда? — едва переступив порог я услышал бодрый барiton хозяина почти необъятного кабинета. — Присаживайся... Месьор Лайом, принесите вина для меня и для гостя!

— Слушаюсь, ваша светлость, — прошелестел за моей спиной голос секретаря и двери затворились.

Признаться, я ожидал увидеть здесь совершенно другого человека. Конан рассказывал, что Мораддин, хоть и остался главой Вертрауэна после воцарения Нимеда II, вроде бы стал нелюдим, угрюм и холоден — еще бы, потерять всю семью! Сын и дочь герцога погибли, жена вроде бы сошла с ума и была отправлена к родственникам куда-то в Зингару. Я бы ничуть не удивился, узрев перед собой хмурого и строгого старика, весь смысл жизни которого сводится только к интригам, шпионским забавам и конструированию самых зловещих заговоров.

Ничего похожего! Меня встретил невысокий, но весьма широкий в плечах месьор, возраст которого определить было довольно сложно. Вроде бы Мораддин относительно молод, сиречь еще не переступил пятидесятилетний рубеж, но, с другой стороны, было в его взгляде нечто такое, что заставило меня увериться — внешность обманчива и герцог гораздо старше, чем выглядит. За это говорили и седые пряди в его короткой окладистой бороде.

Никакой лишней угрюмости в месьоре Эрде я не заметил — деловит, в газах горят хитрые искорки, движения легки и преувеличенно спокойны: так двигаются только полностью уверенные в себе люди. Одет начальник Вертрауэна богато, но без пошлой роскоши — темно-коричневый с золотой нитью колет, на груди справа посверкивает крошечными бриллиантами миниатюрная копия коронного ордена Венца Нуны, сиречь высшей награды Немедии, получение которой означает, что удостоившийся этой великой чести дворянин автоматически пожалован и всеми прочими орденами Трона Дракона. На

дворянском поясе сверкают самоцветами ножны церемониального кинжала, непременного атрибута любого высокопоставленного немедийского чиновника.

— Ваша светлость, — вспомнив правила куртуазии я снял шапку и скромно поклонился — все-таки дворянин, а не простец! Тот факт, что Гвайнард из Гандерланда всего лишь третий ненаследный сын барона Кетта, чьи владения расположены в жутчайшем захолустье, едва ли не на границе с Киммерией, никого не должно волновать. — Имею сообщить, что во исполнение поручения короля Аквилонии Конана Канах...

— Умоляю, месьор Гвайнард, не нужно такой кошмарной напыщенности! — с деланным ужасом воскликнул герцог. — Насчет поручения Конана мы поговорим после, хорошо? Ты же состоишь в гильдии Ночной Стражи, верно? Я знаком кое с кем из Хранителей, о тебе у них самые лучшие отзывы... Мне срочно требуется консультация знающего человека!

— Но... — заикнулся я, однако Мораддин схватил меня за рукав и потащил к выходу из кабинета. В этот же самый момент на пороге образовался секретарь, державший в руках поднос с изрядной бутылью вина и двумя бокалами синего стекла. Герцог обогнул своего помощника, увлекая меня в коридор и крикнул ему вслед: — Лайом, поставьте вино на стол! Мы ненадолго прогуляемся в шестой внутренний двор! Хочу показать месьору Гвайнарду птичек!

Я едва слюной не поперхнулся. Какие, к демонам, «птички»? Может быть, у Мораддина Эрде, как и у его несчастной супруги, помутился разум?

Безмолвные караулы пропускали нас беспрепятственно — блюстители только провожали меня суровыми взглядами, которые жгли спину. Поворот направо, наверх по лестнице, еще раз направо... Мы миновали двойной пост стражи (герцог зыркнул на капитана, проворчал «он со мной» и медведеподобные молодые люди в коричневой форме мигом посторонились), затем вошли в совершенно пустую комнату без мебели и Мораддин вывел меня на балкончик, смотревший на квадратный двор, больше напоминавший каменный колодец.

— Вот, попрошу взглянуть, — герцог указал вниз. — Что на это скажет опытный охотник за монстрами?

Я послушно взглянул. И едва не съехал по стенке на пол.

Да, во дворе действительно находились две птички. Каждая птичка была прикована ко вбитым в камень огромным чугунным кольцам цепью, другой конец которой оканчивался охватившим птичину лапу браслетом диаметром в три ладони. Рядом с птичками валялся окровавленный остов быка или вола. Запах, конечно, соответствующий.

Сказать, что у меня отвисла челюсть — значит ничего не сказать. Раньше я видел нечто подобное только на картинках!

— Итак? — вкрадчиво напомнил о своем существовании Мораддин. — Что это такое, по-твоему?

— Метациплена́рий, — выдавил я, попутно наблюдая, как птичка поменьше, отрывала от бычьего скелета остатки мяса. — Самый натуральнейший, живой метациплена́рий! Боги милостивые, ваша светлость, где вы их раздобыли?

— Расскажу позже. Сначала хочу услышать все, что тебе известно об этих прелестных существах.

Одно из прелестных существ заслышиав человеческие голоса устремило свой взгляд на нас, каркнуло по-вороньи, и попыталось подпрыгнуть. Звякнула короткая цепь и огромный

клюв металлически щелкнул в двух локтях от балкона. Мороз по коже, честное слово!

Видели когда-нибудь дарфарских страусов? Так вот, метаципленарий выглядел приблизительно так, как и страус, только был раз в десять крупнее. Украшенная могучим черным клювом голова находилась на высоте трех человеческих ростов. Поддерживаемое толстыми грязно-розовыми лапами туловище приближалось по размерами к очень упитанной корове. Лапищи заканчиваются тремя когтями, каждый длиной с аквилонский пехотный меч, дополнительный четвертый коготь (покороче и потолще) растет из пятки и почему-то направлен вверх. Перья короткие, очень жесткие, киречно-седого цвета. Крыльшки до смешного маленькие, почти как у обыкновенного лебедя или орла — следовательно, летать это чудище не может, однако способно и на земле натворить немалых бед. Особенно если учитывать тяжеленный клюв, похожий на клюв титанического попугая, и весьма впечатляющие коготки.

Мораддин выжидательно смотрел на меня, а я не мог отвести взгляд от удивительных птиц. Только когда глава Пятого департамента ненавязчиво кашлянул, я, припомнив книги некоторых путешественников, ответил:

— Метаципленарии — живые существа. Ничего волшебного или демонического, это обычные... кхм... птички, только очень большие. Обитают на Огненных островах — Полуденный океан, к полуденному восходу от побережья Кхитая и Пагана. Очень далеко... Они являются хищниками, причем весьма опасными. Охотятся стаями, способны убить любое крупное животное, кроме пожалуй, слона или гиппопотама. Некоторые источники утверждают, что дикии Огненных островов способны метаципленариев приручать и использовать в междуусобных войнах в качестве своеобразной кавалерии. Точных данных нет.

— Что еще известно? — продолжал настаивать Мораддин.

— Практически ничего. Примерно семьдесят лет назад королевские корсары Зингары привезли в подарок тогдашнему государю Жайме IV птенца метаципленария. Оказалось, что птица действительно приручается и, конечно, если хорошо ее кормить, для хозяина-человека опасности не представляет. Живет метаципленарий довольно долго, не менее полустолетия. Как прирожденных хищник, питается исключительно мясом. Скелет птицы подаренной королю Жайме до сих пор находится в Кордаве, в коллекции редкостей графа Эспиносы Алиеде. Оставившие воспоминания морские путешественники утверждают, что в нашем климате эти твари выжить не могут — привыкли к теплу.

— Правда? — саркастично вздернул брови герцог Эрде. — Если ты не заметил, на дворе середина осени. В Бельверусе в это время начинаются серьезные заморозки, только вчера снежок шел. А этим скотинам — хоть бы хны! Раз в три дня приходится целого быка скормливать — разорение! При том, что Пятому департаменту отпускаются из казны весьма неплохие средства...

— На Закате подобных существ доселе не видывали, — уверенно сказал я. — Случай с подаренным зингарскому монарху птенцом не в счет, это, скорее, казус. Ваша светлость, и все-таки, где вы раздобыли аж целых двух взрослых птиц?

— Долгая история, — поморщился Мораддин. — Насмотрелся? Тогда пойдем обратно, в мой кабинет, пить вино. Кроме того, скоро будут бить полдень, должна зайти моя супруга, тоже заинтересованная в твоем рассказе.

— Супруга? — не удержался я от вопроса. — Ваша светлость изволили жениться во второй раз?

Мораддин посмотрел на меня недоумевающе, но потом хлопнул себя ладонью по лбу и тихо рассмеялся:

— Ах да, конечно же... Конан наверняка успел тебе разболтать. Впрочем, давай я вас познакомлю, и ты убедишься, что многочисленные слухи не имеют под собой оснований. По крайней мере сейчас.

* * *

Она уже ждала нас. Весьма юная темноволосая особа, непринужденно развалившись в обширном кресле, перелистывала взятую из шкафа книгу с золотым обрезом и одновременно попивала вино из серебряного стаканчика. Я сразу подумал, что эта девушка никак не может быть женой его светлости — слишком молода, по виду ей дашь не более восемнадцати-двадцати лет.

Однако, меня насторожило другое. Когда мы с Мораддином переступили порог кабинета, амулет Ночной Стражи недвусмысленно стукнул меня в грудь и на мгновение стал холодным. В сущности, такое поведение со стороны безмозглого сгустка охранной магии, заключенного в выплавленный из серебра оберег, еще ничего не означало — амулет призван чувствовать опасность и предупреждать своего хозяина о возможных неприятностях. Только когда рядом находится самая настоящая нечисть, он начинает постоянно вздрагивать и леденеет, а если находящаяся рядом злая сила превосходит в мои магию оберега, он может и расплываться — такое уже случалось, например когда мы с Конаном охотились на монстров в мире Аурус, что за Вратами...

Сейчас амулет меня предупредил: держи ухо востро! Восседающая перед тобой дамочка может быть опасной. И опасность представляет заключенное в этой молодой женщине волшебство. Неужели супруга его светлости — магичка?

— Прошу, знакомьтесь, — обходительно сказал Мораддин, прежде целомудренно поцеловав красавицу в щечку. — Ее светлость Ринга, герцогиня Эрде, баронесса Энден. А это — Гвайнард Гандерландский, из гильдии Ночной Стражи. Дорогая, я уже говорил, что он привез послание от Конана.

— Очень рада, — герцогиня милостиво улыбнулась не разжимая губ и в упор взглянула на меня. Взгляд больших желто-карих кошачьих глаз на миг встретился с моим и я понял, что амулет не лгал — в зрачках женщины плескалась некая неизвестная мне сила, причем было невозможно понять, собственная она или заемная.

Госпожа Ринга, заметив мое замешательство, усмехнулась и сказала лукаво:

— Надеюсь, месьор Гвайнард не устроит охоту на вампиров пряником в кабинете моего мужа?

Я непонимающе посмотрел на Мораддина, и, как показалось, тот слегка покраснел, а затем смущенно произнес:

— Я полагал, что если ты являешься близким другом Конана, то киммериец мог рассказать некоторые подробности... Ринга происходит родом из Рабиров. Именно там она... гм... отдыхала со временем войны Алого Камня и смогла вернуться в Бельверус совсем недавно.

— ...И если бы не великое искусство Астэллара, осталась бы в Рабирийских горах навсегда, — совсем уж непонятно продолжила герцогиня. — Что же мы стоим? Рассаживайтесь, досточтимые месьоры. Гвайнард, не надо пожирать меня взглядом. С Конаном из Киммерии мы познакомились в 1273 году, двадцать три года назад, а он доселе жив и здоров... Прижившиеся среди людей рабирийские гули не представляют опасности. Если конечно, с ними не случается ничего скверного, как это однажды произошло со мной.

Митра Лучезарный! Мало мне метаципленариев, так еще и гуль! Да не простой гуль! Ночная тварь, принявшая образ исключительно привлекательной женщины, немедийской герцогини и жены начальника тайной службы Трона Дракона! Как все-таки интересно жить — каждый день видишь и узнаешь что-нибудь новое!

* * *

Среди почти сотни разновидностей вампиров, обитающих на Закатном материке, гули стоят особняком. Почти никто из людей не знает, откуда они взялись, что представляют из себя в действительности, а не в сказках, их владения на Восходных склонах Рабирийского кряжа доселе остаются закрытыми для людей, несмотря на тот странный факт, что пару лет назад королева Чабела Зингарская ухитрилась завязать с вождями Рабиров некое подобие дипломатических отношений — впервые за всю историю Хайбории.

У Ночной Стражи есть более точные сведения о гулях, поскольку Хранители Гильдии уже не одно столетия занимаются тем, что составляют самый подробный свод записей о всех не-человеческих существах нашего мира.

Если вкратце, то история этого древнейшего (если не самого древнего в нашем мире!) народа выглядит так: много тысячелетий назад, во времена легендарного Роты Всадника, часть бессмертного народа элентари (у нас известных под названием альбов или «Высших эльфов») сознательно перешла на сторону Повелителя Полуночи, получив наименование «эллери ахе». После Великой Войны «светлые» боги свергли Роту и уничтожили его крепость Астахэнну возле Трех Вулканов, попутно утопив половину континента в Закатном Океане. Эллери ахе были прокляты — у них отобрали дар бессмертия и их сущность была извращена проклятием, возложенном на них тогдашними «светлыми богами», о которых люди ныне успели забыть.

Как народ гулей выжил на протяжении бесчисленных столетий — уму непостижимо! Гули прибегли к строжайшей самоизоляции, заперлись в своих неприступных рабирийских владениях и никогда не вмешивались в дела широкого мира. Но мир меняется, наверняка изменились и эллери ахе. Про шашни королевы Чабелы с рабирийцами я уже упомянул, да и отдельные представители этого народа начали изредка появляться в странах Заката.

Не могу не признать: госпожа Ринга весьма похожа на гуля, хотя этот народ внешне почти не отличается от обычных людей. Она невысока ростом, сложения скорее хрупкого, кожа бледновата, но это можно списать на долгую болезнь, которую перенесла герцогиня. И глаза, конечно — таких замечательных янтарных глаз у человека не встретишь.

Не могу не упомянуть, что наша гильдия относится к гулям со сдержанной настороженностью. В прежние времена они не покидали Рабирийские горы и не вели

внешних войн, хотя весьма успешно отбивались от зингарцев и аргосцев, в разные годы решивших прибрать к рукам обширные угодья, принадлежащие гулям. Определенную опасность представляли только единичные гули, решившие покинуть родину и жить среди людей.

Для выживания гулям требуется живая кровь. Любая. Кровь кролика, курицы, свиньи. И, возможно, человека. Если гуль начинает открыто являть пристрастие к крови людей, по Уложению Гильдии он из «представителя иной разумной расы» моментально превращается в «монстра» и подлежит уничтожению. В долгой истории трудов Ночной Стражи известно лишь три-четыре случая, когда наши отряды охотились именно на рабирийских гулей, решивших, что города или деревни людей являются для них идеальными охотничими угодьями.

Между прочим, непосредственно перед войной Алого Камня, один из отрядов Гильдии искал в Бельверусе вампира, совершившего несколько потрясающих по своей жестокости убийств, но не преуспел — таинственный убийца исчез немедленно после переворота принца Таракса, скорее всего погиб во время тогдашней сумятицы или был убит тайной службой, которая тоже охотилась на этого монстра.

Что интересно: судя по оставленным на телах погибших ранам и некоторым иным обстоятельствам, командир ватаги Ночной Стражи, действовавшей в немедийской столице, сделал вывод, что в убийствах повинен именно рабириец. И скорее всего это была женщина-гуль... Между прочим тогда Пятый департамент настоятельно посоветовал Ночной Страже прекратить дознание по делу о вампире. Почему — объяснено не было.

...Словом, я бы настолько удивлен неожиданной встречей с герцогиней Рингой, что просто сжал в ладони кубок с вином и молчал, не зная что сказать. В конце концов, если госпожа утверждает, что знакома с Конаном Канах почти четверть века — значит, так оно и есть. Зачем Ринге врать? Вспомним, что киммериец всегда относился к не-людям с симпатией — взять хотя бы Рэльгонна: он тоже вампир, однако владетель замка Рудна доселе остается другом варвара и Конан не испытывает к нему никакой неприязни. В случае с герцогиней Эрде наверняка произошло то же самое.

— Я вижу наш гость смущен, — наконец прощебетала госпожа Ринга, нарушив неловкое молчание. — Чтобы не возникало неприятных недомолвок, я хочу объясниться. Полагаю, что месьор Гвайнард, как профессиональный охотник на монстров и человек, наверняка слышавший обо мне от нашего общего друга, короля Аквилонии, испытывает к моей персоне определенное недоверие. Я права?

Ринга уставилась на меня и я снова увидел в ее глазах отблеск нездешнего и страшного пламени.

— Ваша светлость, не желая подать повода... — промямлил я, подыскивая надлежащие куртуазные формулировки. В конце концов я совершенно не хотел обидеть герцогиню.

— Гвайнард, церемонии здесь не нужны, — отмахнулась Ринга. — Конан отлично знает, что со мной случилось тогда, он сам видел последствия и если бы не своевременная помощь киммерийца, мы бы сейчас не разговаривали. Как скоро ты свяжешься с аквилонским королем?

— Сегодня, — растерянно ответил я. — Мы с Валентом Мессантским вечером напишем отчет обо всех недавних событиях и я хочу сообщить его величеству о результатах разговора с вами... Депеша в Тарантию будет переслана магом Валентом незамедлительно, через почтовый портал.

— Вот и чудесно, — удовлетворенно кивнула Ринга. — Сообщи Конану, что я... Что я выздоровела и известный ему Астэллар надеется, что сумеречное безумие ко мне не вернется — он сумел вернуть мою душу из Хаоса, Не-Света и Не-Тьмы. Все-таки он отец нашей расы... Но проклятие доселе довлеет над рабирийцами, Астэллар не в силах его снять.

— Момент! — я аж подался вперед. — Ваша светлость...

— Можно просто «Ринга».

— Да-да, Ринга... Ты сказала, что... Астэллар? Отец вашей расы?

— Боги Милостивые! Именно! Конан отлично знает, кто такой Астэллар. Да и для всех прочих людей, замешанных в эту историю его происхождение не является тайной. Он — Рота. Рота, Всадник Полуночи. Тот самый... После тысячелетнего изгнания ему удалось вновь вернуться в мир живых. Но не богом, а человеком. Лишь человеком, пусть и наделенным изрядными магическими способностями, являющимися лишь жалкой тенью былого величия.

— Та-ак... — у меня, наверное в десятый раз за это утро, челюсть отвисла,. — Дело в том, что мы с Конаном однажды видели Всадника и даже говорили с ним...

— Ах, ну да, теперь головоломка сложилась, — отозвалась герцогиня, понимающе качнув головой. — Давным-давно киммериец мне рассказывал, что однажды ухитрился пройти через Портал Эпох во времена Роты, в эру его могущества. Значит, вы тогда были вместе? Занятно! По крайней мере теперь ты сможешь лучше понять то, о чем я говорю. Так вот: Астэллар, или если тебе будет удобнее, Рота, доселе владеет властью над нашими душами. Ему и моему отцу Драго, разумеется, понадобилось почти два года, чтобы вырвать меня из ловушки Сумерек, но им это удалось, как ни странно. Раньше сумеречное безумие считалось неизлечимым, пораженный Сумерками эллери ахе навсегда уходил в мир Не-Тьмы и Не-Света... Я вернулась. Вернулась исцеленная от тягостных ран прошлого. Почти исцеленная... Вернулась, чтобы начать жизнь заново, с чистой страницы. Вернулась к человеку, которого люблю. Больше ничего Конану не пиши — полагаю, мы с ним встретимся и я все расскажу королю сама. Договорились?

— Хорошо, ваша светл... м-м... Ринга. Договорились.

— Вот и отлично. А теперь забудем о делах личных и займемся государственными. Где письмо?

Я сунул ладонь в висевший на поясе споран, извлек из сумки пакет и передал Мораддину. На пергаменте, выше малой королевской печати, было размашисто написано рукой барона Юсдаля:

«Его светлости Мораддину Эрде в собственные руки от Конана Канах, Халька Юсдаля и Тотланта Луксурского. Передать препоручается Гвайнарду из Гандерланда.»

— Это просто замечательно, — жарко выдохнула Ринга, привстав и взглянув на пакет. — Все прежние друзья живы и здоровы, наша развеселая компания вновь собирается вместе... Дин, что там?

— То, что я и предполагал, — хмуро ответил глава Пятого департамента, пробежавшись глазами по строчкам. — Черное Солнце. Конана очень беспокоит невероятное распространение ереси фатаренов в полуденных областях Аквилонии. Он отлично знает, что у нас положение не лучше и предлагает действовать совместно. Киммериец взял в союзники Орден магов Алого Пламени Равновесия и Ночную Стражу. Если мы согласимся участвовать в этой необъявленной войне, то Конан хочет устроить тайную встречу в Тарантии...

— Когда? — вздернула брови Ринга. — До аквилонской столицы слишком далеко ехать,

путешествие займет много дней, а времени у нас в обрез...

— Конан написал, будто у него существует возможность собрать всех заинтересованных лиц в Тарантии менее, чем за половину ночи. Мол, у него есть друг, способный доставить кого угодно и куда угодно за одно мгновение. Маг, способный строить порталы, что ли?

Я тихонько кашлянул. Ясно! Аквилонский король собирается прибегнуть к помощи Рэльгонна, способного «прыгать через Ничто» и переносить через это самое «Ничто» людей. В общем-то, умное решение — Рэльгонн обязательно согласится помочь, если уже не согласился.

— Значит так... — Мораддин неожиданно поднялся с кресла. — Ринга, сейчас немедля поезжай домой, собери к вечеру у нас в замке всех начальников столов Вертрауэна. Мы с Гвайнардом отправимся к королю.

— Что? — заикнулся я.

— Государь Нимед II тоже крайне обеспокоен резким усилением Черного Солнца и не столь давно попросил меня тайно подготовить меры к противодействию секте. Кое-какие наработки у меня уже есть, но если мы начнем действовать вместе с магами Равновесия, Ночной Стражей и секретным ведомством Аквилонии, ощутимого результата добьемся куда быстрее... Я обязан показать письмо королю, чтобы Нимед одобрил наши планы. Возможно, он сам захочет встретиться с Конаном. Ты, Гвайнард, выступишь перед Нимедом в качестве официального посланника Трона Дракона.

— Не вздумай ехать во дворец верхом, — проворчала Ринга. — Это может быть небезопасно, а я не собираюсь вновь терять мужа...

— Ты стала чересчур мнительной, — улыбнулся в ответ герцог. — Хорошо, отправимся в закрытой повозке, с хорошей охраной. Гвайнард, ты готов?

— Да.

— Вот и замечательно. А заодно я расскажу по дороге, откуда взялись птички, которых я показывал тебе утром...

* * *

Бельверус, столица Немедийского королевства, полностью оправился от последствий недавней смуты. Известно, что любой мятеж обычно сопровождается непринужденным разгулом черни, пожарами, грабежами винных лавок и буйством неуправляемой толпы. Однако, переворот принца Таракса Кофийского был меньше всего похож на обычный бунт простецов против королевской власти. Его высочество был хитер, выбрав для устранения правящей династии Эльсдорфов Немедийских наиболее подходящий момент — мятеж вспыхнул немедленно после смерти старого короля Нимеда (до сих пор неизвестно, естественной или нет), подчинявшиеся Тараксу отряды наемников вырезали всех, кто мог оказаться сопротивление руководителям переворота, дома принцев и некоторых высокопоставленных королевских приближенных были сожжены, погибла практически вся королевская семья, за исключением младшего сына скончавшегося короля — Ольтена.

После долгой войны, для достижения победы в которой противоборствующие стороны не стеснялись в средствах и даже использовали могучую древнюю магию (посему и

родилось вошедшее в летописи название «война Алого камня»), Ольтен, которого поддержали владыки почти всех королевств Заката, а особенно Аквилонии и Зингары, все-таки занял родительский престол, при коронации приняв имя Нимеда Второго, в память об отце и старшем брате.

Прошло два года. Нимед Юный (такое прозвище получил новый король) более менее восстановил порядок в стране, последние следы мятежа в Бельверусе были уничтожены, хотя дворцы погибших братьев короля восстанавливать не стали — эти участки теперь заняты новыми домами государственных управ и купеческих гильдий.

— Мы с Рингой теперь живем в замке Энден, неподалеку от города, — заметил по пути Мораддин. — Наш прежний дом сгорел, да и мы не хотим возвращаться к причиняющим слишком много боли воспоминаниям о минувшем. Иногда мне кажется, что вся прежняя жизнь была только лишь сном. Прекрасным и ушедшем сном...

Я хотел было выразить герцогу свое сочувствие, но понял, что сделаю только хуже. Надо думать, что Мораддин и Ринга хотят навсегда забыть о гибели детей — Вестри и Даны Эрде, и действительно жаждут начать новую жизнь, не отягченную тенями прошлого. В конце концов, по меркам рабирийцев Ринга сравнительно молода и у нее еще могут быть дети.

Убедившись, что десяток конной стражи Пятого департамента неотступно следует за нами, Мораддин опустил шторки на окнах кареты, побарабанил пальцами по колену и поднял взгляд на меня.

— Мои мечты о том, что после немедийской войны Закат вновь погрузится в обычное дремотное состояние совершенно не оправдались, — вздохнув, сказал герцог Эрде. — Сам понимаешь, что начальники тайных служб отнюдь не жаждут показывать королям свою полезность, каждодневно раскрывая заговоры, строя замысловатейшие интриги против внешних или внутренних врагов государства или вылавливая заграничных конфидентов сотнями. Идеальная тайная служба большую часть времени должна бездействовать, а точнее — пресекать возможные неприятности в корне, прежде, чем заявят о себе их последствия. Один раз я проявил близорукость, недооценив возможности принца Таракса. Результатом стали ужасная война, буйство древней магии и гибель тысяч людей, включая моих близких и многих друзей и соратников... Боюсь, Вертраэн оказался не слишком усерден и в случае с Черным Солнцем.

— Почему же? — осторожно спросил я, не понимая, с чего вдруг герцог разоткровенничался. — Власти Аквилонии тоже не ожидали от еретиков такой прыти.

— Обязаны были ожидать, — нахмурился Мораддин. — Я понимаю, в лице фатаренов Закат столкнулся с невиданной прежде опасностью, в наших странах никогда доселе не возникало крупных заговоров на религиозной почве, да и все до единого старые вероучения не были столь агрессивны и настойчивы в области вербовки адептов. Запомни, Гвайнард — когда некая организация, будь то конclave колдунов, торговая гильдия или религиозная secta, начинает приобретать не только власть над душами своих приверженцев, но и над золотом, ничего хорошего не жди. Черное Солнце обрело вес, влияние, богатство — уже несколько крупных немедийских землевладельцев, обладающих, кстати, древними титулами, отказались от своего имущества в пользу sectы, многие дворяне сочувствуют учению Мэнхах... Поверь, вскоре начнутся прямые столкновения между еретиками и митрианцами, а это — новая гражданская война. Причем куда более ожесточенная, чем два года назад.

— Понимаю, — кивнул я. — Религиозный фанатизм — опасная штука, а если уж фанатики возьмут в руки клинки...

— Если бы только клинки, — криво усмехнулся герцог. — Мои конфиденты смогли проникнуть в круги, приближенные к предводителям Черного Солнца. Донесения одинаковы — в случае, если государство начнет оказывать на секту серьезное давление, они будут готовы к вооруженному выступлению. И что хуже всего, это может произойти одновременно в Немедии, в Коринфском протекторате и в Аквилонии. Коринфия и полуденные области наших королевств обяжены ересью, изгоняются митиранские жрецы, захватываются храмы и храмовые земли... А простецы, насмотревшись на зажравшихся и погрязших в роскоши митрианских монахов, поддерживают Черное Солнце — сектанты по крайней мере не требуют платить подати и совершать обязательные приношения. Пока не изменится митрианство и высшая жреческая конгрегация не начнет внутренние реформы, мы Черное Солнце не победим.

— Значит, Аквилония, Коринфия, и Немедия... — пробормотал я и представил себе карту Закатного материка. Если верить словам Мораддина, фатарены получили наибольшее влияние на территориях, образующих протянувшийся на две тысячи лиг пояс, от Пуантена до Заморы.

И тут мне в голову пришла любопытная мысль.

— Вашей светлости не кажется, что вскоре мы можем столкнуться с полномасштабным мятежом в полуденных провинциях, который сможет привести к образованию нового государства? Государства фатаренов? Помнится, король Конан Канах, маркграф Ройл и Валент Мессантийский говорили о том, что за фатаренами могут стоять влиятельные дворяне, недополучившие свою долю власти и влияния... Коринфия мечтает расстаться с унизительным статусом протектората Трона Дракона и получить статус независимого королевства, Полдень Немедии и часть Пуантена более тяготеют к культуре полуденных стран, даже язык отличен о того, на котором говорят в Боссонии, Гандерланде или других территориях на Полуночи. Понимаю, это звучит диковато, но...

— Думал, — кивнул Мораддин. — За событиями в Коринфии мы присматриваем и у меня создается впечатление, что там существует некая иная жизнь, своего рода двойное дно. С виду все благопристойно — дворяне выказывают полную лояльность к Трону Дракона, налоги поступают исправно, и в то же время коринфийцы почти открыто поддерживают новое вероучение. Пуантен? Полагаю, у Просперо хватит сил обуздать своих чересчур вольнолюбивых вассалов.

— А если нет?

— Гвайнард, не смеши меня! Все отлично знают, что за спиной Просперо Пуантенского стоит Конан, с легионами которого лучше не шутить. А вот у нас в Немедии дело обстоит куда сложнее. Страна еще не до конца оправилась от прошлой войны, королевская власть ослабла, армия уменьшилась на треть, казна полупуста... Чтобы восстановить прежнее могущество Трона Дракона нам понадобится еще как минимум пять лет спокойной жизни. А ждать спокойствия в сложившейся ситуации бессмысленно. Без помощи аквилонцев Немедии с Черным Солнцем не справиться. Тем более, что сектанты уже начали готовиться к неизбежному столкновению. И делают они это с фантазией, взять хотя бы метаципленариев.

— Что-о? — я едва воздухом не поперхнулся. — При чем тут метаципленариев?

— Мы же говорили о том, что птицы с Огненных островов приручаются? И что они могут быть использованы в качестве боевых животных? Один такой монстр — ты же видел, какие они громадные! — может разорвать в мелкие клочки десяток кавалеристов вместе с

лошадьми. Убить птиц довольно сложно, с мечом или арбалетом против метаципленария не попрешь, тут нужна как минимум баллиста с тяжелой стрелой. Теперь представь сотню всадников верхом на обученных бою метаципленариях и сделай выводы.

— Ничего не понимаю, — я помотал головой. — Фатарены разводят этих птиц? Где? Как?

— Мы выяснили это случайно. Первые опыты по выращиванию метаципленариев начались в замке барона Кулда, его владения расположены на границе с Коринфским протекторатом. Сам барон — убежденный сторонник фатаренов, хотя и не передал свои владения в пользу секты и не ушел нищенствовать, как некоторые другие. Где они раздобыли яйца с живыми зародышами неизвестно, однако подручные барона Кулда за минувший год сумели вырастить как минимум двадцать метаципленариев, как самцов, так и самок способных к воспроизведению рода. Все осталось бы в тайне — баронство слишком захолустное, медвежий угол и ужасающая дыра, за которой Пятый департамент практически не приглядывает. Ну скажи, какой страшный заговор может организовать провинциальный баронишко, не знающий ничего кроме охоты, попоек с соседями и утех с прекрасными селянками? Разумеется, мы снова проморгали...

— И как же все раскрылось?

— Один из птенцов сбежал — даже в весьма юном возрасте эти птицы очень сильны и хитры. Некоторое время птенчик охотился на овец кметов в соседнем графстве, крестьяне подали жалобу на объявившееся в лесах чудовище, позвали Ночных Стражей. Охотники, разумеется, сообщили о необычной птице куда следует — сиречь, в Пятый департамент. Мы заинтересовались, начали дознание, следы привели в замок Кулд.

— Но ведь ни в одном законе не сказано, что скучающий дворянин не может заниматься разведением метаципленариев, — справедливо заметил я.

— Верно, не сказано. Но тайная служба короля стоит выше законов — для того, чтобы оградить трон и поданных Немедии от возможных угроз, мы можем действовать в обход существующих уложений или вообще не обращать на них внимания. Барон Кулд — фатарен, он разводит опасных тварей... Это наводит на размышления, не так ли? Словом, один из боевых отрядов Вертрауэна быстро и без потерь захватил замок месьора барона, да вот незадача — хозяин, большая часть птичек и весь архив исчезли задолго до нашего появления. Мы смогли обнаружить только двух подросших птенцов, которых ты видел утром. Нашли осколки скорлупы множества яиц. Допрошенная прислуга замка не смогла ничего прояснить — да, у господина барона не столь давно появилось увлечение... гм... экзотическими птицами. Да, в замок частенько наведывались гости, интересовавшиеся метаципленариями, причем некоторые из них были облачены в простые холщовые хламиды, называли себя «Совершенными», не ели мяса и проводили для барона Кулда обряды, которые митрианскими ну никак не назовешь... За четыре дня до появления слуг короля, господин барон спешно покинул замок вместе со своими необычными питомцами, причем взрослыми птицами управляли его доверенные люди, прежде обучавшие метаципленариев. Следы Кулда затерялись — так начинаются горы, местность дикая и безлюдная. А я начал подумывать о том, что в Пятом департаменте появился изменник, предупредивший нашего любителя экзотики о предстоящем визите гостей из Вертрауэна.

— Ну и ну, — покачал головой я. — А что же они не прихватили птенцов, оставили такую улику?

— Видимо очень спешили скрыться, да и птенчики были еще слабы и не выдержали бы

далней дороги. Прислуга барона спрятала обеих птиц, но мои люди, тщательно обшарив замок, отыскали укрытие и доставили их в Бельверус. По моему приказу птенцов выкормили, за прошедшее время они подросли, фактически став взрослыми птицами, но как их обучать — никто не знает.

— Барона, надо полагать, так и не нашли?

— Нет, — помрачнел Мораддин. — И меня это очень беспокоит. Где два метаципленария, там жди и двести. Растут они быстро, наша самка уже отложила четыре яйца... Я ничуть не паникер, все самое страшное в своей жизни уже видел, а поэтому в этом мире меня мало что пугает. Но при мысли о том, что Черное Солнце однажды использует метаципленариев в качестве военной силы, мне становится крайне неуютно. Добавим сюда увлечение фатаренов кхарийской боевой магией, их популярность среди способного держать в руках оружие дворянства Полудня, огромные денежные резервы, накопленные за последнее время и получим...

— Получим силу, противостоять которой будет крайне сложно, — продолжил я. — Неужели все настолько серьезно?

— Очень серьезно, — кивнул герцог. — На Закате варится зелье, которое всем нам придется долго расхлебывать. И именно поэтому мы сейчас едем к королю. Если мощь Немедии и Аквилонии, знания твоей Гильдии и конclave магов Равновесия не будут объединены против общего врага, нас ждут веселенькие времена.

Карета с гербом Вертрауэна въехала под своды арки барбикена коронного замка Бельверуса.

Глава 3

Второй рассказ Халька ЧТО БУДЕМ ДЕЛАТЬ?

23 день второй осенней луны 1296 г.

Тарантия

Итак, сегодня ночью состоится Большой Совет.

Если быть совсем точным, то не вечером, а ночью — собрать всех приглашенных до захода солнца мы не можем по вполне объективной причине: Рэльгонн из Рудны не в состоянии действовать при свете дня, он существо сугубо ночное и испытывающее к солнечному свету стойкое отвращение. Что вполне естественно — все-таки хозяин отдаленного бритуйского замка является самым настоящим вампиrom-кэттаканом, героем страшных легенд и леденящих душу историй, красочно повествующих о жутких упырях, высасывающих кровушку из лебединых шеек невинных девиц или похищающих трехдневных младенцев.

Идея использовать каттакана в качестве «перевозчика» пришла в голову одновременно мне, Гвайнарду и Конану, однако, мы плохо представляли, как приглашенные в Тарантию гости отнесутся к столь экстравагантному способу передвижения. Разумеется, все участники Совета предупреждены, что за ними явится «доверенное лицо» короля Конана, которое при помощи волшебства мгновенно переместит их в Тарантию, но, простите за каламбур, лицо этого самого доверенного лица способно напугать даже самого хладнокровного человека.

Представьте каково это будет выглядеть: из пустоты выныривает человекоподобное существо с горящими желтым огнем круглыми глазами, усеянной коническими клычищами пастью и серо-белой кожей мертвеца и вежливо предлагает проследовать вместе с ним в Тарантийский Замок короны. Полагаю, вы сто раз подумаете, прежде чем согласитесь, если раньше не схватитесь за оружие и не начнете звать на помощь, громогласно оповещая всех окружающих, что вашу спальню посетил вампир.

Дабы избежать ненужных осложнений, мы предложили Рэльгонну на время сбора Совета надеть глухую черную маску, полностью скрывавшую его внешность, но упырь только усмехнулся и сказал, что сможет обойтись и без подобных глупостей — мол, каттаканы способны менять облик не хуже самого завзятого оборотня-допплегангера. Сие утверждение было немедленно продемонстрировано на практике — при помощи врожденной магии каттаканов Рэльгонн запросто придал своей устрашающей физиономии вполне человеческие черты и начал откровенно смахивать на страдающего несварением желудка и бессонницей черного мага с тенями под глазами, нездоровой кожей чахоточного больного и бескровными узкими губами, сложившимися в презрительно-брезгливую усмешку.

Киммериец немедленно заявил, что Рэльгонн сейчас похож на молодого Тот-Амона, будто на родного брата, и с тем приготовления к грядущему совещанию закончились. Упырь улетел ночевать (точнее «дневать») в Рудну, да и мы разошлись на отдых, благо за окном едва начало светлеть и еще можно было вздремнуть.

Уговорились так: Рэльгонн доставит всех приглашенных прямиком в Белую гостиную, расположенную в личных покоях короля немедля после следующей полуночи. Если учитывать способность упыря перемещаться на гигантские расстояния за единый миг, сбор

гостей займет не более двух квадрансов. А затем...

Затем до самого рассвета (к счастью, по-осеннему позднего), мы будем чесать языками, пытаясь выяснить, что же такое Черное Солнце и как с ним бороться.

* * *

— Нет-нет, даже такой облик вызовет недоверие, — поморщилась Зенобия, когда Рэльгонн следующим вечером объявился в Белой гостиной. — И никакие наши предупреждения не помогут. Кроме того, зеркала отражают истинную сущность, а не созданную магией иллюзию. Вот, взгляните...

Мы с Конаном, Тотлантом и заранее приехавшим во дворец бароном Гленнором послушно уставились на большое, от пола до потолка, серебряное зеркало. Ну точно, «черный маг», стоявший перед нами исчез, заместившись в отражении подлинным обличьем каттакана — зубастым и остроухим. Только одежда рудненского вампира осталась неизменной — мешковатая хламида с капюшоном, украшенная медальоном в виде свернувшегося в колечко дракончика.

— Ладно, убедили, — недовольно скривился Рэльгонн и вернул себе привычный вид. — Давайте вашу маску, придется поиграть в таинственность.

Королева потянулась было к лежавшей на диванчике черной шелковой полосе с прорезями для глаз и завязочками, но ее опередил рассудительный барон Гленнор.

— Зачем усложнять дело? — недоуменно развел руками наш архишипион. — По-моему, можно поступить более просто и разумно. Насколько я понимаю, все те, кого мы сегодня ждем, лично знакомы либо с Конаном, либо с бароном Юсаделем, так? Уважаемому господину Рэльгонну не составит труда...

— Не-ет! — яростно замотал головой киммериец. — Гленнор, ты хочешь сказать, что нам следует сопровождать Рэльгонна? Благодарю покорно, не желаю!

— Разве прыжок через Ничто опасен? — осведомилась Зенобия.

— Совершенно безопасен, как для каттакана, так и для человека, — ухмыльнулся вампир. — Да только я еще по прежним временам наших совместных приключений в Бритунии помню, что Конана после прыжка обычно начинает тошнить.

— Неприятные ощущения, — согласился король и быстро взглянул на меня. — Хальк, я уверен, тебе понравится такое приключение!

— Гм... Не знаю, не знаю...

— Отправляйся, — решил за меня барон Гленнор. — А ты, Рэльгонн, натяни капюшон поглубже. Будем вас ждать.

Я медленно подошел к упырю и спросил:

— Нужно делать что-то особенное? Заклинания?

— Никаких заклинаний и шаманских плясок вокруг костра, — улыбнулся владетель Рудны, показав все свои зубы. — Понимаешь ли, прыжки через Ничто для нашей расы, столь же естественное и привычное действие, как для тебя дыхание ли ходьба. Прежде всего — ничего не бойся, это не больно. Сначала возьми меня за руки и ни в коем случае не отпускай. Глаза закрывать необязательно... Сначала отправимся в Бельверус. Готов? Полетели?

Полетели!

Рэльгонн набросил черный капюшон, я коснулся холодных пальцев каттакана, отметив, насколько ухоженные у него ногти — длинноющие, чуть изогнутые и отполированные, будто у светского фата.

Полет продолжался один незаметный миг, у меня перед глазами вспыхнула россыпь ярких искр, чуть закружила голова, я почувствовал холод, но сразу понял, что магия тут не при чем. Просто в большой роскошной зале, в которой мы внезапно очутились, было прохладно и дул сквозняк.

— Впечатляет, — раскатился по анфиладе очень знакомый голос. — Просто невероятно!

— Разрешите пожелать вашему величеству и всем присутствующим доброго вечера, — даже после прыжков через Ничто не следует забывать об этикете, ибо я стоял посреди малой тронной залы бельверусского замка и здесь находился король сопредельной и дружественной державы Нимед Второй.

Я отпустил руки упыря и куртуазно раскланялся.

— Надеюсь, мы не опоздали?

— Как раз вовремя, — пробасил Гвайнард, стоявший рядом с удивленно помаргивающим Нимедом, разглядывающим отошедшего за мою спину Рэльгонна. — Мы только-только собрались.

Под словом «мы» скрывались собственно король Немедии, Мораддин, Гвай, Валент из Мессантии, еще один незнакомый пожилой месьор (как потом выяснилось, это был один из Хранителей Ночной Стражи, барон Девлин) и... и... Она.

Я уже знал, что Ринга вернулась в Бельверус — Гвайнард и Валент упомянули об этом в недавнем письме, но никак не предполагал, что герцогиня Эрде и наша с Конаном давняя подруга будет так хорошо выглядеть. Словно и не было долгих двух лет тяжелейшей душевной болезни, сделавшей из лучшего конфидента Вертрауэна сущего монстра.

— Хальк, и что ты уставился? — фыркнула Ринга наблюдая за моей вытянувшейся физиономией. — Это действительно я. Кстати, как вы здесь оказались? Я не почувствовала никакой магии, портал никто не строил... Что-то новенькое? Или хорошо забытое колдовство Кхарии, которое получает все большую популярность в наши неспокойные времена?

— По-моему, это неважно, — поморщился деловитый Мораддин. — Хальк, я рад видеть тебя и твоего... э... друга, но разговоры о личных делах мы отложим на другой раз, согласен? Как мы попадем в Тарантию?

— Ваше величество, месьоры, надо встать в круг, — со знанием дела сказал Гвай. — Возьмитесь за руки. Рэль, встань между мной и бароном Юсаделем. Ни о чем не беспокойтесь...

Щелк! Снова мелькнули радужные искорки и пред моим взором вновь предсталася Белая гостиная.

— Ф-фу, — молодой немедийский государь утер со лба приступивший пот. — Ничего себе! Мы действительно в Тарантии?

— В самой что ни на есть тарантийской Тарантии, — подтвердил киммериец, который вместе с остальными наблюдал за нашим явлением из дальнего угла комнаты — Рэльгонн заранее предупредил, чтобы люди не толпились посреди гостиной, при «выныривании» из Ничто есть риск наткнуться на другого человека, а это может быть опасно. — Привет, Ольтен! Или прикажешь именовать тебя в соответствии с коронационным именем — Нимед?

Батюшки, это же Ринга Эрде! Здравствуй, старушка, сколько лет не виделись! Хальк уже успел мне насплетничать, что ты жива-здорова!

— Кажется, сегодня гвоздем программы буду я, а не Черное Солнце, — с притворным разочарованием вздохнула герцогиня. — Все собрались?

— Нет, — покачал головой барон Гленнор. — Рэльгонн, Хальк, отправляйтесь за остальными... А вам, досточтимые господа и прекрасная дама, я осмелюсь предложить отведать великолепного шемского вина.

В сущности, Рэльгонн был прав — прыжки через пустоту не доставляют никаких особо скверных ощущений или лишних неудобств. Мне даже начало нравиться путешествовать столь необычным способом. Одно мгновение, и ты уже в Кордаве или Гайарде, еще мгновение — и снова Аквилония. Каттаканам можно только позавидовать — никаких затрат, лошадей, пыльных дорог, ночевок на дурных постоянных дворах! Надо будет посоветовать Конану нанять упыря в качестве королевского гонца.

Мы и впрямь управились за два квадранса. Еще не начали звонить первый послеполуночный час, а Большой Совет в полном составе находился в Белой гостиной королевской резиденции. Никаких осложнений не возникло, даже глава самого уважаемого митрианского монашеского ордена Вечного Солнца, отец Доменик Кордавский, отнесся к нашему внезапному появлению в келье обители будто к само собой разумеющемуся событию — будто у него каждую ночь из пустоты вываливались вампиры и тайные советники Трона Льва.

...Наконец, Конан отставил в сторону чашу с вином и попросил гостей рассаживаться. Предстояло принять исключительно важные решения, способны повлиять на ход дальнейшей истории Закатного материка.

* * *

В нашем чрезвычайном совещании приняли участие совершенно разные по облику, возрасту и статусу люди и не-люди. Два короля и королева (Конан с Нимедом-Ольтеном и Зенобия), волшебники (Валент и Тотлант) вместе с маркграфом Ройлом, представители гильдии Ночной Стражи, главы секретных ведомств двух ведущих держав Заката, герцог Просперо Пуантенский, доставленный из Гайарда, где он пытался вразумить своих баронов, предавшихся смуте, один оборотень (я неотвязного Веллана имею в виду), и два жреца Митры — уже упомянутый Доменик из Зингара и настоятель главного храма Аквилонии старик Хродомер. О своей персоне я скромно умолчу — мне пришлось, как и всегда, вести записи.

Если с абсолютным большинством присутствующих я был знаком, то месьор Доменик представлял для меня сплошную загадку. Слухи об этом суровом монахе, создавшем новый орден братьев-проповедников ходили самые разные — аскет, самую чуточку фанатик, человек малоприятный и тяжелый в общении, однако именно благодаря Доменику Зингара доселе осталась оплотом двух «традиционных» верований Заката — митрианства в первую очередь, и иштарийства во вторую.

Едва в пределах владений ее королевского величества, государыни Моря и Суши Чабелы

И Зингарской объявились фатарены со своими сомнительными проповедями, Доменик вместе с еще несколькими монахами-единомышленниками понял, какую опасность могут представлять новоявленные еретики. Он добился приема у королевы и изложил свои предложения. Чабела, всегда отличавшаяся редкостной проницательностью, утвердила разработанный Домеником устав нового митрианского ордена, запрещавший монахам стяжение и роскошь, а так же обязывающий братьев оказывать помощь бедным. Затем, получив поддержку со стороны государства, настоятель монастыря Вечного Солнца вместе со своими братьями начал настоящую охоту на сектантов.

Доменик преуспел: за полтора года он смог полностью очистить Зингару от еретиков, где вразумляя людей пламенными проповедями, а где — попросту уничтожая закосневших в своих гибельных заблуждениях фатаренов, очищая их души и тела огнем. Он добился от королевы издания закона, запрещающего любым митрианским обителям и общинам Зингары скучать земли, все пожертвования храмам теперь не накапливались в сокровищницах, а шли в пользу неимущих. Доменик основал множество больниц и странноприимных домов для нищих, жизнь вел чистую, бедную и созерцательную, а развратные монахи из «старых» монастырей либо вынуждены были признать новый уклад жизни, либо нещадно изгонялись из обителей.

Словом, Доменик заслужил репутацию почти что святого и едва ли не преемника Эпимитриуса, а самое главное — сумел быстро вернуть авторитет митрианству в своей стране. Конан посчитал, что советы отца Доменика будут для нас весьма полезны, посему он и был приглашен в Тарантию. Что характерно, этот чуть мрачноватый темноглазый и чернобородый монах в белой хламиде с черным плащом от участия в нашем тайном заседании не отказался — понимал, чем может грозить разрушение тысячелетних устоев и традиций в Аквилонии и Немедии.

— ...Они просто врут в глаза! — от размышлений меня отвлек громкий возглас Просперо. — Послушать моих баронов, так все и каждый являются благонамеренными и добрыми подданными короны, веруют в Митру Солнцезарного и исправно платят подати! А в действительности — привечают Совершенных, отдают им в пользование некоторые замки в горах, которые превращаются в змеиные гнезда, готовят войско! Половина Пуантена, даже крупные города, охвачены этим безумием! Фатарены проповедуют прямо на улицах! В самом Гайарде по решению старшин торговых и ремесленных гильдий, управляющих магистратом города, закрыто два монастыря, братья изгнаны!

— А ты хотел чего-то другого? — невинно поднял брови Конан и тут же метнул огненный взгляд на нахохлившегося верховного жреца Хродомера, возглавлявшего митрианские общины Аквилонии. — Может быть, ваша милость соизволит сообщить, какова была сумма обязательных храмовых сборов в Пуантене за последние... допустим, пять лет? И куда они подевались?

— Жрецы не обязаны давать отчет мирским властям, — проскрипел Хродомер. — По счастью, времена Нумедидеса, узурпировавшего власть над нашим сословием и возложившими на себя непосильное бремя жреческого служения Митре давно миновали. Я полагаю, что королю не след вмешиваться в дела храмов — мы же не участвуем в жизни светской?

Я решил, что Конан сейчас взорвется и жрецу придется туго. Хродомер до невероятия обнаглел, будучи уверенным, что его могущество непоколебимо. Конечно, за ним стоят тысячи жрецов, сотни монастырей и колоссальные богатства, собранные за столетия, но

если рассудить здраво, то через год-другой, фатарены окончательно вытеснят из умов аквилонцев митрианские постулаты и Хродомер останется гол и бос. Неужели он этого не понимает?

— Смею заметить, — встяял барон Гленнор, — что достоинство верховного жреца было возвращено королем Конаном тебе в знак того, что его величество полагает... полагал, будто митрианство и жреческое сословие останется верной опорой Трону Льва!

— А я замечу, что не случись этого, король Конан не получил бы поддержки со стороны бесчисленных прихожан наших храмов, где мы каждодневно возносili моления Светлоокому за здравие и благополучие нового государя! — парировал Хродомер, а я похолодел. Он что, нарочно нарывается? Конан в гневе страшен, никакой демон Черной Бездны не сравнится!

Киммериец, однако, не ответил. Только тяжело посмотрел на Хродомера (ох, какой нехороший взгляд!) и, повернувшись к остальным, сказал:

— Ну что ж, мы можем предполагать, что руководители секты, ее верховный конclave, готовят открытое выступление. И в то же время никто из нас не знает кто они, каковы основные цели Черного Солнца и чего ждать в будущем. Есть несколько ниточек, ведущих в самое сердце этого заговора, но они слишком непрочны. Вот кстати... — король дернул меня за рукав. — Хальк, ну-ка расскажи о своем давешнем ночном приключении. Думаю, это ключик к одной из доселе запертых дверей.

— Да, конечно, — быстро кивнул я. — Месьоры, дамы, прошу вас выслушать внимательно. Особенно это будет интересно волшебникам. Кажется, со мной говорил человек, посвященный в тайны, к которым нам так хочется прикоснуться...

* * *

Известно, что в дни солнцестояний обычно случаются чудеса. Осеннее равноденствие тоже не обошлось без донельзя странного события, правда, коснувшегося только меня одного.

Дело в том, что в моей спальне среди ночи объявился призрак.

Конечно, в королевской резиденции Тарантии, как и во всяком уважающем себя замке обитали привидения — взять хотя бы тень герцога Мартена, убитого в подвале дворца лет двести назад, еще при короле Сигиберте Великом. Привидение герцога появлялось только в полнолуния, таскало в руках собственную голову и нудно призывало всех встречных-поперечных отыскать его убийцу и казнить изменника. Словом, обычный безвредный фантом, кому-то кажущийся устрашающим, а кому-то — забавным.

Однако, призрак неожиданно посетивший опочивальню барона Юсдаля к ведомству неупокоенных и мятущихся душ никак не относился — это была созданная магией иллюзия человека, в действительности находившегося на расстоянии многих сотен лиг от аквилонской столицы. Однако, таковая иллюзия меня видела, могла со мной разговаривать, отвечать на вопросы и даже вполне оживленно жестикулировать.

Вполне естественно, что сначала я перетрусили, поскольку прибытие призрака сопровождалось весьма красочной магической иллюминацией и устрашающими эффектами.

Призрак, однако, постарался меня успокоить, сказав, что использованное им колдовство угрозы для барона Юсдаля не представляет, а если названный барон соизволит успокоиться, выпить для храбрости вина и присесть напротив, то, возможно, услышит нечто весьма любопытное.

Так я и сделал. Плеснул в свой бокал розового пантенского, поборол дрожь в коленях и на всякий случай устроился в кресле в самом дальнем от призрака углу спальни.

Передо мной стояла высокая, закутанная в синий плащ фигура — иллюзию реальности смазывала только изредка пробегавшая по фантуму рябь, наподобие поднимающихся волн горячего воздуха.

— ...Итак, вы дворянин, человек и маг, — повторил я слова незнакомца. — Может быть представитесь? А то как-то неудобно — вы мое имя знаете, а я не ведаю, с кем говорю.

— Отвечу по порядку, — призрак, как мне показалось, хихикнул. — Да, я ношу старинный родовой титул, но магом не являюсь. Связаться с вами мне помогли... м-м... хорошие знакомые. Представиться, увы, я не могу — это было бы опрометчиво. Но для удобства называйте меня, допустим, месьором Лерэ.

«Лерэ» — «пустота», мгновенно перевел я знакомое немедийское слово. Ну-ну. Похоже, чувство юмора у ночного визитера напрочь отсутствует. Имечко словно сошло со страниц дурных сочинений Гая Петрониуса о каких-нибудь дворцовых интригах густо замешанных на несчастной и неразделенной любви — эти сопливые истории ныне весьма популярны у тарантийских пожилых дам и впечатлительных девиц.

— Хорошо... месьор Лерэ, — вздохнул я. — Начнем с самого главного: что привело вас в мою спальню в столь поздний час?

— Ваша неизбытная любознательность, барон, — донеслось из-под маски, скрывавшей лицо фантома. — Всему Закату барон Юсдаль известен как наипервейший собиратель сплетен и любитель чужих тайн. Не обижайтесь, я не хочу сказать ничего дурного, вы ведь не пользуетесь этими тайнами в неблаговидных целях? Хотя, как я полагаю, многие отдали бы целое состояние за собранный вами архив.

— Вы хотите купить какие-то бумаги, хранящиеся у меня? — я нахмурился. Двусмысленные слова месьора Лерэ дают повод для настороженности. — Тогда вынужден вас огорчить — ни ведущаяся мною летопись, ни какие либо документы из архива не продаются.

— Боюсь, господин барон меня неправильно понял, — терпеливо ответил призрак. — Вовсе наоборот, я хочу чтобы в вашей хронике появилось несколько новых, весьма любопытных и назидательных для потомков записей.

— А именно? — я пытался вести себя хладнокровно и не показывать, что заинтересовался.

— Я знаю о том, что король Конан и его окружение обеспокоены действиями сообщества, называющегося Черным Солнцем... Я могу кое-что рассказать.

— Месьор Лерэ, вы что, фатарен? — перебил я. — Может быть даже «Совершенный»?

— Боги милостивые! Все эти разговоры, эти пустые слова о благостном духе и греховной плоти... Как надоело! Откровенно говоря, Тьма, Свет, это все так, только детей пугать. Если вы думаете по-другому, то сильно отстали от жизни. В наши прагматичные времена историю творят не могучие заклинания, а кавалерийские клинья и полки арбалетчиков. Ну, и золото прежде всего. Признаюсь, в Черном Солнце я занимаюсь именно денежными делами. То есть имею весьма большое влияние, поскольку абсолютное

большинство поступлений от легковерных идиотов, внявших учению Мэниха и отказавшихся от имущества в пользу ведущей к Свету бедности, проходит через мои руки. Поверьте, это огромные суммы, сравнимые с доходами королевской казны.

— Значит, вы действительно состоите в этой организации, — полууверительно-полуутвердительно выдавил я. — Неужели наши догадки о том, что Черное Солнце всего лишь невероятная по размаху афера, призванная обчистить карманы купившихся на ваши проповеди простаков — истинны?

— Это правда лишь отчасти, — спокойно ответил месьор Лерэ. — Поймите, я не имею права объяснить все, поскольку от моих слов может зависеть жизнь и благополучие слишком многих людей. Да, лично я зарабатываю на идеях пророка Мэниха деньги и не вижу в этом ничего особо предосудительного.

— Но это же обман! — воскликнул я. — Ложь и надувательство! Вы сознательно вводите людей в заблуждение, играете на их религиозных чувствах!

— Ничего подобного, — невозмутимо пожал плечами призрак. — Многие новообращенные фатарены искренне верят, что избавившись от греховного золота, они встанут на путь очищения от плотской скверны. Почему я должен лишать людей веры? А деньги... Ну не в выгребную же яму их выкидывать? Если золото вам не нужно, отдайте его тому, кому оно больше пригодится. И вообще, вы слышали древнюю поговорку — хочешь заработать, создай новое вероучение!

— Вы назвали себя дворянином... — презрительно скривился я. — А рассуждаете будто купчишка!

— Я вынужден так поступать, — столь же бесстрастно отозвался месьор Лерэ. — Потому что передо мной стоит цель. Приоткрою завесу: это цель политическая, достичь которой без золота невозможно. Впрочем, давайте более не отвлекаться. Я пришел к вам совершенно по другому поводу. Известно, что барон Юсдаль обладает при дворе Конана Аквилонского большим влиянием, а так же слывет человеком умным и рассудительным...

— Терпеть не могу грубую лесть, — процедил я сквозь зубы. — Хотите, чтобы я упросил короля смотреть на выходки Черного Солнца сквозь пальцы? Что в обмен? Деньги? Как много? Учтите, меньше чем за сотню тысяч полновесных кесариев вы меня не купите.

— Прекратите паясничать, я говорю абсолютно серьезно, — повысил голос призрак. — Если излагать кратко, то сейчас и вам, и мне угрожает опасность. Я хочу предложить сотрудничество, дабы оную опасность устранить раз и навсегда. Моими силами тут не справиться, нужна мощь крепкого и стабильного государства. Все дело в магии. В магии Ахерона, которая, казалось бы, была прочно забыта.

— Подробности! — я рубанул ладонью воздух и тут же добавил скороговоркой: — Кажется, я понимаю, о чем идет речь. Ваши маги все-таки вышли из-под контроля? Почувствовали вкус вседозволенности и теперь прочие руководители Черного Солнца у них не в авторитете?

— В целом вы довольно точно обрисовали ситуацию, — отозвался месьор Лерэ. — Но есть некоторые нюансы. Вы готовы выслушать меня не перебивая?

— Извольте...

В целом, картина была приблизительно такой, как и предполагали маркграф Ройл и Валент из Мессантии во время нашего посещения развалин Стобашенного Пифона. Неосмотрительность людей, возглавлявших секту фатаренов привела ко вполне предсказуемым последствиям.

Помните мои записи, касавшиеся наших с Конаном и бароном Гленнором рассуждений о том, что еретическое течение расколото как минимум на три группировки, до времени друг во друге нуждающихся? Так вот, весьма многочисленное сообщество увлекшихся кхарийской магией «колдунов» действительно начало завоевывать все большую независимость от «политиков» и «торгашей» — привлеченные идеями фатаренов маги поняли, что набрали достаточно сил для того, чтобы или освободиться от бывших союзников, единомышленников и покровителей, либо подчинить их себе.

— Хальк, я прошу вас только об одном, — неторопливо говорил месьор Лерэ. — Не воспринимайте конclave магов Черного Солнца с вульгарной точки зрения — мол очередная шайка сбрендивших колдунов решила завоевать господство над миром. Такового господства им, равно как и всем прочим, не видать как своих ушей — Вселенная людей устроена слишком сложно для того, чтобы заполучить ее в единоличное пользование одного человека или некоей организации. У них другие цели. Магия ради магии, развитие волшебной науки, поиски утерянных столетия назад знаний. Словом, эти господа трудятся больше ради искусства, если мне будет позволено так выразиться. И они ни перед чем не остановятся.

— Мы это знаем, — грустно ответил я. — Печальный опыт имеется.

— Имеете в виду охоту наших колдунов за найденной маркграфом Ройлом Книгой Душ? Да, я осведомлен об этой истории. Перехватить Книгу так и не удалось, а теперь Хранители Ночной Стражи никогда не выпустят ее из своих когтей.

— Вы этим недовольны, Лерэ?

— Отчего же, совсем наоборот. Весьма доволен, и тому есть веские причины. Но вернемся к исходному вопросу. Когда нам, истинным хозяевам Черного Солнца, требовались услуги колдунов, мы щедро снабжали конclave деньгами, выкупали артефакты, отправляли экспедиции на поиски магических зелий... И не предвидели, что вырастим неблагодарную змею. Демоны с ней, с благодарностью, как-нибудь переживем. Дело обстоит куда сложнее: ради своих «знаний ради знаний» эти мерзавцы собираются покопаться в Пиррофлагалоне. И им точно известно, где находится город-святилище кхарийцев. Думаю, вам тоже — одно время Ройл весьма интересовался религиозной и магической столицей империи Ахерона.

— Так... — выдавил я, отлично помня предостережения Ройла и Валента, касавшиеся Пиррофлагалона. — Слушайте, месьор Лерэ, да вас убить мало!.. Понимаете, чем это может грозить?

— Более чем, — буркнул поздний гость. — Я, знаете ли, неплохо разбираюсь в истории и магии. И потому я вынужден просить вашей помощи, Хальк. И помочи короля Конана Канах.

...Валент Мессантский сказал недавно: «У меня есть некоторые основания полагать, что грандиозная Буря Перемен, уничтожившая Кхарийскую империю, буйство неконтролируемой черной магии, прекратилась не сама, а была намеренно остановлена. А еще точнее — приостановлена. На время». Далее следовал вывод о том, что под толщей земли, укрывшей Пиррофлагалон может скрываться Нечто, способное вновь выпустить магический штурм, противостоять которому люди будут не в силах. Это означает крушение Хайборийской цивилизации и такие непредставимые бедствия, рядом с которыми древняя магия Алого Камня Каримэнон, вызвавшая недавнюю войну в Немедии покажется невинным фокусом площадного фигляра, вытаскивающего кролика из пустого мешка.

— И что вы предлагаете, месьор Лерэ? — спросил я, когда недобрая пауза затянулась.

— Все просто. Весь конclave магов Черного Солнца я с потрохами сдам аквилонской

тайной службе. Делайте с ними, что хотите — жгите на кострах, ссылайте на необитаемые Ванские острова, только, пожалуйста, не используйте в своих целях.

— То есть, вы хотите нашими руками избавиться от переставших подчиняться руководству секты колдунов?

— Можно сказать и так. Барон Юсдель, вы же не ребенок, не первый год в большой политике, должны понимать... Вскоре конclave в полном составе соберется в Пиррофлагалоне — тайно, конечно. Если Конан привлечет знакомых магов — ваш король вроде бы дружит с Пелиасом Кофийским и предводителями Ордена Равновесия? — то вы накроете всю шайку скопом.

— Сколько их?

— Посвященных магов — шестнадцать. Добавим примерно три десятка учеников, не обладающих сколь-нибудь серьезными умениями. Я переправлю вам список и постараюсь узнать пути, которыми колдуны будут пробираться в Аквилонию. Если не ошибаюсь, Пиррофлагалон находится неподалеку от Галпарана, в левобережном Гандерланде. Достоверно известно, что встреча состоится на зимний солнцеворот, самая длинная ночь в году. Для них это важно, они собираются провести некий старинный обряд...

— Что еще?

— Если поможете в деле с магами, я постараюсь сделать так, чтобы проповедники учения Мэниха были отзваны из полуденных областей Аквилонии. По крайней мере сделаю все, что в моих силах.

— Предлагаете честное соглашение? Благородный договор? Мы уничтожаем распустившихся колдунов, мешающих вам зарабатывать деньги и крутить политику, а вы оставляете в покое Аквилонию? Никаких больше проповедей, никакой узурпации земель и собственности в пользу вашей секты? Или я чего-то недопонял?

— Повторяю: сделаю все, что в моих силах, — твердо сказал месьор Лерэ. — в крайнем случае, подскажу как избавиться от наших последователей силой. С одним условием: вы изгоните фатаренов только из пределов Аквилонии. Прочие государства лежат вне сферы ваших интересов.

— Так много за простенькую услугу — перебить полтора десятка колдунов?

— Поверьте, Хальк, это не так-то просто. Они накопили достаточно знаний и мощи, дело может получиться весьма опасным. Если Конан согласится на мои предложения, я предоставлю в ваше распоряжение все доступные сведения о конclave Черного Солнца — заклинания, артефакты и прочее.

— Разумеется, я немедленно все передам королю... Как вас известить о решении Конана?

— Вот это уже другой разговор. В случае положительного ответа на третью ночь считая от этой вывесите над хозяйственными воротами тарантийского замка два фонаря с красными стеклами.

— С красными? — фыркнул я. — В королевском замке? По-моему это будет выглядеть неприлично.

Месьор Лерэ понимающе хмыкнул:

— Простите, совсем забыл, у вас в стране совсем другие обычаи и красный фонарь над воротами означает пошлую двусмысленность... Хорошо, с синими. Если король откажется — фонарь должен быть один, слюда желтая.

— А потом?

— Потом я сам найду вас, для меня это не составит особых трудностей.

— Понятно. Слушайте, Лерэ... Может быть мой вопрос покажется вам не совсем уместным, или вы не сможете на него ответить, но скажите вот что: вся эта секта, Мэнх, фатарены... Для чего? Вы же неглупый человек, в учение древнего иранистанского пророка, как я понял, не верите. Для чего это вам?

— Это инструмент, — на задумываясь ответил призрак. — Инструмент для достижения, как я уже сказал, определенной цели. Не беспокойтесь, данная цель не затрагивает интересы Трона Льва, все произойдет слишком далеко от ваших рубежей. Жаль только, что мы проявили ненужное рвение и теперь к Черному Солнцу относятся как к опасному еретическому течению...

— Сами виноваты.

— Я этого и не отрицаю. Теперь нам придется исправлять допущенные ошибки. Лично я совершенно не хочу ссориться с вашим королевством и лично с государем Конаном Канах. События последних лет доказали, что раздражать аквилонского льва весьма и весьма чревато. Поверьте, если мы станем действовать совместно, печальные последствия просчетов, как моих личных, так и моих соратников, можно будет относительно безболезненно исправить.

— Значит, все-таки, это заговор, — сказал я, обращаясь более к самому себе. — Политический заговор, выполненный слишком изощренно и необычно. Да, месьор Лерэ, завидую вашей фантазии.

— Тем и живем, мой дорогой барон... Тем и живем. Сейчас я буду вынужден распрощаться, время позднее. Полагаю, просить вас о скромности и деликатности в этом деле не следует. Если о нашей беседе узнает кто-либо посторонний — я имею в виду людей, не умеющих держать язык за зубами, — мне и еще нескольким людям, от имени которых я говорю, несдобровать. Конклав магов Черного Солнца сумеет отомстить.

— Не держите меня за дурачка, — обиделся я. — В любом случае все, что вы мне рассказали, я изложу большинству высших управителей Аквилонии.

— Главное — не увлекайтесь, — спокойно ответил месьор Лерэ. — Канцлеру Публио я бы ничего не сказал, старик осмотрителен только в делах, касающихся государственной казны и его собственного кармана. Впрочем, вам виднее, барон. До встречи. Я ухожу. Пока не погаснут последние огни, пожалуйста, не подходите к дальней стене комнаты, может затянуть в Поток, неприятностей не оберетесь...

— Постойте! — я вытянул руку. — Это ведь магия, верно? Ваш фантом появился здесь благодаря магии, даже я это почувствовал! Не боитесь доверять тем, кто устроил ваше явление в Тарантию?

— Не боюсь, — прошелестел исчезающий голос призрака, — даже среди магов встречаются честные люди...

Вновь расцвели бутоны огромных красочных цветов, ворс ковра покрылся инеем, потянуло стылым сквозняком и запахло металлом. Необычный портал сворачивался, уменьшаясь в размерах и спустя четверть квадранса окончательно исчез. Никаких следов недавнего визита в спальной комнате заметно не было.

— Господин барон? — я вздрогнул, услышав голос камердинера. Джигг стоял на пороге.

— Надеюсь, с вами все хорошо?

— Митра Всеблагой... — выдохнул я. — Джигг, вы что же, подслушивали?

— Я бы не осмелился, господин барон. Просто у меня весьма чуткий слух.

— И что же различил ваш чуткий слух?

— Беседу с неким таинственным посетителем, господин барон. Позволю себе сказать, что его величество и ее величество доселе не спят, и если вы хотите поделиться с ним впечатлениями о столь содержательном разговоре, то я бы посоветовал вам пройти в рабочий кабинет короля...

— Ох, Джигг, вы демон-искуситель, а не камердинер!

— Как будет угодно господину барону.

— Хорошо, хорошо... Мне надо одеться! Не идти же к Конану и Зенобии в одном исподнем?

— Прикажете подать парадное платье и церемониальное оружие в соответствии с правилами дворцового этикета?

Рвущийся из самых недр души стон я подавил лишь титаническим усилием воли.

— Дайте мой теплый турецкий халат и мягкие туфли.

Джигг посмотрел на меня почти с ненавистью.

* * *

— И что вы на все это скажете? — спросил Конан, постучав ногтями по столешнице белого мрамора. — Есть подозрение, что Халька никто не разыгрывал, все серьезно. Особенно если учитывать сообщение о Пиррофлагалоне, которым заинтересовалось Черное Солнце. На карте, обнаруженной нами в Шамарском герцогстве и прежде принадлежавшей фатаренам, четко обозначено местоположение города-святынища, этот самый Лерэ не врал — они действительно ищут средоточие древней магии Ахерона.

— С твоего, Конан, позволения, о магии и древних городах поговорим несколько позже, — сказал герцог Эрде. — Я могу задать барону Юсадлю несколько вопросов? Благодарю... Хальк, ты уверен, что твой визитер говорил с выраженным полуценным акцентом?

— Да. Похоже, он из Офира или Коринфии.

— Коринфия... — процидил король Нимед. — Вечный источник смут! Я так и знал, что это их рук дело! Они давно мечтают избавиться от немедийского владычества и получить статус королевства, неподвассального Трону Дракона! Не удивлюсь, если эта затея была изначально спланирована высшим дворянством Коринфии, жаждущим выйти из-под сени немедийской короны!..

Тут я должен заметить, что Коринфия была включена в состав Немедийской империи на правах протектората около ста пятидесяти лет назад — Трону Дракона было исключительно важно контролировать важнейший участок знаменитой Дороги Королей, идущей на Восход через коринфскую столицу Арелату и далее через Замору в Турцию. Арелата стояла на перекрестке самых крупных торговых путей, от нападения со стороны воинственных кофийцев Коринфию надежно ограждали Карпашские горы, а расквартированные вдоль границы легионы Немедии гарантировали, что все торговые подати и сборы будут поступать в казну Бельверуса.

Нет ничего странного в том, что коринфийцев такое положение дел не устраивало. В прежние времена Коринфия являлась едва ли не единственной страной Заката, где король

был лишь символической фигурой, персоной, призванной лишь подписывать указы, изданные советом избираемых дворянством и торговым сословием нобилей. Города и отдельные провинции тоже управлялись выборными советами, что Коринфию и погубило. Отсутствие сильной центральной власти сыграло на руку немедийцам во время почти молниеносной кампании по захвату этой небольшой страны, нобили не сумели договориться о совместных действиях против врага и вовремя собрать войско. Тогдашний король Немедии Танкред II принял на себя регалии коринфской короны, дворянство смирилось и принесло оммаж новому владыке, но воспоминания о прежних вольностях сохранились и доселе будоражили умы благородного сословия Арелаты.

— У нас с Валентом уже были подозрения насчет одного из первейших дворян Коринфии, герцога Амори Ибелена, — подал голос маркграф Ройл. — Ничего конкретного к сожалению. За исключением того, что Амори настырно переманивал Валента из Мессантии к себе на службу, сулив золотые горы с алмазными ледниками. В нынешних обстоятельствах это не может не вызывать подозрений. Если герцог Ибелен как-то связан с Черным Солнцем, рассорившемся со своим магическим конclave, то он вынужден искать поддержки со стороны прочих магических Орденов, среди которых Орден Равновесия справедливо считается самым... э... самым безобидным, поскольку на служит ни Тьме, ни Свету.

— Похоже, мы ошибались, — кивнул киммериец. — Следы Черного Солнца ведут не в Бельверус, а в Арелату. Насколько я понимаю, наибольшее распространение ересь получила именно в Коринфском протекторате? Рисунок получается прелюбопытный: тот хмырь, который заявился к Хальку, утверждал, будто ставит перед собой исключительно политические цели, для достижения которых был избран настолько оригинальный способ... Мораддин, Нимед, Ринга, похоже у вас крупные неприятности!

— Нам не привыкать, — мрачно пошутила герцогиня Эрде. — Действительно, весьма похоже, что все нити заговора увязаны на Арелату. Руку даю не отсечение — они готовят мятеж и отделение протектората от Немедии. Мало того, аппетиты Черного Солнца распространились и на другие области Полудня — хотят создать свою империю. Причем, если подходить с чисто прагматической точки зрения, новое государство фатаренов будет контролировать все до единого торговые пути между Полуночью и Полуднем, включая половину Дороги Королей, а это уже не шуточки. Понимаете, какие у них запросы?

Мораддин только головой покачал:

— Если отбросить ширму, которой прикрываются заговорщики — я имею в виду религиозное учение Мэниха — то получается, что мы столкнулись с исключительно продуманным планом по отделению от Немедии и Аквилонии важнейших провинций. Не спорю, у Черного Солнца были недочеты — взять хоть историю с их магическим конclave, но исполнено все равно красиво! Власти наших стран обеспокоены прежде всего распространением ереси, не видя за этим главного! Клянусь, тому, кто это придумал, я бы золотой конный памятник поставил! За изобретательность.

— Дорогой герцог, эмоциями и установкой монументов делу не поможешь, — вмешался барон Гленнор. — Скоро рассветет, а мы еще не решили, как поступить. Похоже, действовать придется сразу в нескольких направлениях. И, что самое главное, мы обязаны выработать план противодействия Черному Солнцу до наступления зимы. Боюсь, открытое выступление заговорщиков спланировано именно на зиму — я не исключаю, что гость месьора Халька рассчитывал не только избавиться от своих колдунов с помощью аквилонцев, но и тем самым отвлечь наше внимание от некого другого события, обязанного произойти примерно в

то время, когда маги Черного Солнца должны собраться в городе-святилище кхарийцев.

— Можно счесть нас слишком подозрительными, но я склонен поддержать барона Гленнора, — отозвался Мораддин. — В этой истории доселе слишком много непонятного. Так или иначе, нам придется одновременно противостоять магическому конclave, напору со стороны проповедников-фатаренов в полуденных провинциях обоих королевств и возможной военной угрозе. Дело найдется каждому...

* * *

Я вернулся в свои покои только после восхода тусклого осеннего солнца. К этому времени высокое собрание разошлось: Рэльгонн, на сей раз без моей помощи, отправил гостей по домам и раскланялся — ему следовало возвращаться в Британию. Недовольный всем сущим (а королем особенно) жрец Хродомер уехал в портшезе в свою резиденцию при главном храме Тарантии, Тотлант и Веллан отправились спать, а я, забрав пергаменты с записями, побрел наверх, к библиотеке.

— Хальк, не торопись! — послышался с лестничного пролета возглас Конана. Стоявшие в коридоре Алые Кирасиры замерли, ровно статуи — король все-таки! — У тебя найдется что-нибудь перекусить? Не хочу гонять своих камер-лакеев на кухню!

— Джигг — человек запасливый, — ответил я, дожидаясь быстро поднимавшегося по лестнице киммерийца. — Он наверняка подготовил завтрак, все-таки мы целую ночь сидели...

Так и есть: камердинер встретил нас на пороге и величественным жестом указал в сторону трапезной комнаты, где уже был сервирован стол, причем на двоих. Не понимаю, откуда у Джигга столь невероятное чутье — такое впечатление, что он всегда точно знает, когда именно и вместе с каким количеством гостей я приду. Не иначе, какая-то особенная магия камердинеров!

— Ну и что ты скажешь, Хальк? — проворчал варвар, самостоятельно налив себе вина и взгромоздив на серебряную тарелку изрядный ломоть свиной грудинки в остром соусе. — Думаешь, мы справимся?

— Откровенно говоря, все оговоренные планы смахивают на абсолютно провальную авантюру, — безжалостно ответил я. — Похоже, в данном положении наши старые и привычные приемы в виде отчаянной наглости и нахрапистости скорее всего не сработают. Черным Солнцем заправляют отнюдь не круглые идиоты.

— Это точно, — согласился Конан. — Однако, наша сила в необычности и нетривиальности решений. Пойми, мне не очень хочется усмирять Пуантен огнем и мечом, тем более, что поданным Пропсперо я обязан короной. Прав был Гленнор, умная голова — надо взорвать Черное Солнце изнутри. Натравить этих скотов друг на друга, и тогда скорпионы пожрут самое себя. Как полагаешь, ты со своей миссией справишься?

Я ответил далеко не сразу. Во-первых, Хальк Юсадаль вовсе не является выдающимся мастером интриги и магистром благородного искусства плаща и кинжала. В конце концов, я никогда не обучался сомнительным наукам, коими владеют подчиненные барона Гленнора или Мораддина Эрде. Во-вторых, при всей моей тяге к новым впечатлениям я не слишком

восторгаюсь идеей сопричаститься тайн Черного Солнца напрямую. И в-третьих, мне абсолютно не хочется покидать Тарантию в эти неспокойные времена...

Впрочем, у меня будут неплохие помощники, и это добавляет оптимизма.

— Рэльгонн переправит вас в Арелату через пять дней, — преспокойно говорил Конан.

— Уверен, месьор Лерэ тебя незамедлительно отыщет. Ну а затем...

— Затем они благополучно раскроют, с какой целью я прибыл в логовище Черного Солнца и принесут в жертву какой-нибудь Вековечной Тьме на Черном Алтаре Зла, — съязвил я. — Только ты у нас способен всегда выпутываться из подобных историй. Сколько раз тебя приносили в жертву Сету всяко-разные злые маги вроде нашего старого дружка Тот-Амона?

— Ты о чем? — не понял Конан. — Не было никогда ничего подобного...

— Ври больше! Гай Петрониус в сочинениях о твоей молодости уверяет, что Конана Канах приносили в жертву Сету чуть ли не ежедневно, причем ты в самый последний момент ухитрялся перебить всех жрецов, отобрать у них сокровища, а заодно спасти какою-нибудь грудастую красотку!

— Если однажды этот пройдоха Гай Петрониус попадется мне на глаза — лично посажу на кол, — недовольно отозвался киммериец. — Эта скотина распространяет про меня нелепые рукописные рассказы уже восьмой год и ему все сходит с рук!.. Ты, Хальк, можешь не беспокоиться — тебя будут прикрывать настоящие волки, один граф Кертиш чего стоит! Признаться, мне не слишком хочется опускать в Арелату Валента, но ничего не поделаешь — в данный момент маг будет нужнее там. Когда придет время, Рэльгонн доставит Валента обратно в Аквилонию.

— Надеюсь, я могу взять с собой Джигга? Сам помнишь, он отлично показал себя в замке Ройл, когда мы сцепились с демоном-ревенантом. Джигг может пригодиться.

— Никаких возражений. В крайнем случае, если миссия будет провалена, Рэльгонн сумеет вас вытащить. А мы с Тотлантом, Просперо и настоятелем Домеником в это время будем действовать в Аквилонии. Кстати, о Доменике. Я тут принял одно важное решение...

— Какое? — осторожно спросил я, ибо Конан сказал эти слова таким тоном, что у меня мурашки по коже побежали.

— Я разрешу его ордену действовать на территории Аквилонии, это первое. И второе: в пользу ордена Вечного Солнца указом короля будет конфискована половина богатств аквилонских храмов. Подозреваю, что Доменик и его братья распорядятся ими с умом. Пора прижать хвост нашим жрецам!

— Нич-чего себе... — присвистнул я и от удивления расплескал вино. — Ты понимаешь, что с этого момента ты станешь первым врагом Хродомера и его разжиревшей банды? Они начнут проклинать тебя на каждом углу!

— А Доменик наоборот — будет славословить. Терпеть не могу это поганое словечко — «реформы», однако сейчас без них не обойтись. А с возможными трудностями мы наверняка быстро справимся. В крайнем случае Хродомер и присные моментом переселятся в уютные подвалы поместья барона Гленнора — закон об оскорблении величества еще никто не отменял. Ладно, пойду я, вздремну до полудня... Ох, Хальк, интересное дело нам предстоит, даже приятно становится!

Если киммерийцу было «приятно», то я испытывал чувства прямо противоположные. План барона Гленнора и герцога Эрде уже не казался мне заманчивым и безупречным...

Глава 4

Первый рассказ графа Кертиса ОТДЫХАЕМ НА ВОДАХ

30 день второй осенней луны 1296 г.

Арелата, Коринфия

Вместо того, чтобы тратить время на долгие описания городка, в котором мы сейчас пребываем, я приведу здесь выдержку из масштабного труда Орибазия Достопочтенного, известного среди библиографов под названием «Сумма описаний градов и крепостей Закатных королевств с подробным повествованием о их расположении, достопримечательностях и нравах людей, оные грады населяющих».

«...Арелата, престольный город Коринфийского королевства, изрядно живописен, чем выгодно отличается от прочих здешних поселений, обычно пыльных и унылых.

Главнейшей особенностью Арелаты является полное отсутствие любых укреплений, способных защитить город от нашествия врага. Лишь в самой середине города возвышается древний замок, каковой является резиденцией здешнего государя, но замок сей более походит на пышный дворец с бесчисленными башенками и галереями, ажурными украшениями и флюгерами на черепичных крышах. Королевское обиталище не окружено рвом, подъемного моста и бастионов так же не имеет, а с точки зрения фортификационной науки интереса не представляет.

Сам город расположен в широкой долине, на пологих склонах отрогов Карпашского хребта, протянувшегося на тысячу триста лиг с Заката на Восход. Водой Арелату питают четыре горных речки и удивительные подземные источники, исторгающие кислую и насыщенную пузырьками воду, издревле признанную целебной и оказывающей благоприятное действие на многочисленные недуги, а в особенности на скорби желудочные. Окрестности столицы украшаются пышными кипарисовыми рощами и фруктовыми садами, круглый год поставляющими на столы коринфийцев изумительные дары природы и знаменитыми виноградниками — пьянящие соки коринфской лозы ценятся в странах Полуночи едва ли не наравне с драгоценнымиnectарами Либнума.

Народ здесь весел и приветлив, отличен загорелой кожей и крепким сложением, невоинствен, хотя и вспыльчив — горячность нрава, равно как и быстрая отходчивость, по моим наблюдениям присуща большинству обитателей Полуденных стран. Живет в Арелате не более десяти тысяч горожан, однако по здешним меркам город считается весьма крупным, а равно и благородным, поскольку многие семьи достойнейших дворян и богатых купцов предпочитают владеть домами в столице, переселяясь в загородные замки и поместья лишь в жаркие летние дни.

Зима, впрочем, здесь отлична от привычных нам холодов Аквилонии. Снег в Арелате выпадает исключительно редко и считается едва ли не чудом, зимой обычно идут продолжительные дожди, сменяемые днями мягкой солнечной погоды. Знающие люди утверждают, что Арелата особенно привлекательна осенью, когда спадает жара, а сезон дождей еще не наступил...»

В целом, из процитированного мною отрывка вы можете составить довольно ясное представление о городке, в котором нашей теплой компании предстояло провести довольно

продолжительное время. Это, конечно, не величественная Тарантия, но жить здесь можно — я всегда любил когда по утрам на улицах пахнет свежевыпеченным хлебом, мне нравилось слышать перезон колокольчиков на ошейниках коров, которых гонят за город на выпас... Сущая романтика.

В таком очаровательном захолустье можно отлично отдохнуть от трудов, заняться стихосложением или на худой конец завести пылкий роман с одной из здешних красоток, но увы — мы прибыли в Арелату работать.

Наверное, это первый случай в моей жизни, когда я не получил от обожаемого начальства в лице барона Гленнора четкого задания. Его милость препоручил мне лишь «приглядывать за событиями» да оберегать Халька Юсдаля, который, по большому счету, уже давно не ребенок и может сам за собой приглядеть. А уж если брать в расчет его камердинера Джигга, оберегающего хозяина не хуже, чем наседка цыплят, то беспокоиться о судьбе месьора тайного советника и вовсе не стоит.

В тот вечер, когда мы отправлялись в Коринфию, Гленнор намекнул, что необходимые инструкции я получу позже, а пока могу благополучно греться под бархатным солнцем Полудня, наблюдать за жизнью в Арелате и делать выводы. Какие именно выводы — и дураку понятно: этот коринфийский город ныне является главным прибежищем фатаренов, их непризнанной столицей. Мы же были обязаны взглянуть на жизнь Арелаты изнутри и действовать по обстоятельствам.

В настоящий момент ничего особенного не происходило. Мы не чувствовали на себе постороннего внимания, а призрачные гости наподобие посетившего Халька месьора Лерэ не наведывались, что было довольно странно — как и просил ночной визитер мы вывесили над вратами замка короны затянутые синей слюдой фонари еще несколько дней назад, до запланированного отбытия в Арелату, однако этот знак был либо игнорирован, либо известие о нашем согласии играть вместе с Лерэ против магов Черного Солнца еще не дошло до адресата.

Валент Мессантийский и Тотлант из Луксура, наши досточтимые волшебники, рассудили, что если уж использованная месьором Лерэ магия позволила отыскать Халька в Тарантии, то в Арелате его найдут и подавно. Посему барон Юсдалль с чистой совестью отправился в Коринфию и стал ждать. Мы ждали вместе с ним.

Под емким словом «мы» я подразумеваю самого себя — графа Эгана Кертиса, начальствующего в Латеране над столом безопасности королевства, Гвайнарда из Гандерланда, профессионального охотника на чудовищ и Валента из Мессантии, главу конclave магического Ордена Алого Пламени Равновесия. Гленнор предположил, что именно в таком составе — шпион, Ночной Страж, маг и летописец-библиотекарь — мы добьемся наилучших результатов и не вызовем излишней заинтересованности коринфийцев. Кроме того, я и Гвайнард весьма неплохо владели клинками, Валент являлся сильным волшебником, а месьор Хальк был вооружен длинным и острым языком, а заодно и необычным складом ума — барон Юсдалль умел находить оригинальный и неожиданный выход из самых затруднительных ситуаций, это Гленнор отлично знал. Достаточно вспомнить, что восемь лет назад именно Хальку пришла в голову блестящая мысль утопить подземное чудовище, исторгавшее ставший ныне почти сказочным Зеленым Огонь.

Да, совсем забыл упомянуть пятого члена нашей маленькой шайки конфидентов-шпионов-соглядатаев на жаловании аквилонской короны. Джигг. Личный камердинер ихней пергаментной милости барона Юсдаля. Я, в неведении своем, полагал, что легендарная

порода «идеальных слуг» давным-давно вымерла, наподобие многих древних народов, но действительность решительно опровергла мои домыслы. Насколько я понял, Хальк переманил Джигга у маркграфа Ройла, а уж где Ройл откопал это сокровище — одному Митре известно. Сразу после прибытия в Арелату Джигг счел себя обязанным заботиться обо всех нас и, уж поверьте бывалому придворному, один стоил целой сотни самых вышколенных тарантийских лакеев и как минимум десятка великолепно обученных конфидентов Латераны. Впрочем, о чудесах Джигга мы поговорим немного позже.

...Наше положение в Арелате было осложнено тем, что в соответствии с планом мы не имели права входить в любые сношения с работающими в Коринфии агентами аквилонской тайной службы, а уж тем более, с подчиненными герцога Мораддина — это может вызвать подозрения и преждевременное раскрытие наших замыслов. Вполне естественно, что я сам, Хальк и Валент выступали под чужими именами, только Гвайнард Гандерландский и Джигг остались сами собой. Мы же выглядели как маленькая компания скучающих дворян-путешественников с Полуночи Аквилонии, прибывших в благодатную Коринфию переждать суровую северную зиму и оценить свойства здешних целебных вод. Хальку немедленно развил идею и внес свои штрихи в этот спектакль — Валент Мессантайский выступал при особе захворавшего барона Лингена (так теперь называли королевского библиотекаря) в качестве личного лекаря.

Несколько дней назад незаменимый Рэльгонн переправил нас в окрестности Арелаты (что характерно, упырь сумел доставить в Коринфию даже наших лошадей!), сказал, что будет нас навещать и доставлять новости, а потом растворился в воздухе, нырнув в Ничто. Разумеется при нас имелся полный набор самых настоящих подорожных, дворянских грамот и рекомендательных писем — печати аквилонской государственной канцелярии и дорожной управы не могли вызвать ни малейшего подозрения, Латерана привыкла работать с документами чисто и добросовестно.

В Арелату мы въехали с рассветом, изрядно подивившись отсутствию городских ворот или хотя бы самой простенькой заставы стражи, быстро отыскали отличный постоялый двор «для благородных» и начали обживаться на новом месте. Теперь нам оставалось томиться в ожидании, тратить золото, коим нас щедро снабдил казначей Латераны и едва ли не ведрами потреблять целебную воду с пузырьками, источник которой находился прямиком во дворе нашей гостиницы, гордо именовавшейся «Горный орел».

Да, забыл сказать самое главное. Если месьор Лерэ все-таки объявится, то Хальку приказано вести с ним переговоры от имени Конана, в качестве наделенного самыми широкими полномочиями личного представителя аквилонского монарха.

Вот такие дела.

* * *

— Как почивалось? — я, неслышно подойдя сзади, заставил Халька слегка вздрогнуть. Барон восседал в плетеном из ивовых прутьев кресле под сенью росших во дворе апельсиновых деревьев и попивал из тонкостенного бокала некую странную жидкость неопределенного-розового цвета. — Видения ночью не посещали?

— К сожалению нет, только Рэльгонн заглянул, коринфийского вина отведать да посплетничать, — вздохнул Хальк, облаченный лишь в тонкие шоссы и легкую шелковую тунику с гербом баронов Линген. Вроде бы сейчас глубокая осень, а в Арелате даже ранним утром очень тепло. — Хочешь попробовать? Джигг посоветовал, сказал что очень вкусно и полезно.

Я взял кубок, понюхал содержимое и пригубил.

— Фу, гадость какая... Что это?

— Смешал густое сладкое вино и воду из источника, — Хальк указал на журчащий мраморный фонтанчик, расположившийся прямо посередине обширного двора. — Необычный вкус...

— Мерзкий вкус, — отозвался я, усаживаясь в соседнее кресло, коих для отдыха постояльцев хозяин «Орла» в избытке расставил возле деревьев. — А где остальные?

— Валент отправился гулять по городу, а Гвай и Джигг сказали, будто у них какое-то важное дело и появятся они только к девятому колоколу. Ничего не понимаю...

— А что тут понимать? В отличие от нас с тобой они пытаются хоть что-то разнюхать. Давай сделаем вот что: пока не проснулись прочие постояльцы, поделимся друг с другом первыми впечатлениями от этого странного городишки. Может быть, мы упустили нечто важное?

— Город как город, — пожал плечами барон Юсадаль. — Красивый, старинный. Вроде бы жизнь здесь течет как и везде, на башне замка знамя немедийского наместника, на улицах порядок и чистота, цены с нашими не сравнить — все дешево!

— Ты только что говорил о колоколах, — подсказал я. — Не уверен, что Гвайнард и Джигг смогут вернуться вовремя.

— Согласен, — уныло кивнул Хальк. — Не звонят в Арелате колокола. Все до единого митрианские храмы закрыты, кроме часовни при замке Великого Протектора — уступка требованиям Трона Льва. Как думаешь, где фатарены проводят свои обряды?

— Не знаю... Возможно, на природе? Думаю, мы скоро это выясним. Заметь, простые горожане, ремесленники, живут вполне благополучно, никто не бросает свои лавки или мастерские и не идет нищенствовать, да и бродяг-оборванцев в городе я не видел. Все это несколько отличается от привычной картины в других городах, обуянных фатаренской ересью.

— Момент! — библиотекарь быстро выпрямился и искоса взглянул на меня. — Отличается от картины не в «других», а в аквилонских и немедийских городах. Чувствуешь разницу? В разных странах проповедь учения Мэнхса приводит к разным результатам. Если, как мы и полагаем, вотчиной Черного Солнца является Коринфия, то зачем руководителям секты разрушать собственную страну и плодить в ней орды отрекшихся от мирских и плотских благ нищебродов? Гораздо проще ослабить своими проповедями соседей, у которых под шумок можно оттяпать земли...

— Логично, — согласился я. — Нам надо поучаствовать хотя бы в одном фатаренском бдении здесь, в Арелате. Стоит послушать, что говорят вдохновители и проповедники этой странной веры.

— Сделаем вид, будто мы интересуемся словами пророка Мэнхса, попросим хозяина постоялого двора познакомить нас со жрецами фатаренов, — немедленно начал строить планы барон Юсадаль. — Мы аквилонцы, и в этом есть преимущество. Я заметил, что местные доверяют нам гораздо больше, чем подданным Немедии. Наверное, получится.

— Возможно...

Хальк помолчал, отхлебнул из бокала своего кисло-сладкого пойла, пожевал губами и тихо произнес:

— Знаешь, что мне больше всего не нравится? Слишком уж здесь... благостно. Тишина, спокойствие, птички поют, апельсины зреют. Ничто не вызывает никаких подозрений. Митрианские святыни пустуют? И что из того? В Немедии, уж извините, свобода вероисповедания, клади требы хоть Митре, хоть Белу с Затхом или вообще какому-нибудь Кугуюме — тебя никто попрекать не станет. На фоне бурных событий у нас в Пуантене или в полуденных провинциях Трона Льва это выглядит исключительно странно. Словно затаиша перед бурей.

— Изнаночная жизнь, — повторил я слова барона Гленнора. — Двойное дно, так сказать. Арелата является лицом Коринфии, по положению в столице протектората неопытные или невнимательные наблюдатели могут сделать неверный вывод о общем положении дел в государстве. Как тебе такое предложение: нанести визиты вежливости окрестным дворянам? В их загородные замки? Почему бы представителям благородного сословия Аквилонии не познакомиться с не менее благородными обитателями Коринфии? Может, чего выясним... Убежден, истинная, не прикрытая завесой жизнь этой страны течет где угодно, но только не в столице. Я, кстати, вчера познакомился с одним местным бароном, он приглашал в гости.

— Подумаем, — буркнул Хальк. — Ага, вот и они!

Хлопнула калитка, выводящая со двора «Горного Орла» на улицу и нашим очам предстал месьор Гвайнард за которым поспешал Джигг.

— С утречком, — поприветствовал нас бравый охотник на чудовищ. — Я-то думал, вы еще дрыхнете, господа дворяне. Есть новости.

— Плохие или хорошие? — безразлично поинтересовался Хальк.

— Плохие.

— Наконец-то! — в тусклых глазах тайного советника тотчас замерцал любопытный огонек. — Что вы раскопали?

— К сожалению, господин барон, это долго излагать, — ответил за Гвайнарда Джигг. — Если вы соблагоизволите одеться для прогулки, то сможете услышать все известия из первых уст.

Я непонимающе уставился на Гвай и тот коротко объяснил:

— Встретил здешних Ночных Стражей, отряд как раз находится в Арелате... Такого нарассказывали — волосы шевелятся. Собирайтесь побыстрее, вы должны это услышать!

— Валента ждать не будем, — решил я. — Потом все ему объясним. Хальк, чего развалился, вставай! Джигг, оденьте вашего хозяина скромно, но в соответствии с приличиями и титулом... Гвай, куда надо идти?

— Здесь недалеко, четыре квартала. Таверна «Бык и волк», они там остановились на два дня.

— Ясно, лошадей седлать не надо. Собираемся здесь через квадранс! Хальк, да шевелись же!

Барон Юсдаль наверняка уже успел рассказать, что гильдия Ночной Стражи представляет собой накрепко сплоченное братство отчаянных сорвиголов, избравших своим ремеслом истребление как сохранившейся с древнейших времен нечисти и нежити, так и чудовищ-хищников из плоти и крови. Мы в Латеране следим за деятельностью Стражей и лишь диву даемся, как немногочисленное сообщество охотников за монстрами успевает разрешить множество проблем, связанных с появлением опасных для человека существ во всех странах Заката, отчасти в Туранд и карликовых королевствах побережья Вилайета.

Каждый охотник для собрата по ремеслу роднее единокровного и единоутробного брата, ибо не будь в рядах Стражи непреложного закона взаимовыручки и верности своим соратникам, гильдия не просуществовала бы тысячу триста лет. Паршивые овцы, конечно, встречаются, но это случается куда реже чем можно себе представить — не обладая нужными качествами долго в рядах гильдии не продержишься — или погибнешь, или тебя настоятельно попросят уйти из отряда.

Сколько всего ватаг Ночных Стражей действует по нашу сторону Кезанкийских гор в точности известно только Хранителям — верховным руководителям древней гильдии. Ночные Стражи никогда и ни под каким видом не вмешиваются в политику или дела купеческие, получают за свои труды столько, сколько может заплатить обратившийся к охотникам за помощью человек (обычно это немалые деньги) и свято блюдут свой Кодекс, созданный еще во времена Эпимитриуса, и, как утверждают, при деятельном участии святого.

Насколько я знаю, между отрядами и Хранителями постоянно поддерживается связь — соколиная или голубиная почта, магия, гонцы. Посему, если однажды придется мобилизовать все силы Ночной Стражи для отпора чему-нибудь совсем жуткому и непобедимому, гильдия сможет выставить небольшое, но исключительно боеспособное войско, вооруженное накопленными за столетия знаниями и опытом, а заодно и волшебством — во многих отрядах ходят волшебники, полагающие это опасное ремесло более чем достойным для магика. Кроме того, Ночную Стражу открыто поддерживают магические ордена Равновесия и Золотого Лотоса — последний возглавляется известным волшебником, Пелиасом из Кофа.

Благодаря отлаженному веками механизму и умелому управлению со стороны Хранителей, коих избирают из числа самых опытных иуважаемых Стражей, отряды охотников направляются туда, где они наиболее нужны. Вспомним хотя бы разгул нечисти, вылезшей из пиктских лесов во время противостояния на Черной реке восемь лет назад — вождь пиков и могучий колдун Зогар Саг в средствах не стеснялся. Только благодаря собравшимся со всей Аквилонии Ночным Стражам удалось очистить Боссонию и Таурон от крайне неприятных существ, прорвавшихся в наш мир волею Зогар Сага и его подручных. Между прочим, зимой 1289 года новый государь Трона Льва, более известный под именем Конан Канах, личным указом даровал всем аквилонским охотникам статус «людей короля», то есть принял гильдию под покровительство высокой короны. Полагаю, он это сделал не только от благодарности за работу Стражей, но и в память о своих собственных похождениях в отряде Гвайнарда из Гандерланда летом-осенью 1285 года.

...Отряд, с которым мы повстречались в Арелате был на удивление немногочислен — всего-то шесть человек. Пятеро коринфийцев и один офицер по имени Витарий из Ианты — он как раз командовал ватагой. С ним мы и разговаривали. Прочие охотники, соблюдая неписаные правила субординации, в беседу не вмешивались и спокойно поглощали вино за

соседним столом в мрачноватой обеденной зале скромной маленькой таверны.

Витарий оказался длинным, почти в рост Конана, человеком средних лет, с чернющими глазами и узловатыми волосатыми лапищами, покрытыми белесыми шрамами. Появился он говорил очень плохо, словно сыра в рот набрав, потому разговор пришлось вести на более-менее известном всем остальным огирском наречии.

Гвай нас представил (само собой назвав вымышленные имена, ибо раскрывать инкогнито даже перед Ночными Стражами было небезопасно), пригласил садиться и отведать молодого вина. Сказал:

— Хранители известили Витария, что мы можем появиться в Арелате. Ему приказано оказывать нам любое возможное содействие, но, думаю, мы справимся сами.

— Лучше, если бы справились, — сочным басом отозвался Витарий. — работы невпроворот. Демоны зеленые, пять лет трудились без потерь, а с конца лета двоих охотников похоронил. Конечно, приказ Хранителей оспаривать никто не будет, пусть я и не совсем понимаю, кто вы такие. Из наших тут только Гвайнард, мы раньше несколько раз виделись. Да и амулет у него приметный — сам Пелиас делал, охранной магией так и пыхает...

Я невольно взглянул на грудь нашего охотника. На серебряной цепочке висел небольшой, с ноготь большого пальца, оберег в виде волчьей головы, окруженной испещренным рунами кольцом. Никогда бы не подумал, что на эту простенькую вещицу может быть наложено заклятие самого известного светлого мага Закатного материка.

— Мы приехали разобраться, что происходит в Коринфии, — сказал Хальк. Чуть помедлил и добавил: — По приказу короля Конана Аквилонского.

— Бесовство сплошное тут происходит, — проворчал Витарий. — Я уже попросил Хранителей прислать два-три крупных отряда нам в содействие, иначе совсем плохо будет.

— Можно подробнее? — вежливо попросил я. — Пойми, если мы не будем знать подробностей, то не сможем помочь.

— Чем, ваша милость, помогать собираетесь? Или магией владеете? Да не простой, а такой, которая кхарийскую нечисть, будь она трижды неладна, обратно в Черную Бездну загонит?

— С нами в Арелату прибыл глава конclave Равновесия, Валент из Мессантии, — Витарий явно нам не доверял или считал бесполезными болтунами, так что пришлось рискнуть и выложить на стол самый крупный козырь. — Если потребуется, он поддержит вас в любом деле.

Витарий мельком взглянул на Гвайнарда. Тот утвердительно кивнул, свидетельствуя, что я сказал правду. Охотник слегка подобрел.

— Дело другое... В общем, жизнь в здешних местах за последний год изменилась далеко не в лучшую сторону. Раз уж подробности узнать захотелось — слушайте...

* * *

Ночью в карпашских предгорьях даже красивее, чем днем. Воздух чистейший, рассыпанные по небесной сфере звезды кажутся невероятно огромными — можно протянуть руку и коснуться одной из них, а то и просто сорвать с небес и сунуть в кошелек. Когда из-за

горной цепи выползла луна, вершины кипарисов окрасились в призрачное серебро с голубоватым оттенком, появились глубокие черные тени, засияли холодные бриллиантовые блестки на далеких ледниках, покрывающих самые высокие пики. В столь романтическое время впору назначать свидания и гулять с возлюбленной под луной, а вовсе не сидеть в засаде, незнамо кого выслеживая.

Если вы хотите спросить, что я здесь делаю — с удовольствием отвечу. Я упросил Гайнарда и Витария взять меня с собой на охоту. Дело в том, что после продолжительного разговора в таверне «Бык и волк» офицер попросил Гвая пособить — якобы в окрестностях Арелаты появилась некая неизвестная чуда, как и полагается, весьма противная обликом и донельзя опасная. Кметы барона Астера, чей замок стоял всего в четырех лигах от столицы, нажаловались Ночной Страже на появляющегося после заката солнца невиданного зверя, который «летает по воздуху» и нападает на людей, неосторожно вышедших вечером из дома.

— Я осматривал трупы пострадавших, — сказал нам Витарий. — Признаюсь честно, никогда не встречал ничего подобного. Исключительно необычный монстр. Пришлось идти в библиотеку великого протектора, копаться в бестиариях и книгах по демонологии, но описаний чего-либо похожего я в книгах не нашел.

— Как выглядит зверь? — немедленно заинтересовался Гайнард.

— В том-то и дело, что разглядеть его в подробностях никому не удалось. Деревенские уверяют, что существо похоже на круглое облачко диаметром в три-четыре локтя, летящее на высоте человеческого роста. Оно появляется возле крестьянских домов, каким-то образом умерщвляет жертву на расстоянии, потом приближается к трупу и высасывает мозг.

— Чего-чего? — вздернул брови Гвай. — Мозг? Каким образом?

— В черепах погибших, на лбу или на затылке, мы видели небольшие отверстия, — недовольно сказал Витарий. — Дырки словно бы толстой иглой проделали. Пришлось позвать из замка баронского лекаря, он вскрыл один из черепов... Внутри — пусто. Отверстие появилось после удара длинным и скорее всего полым шипом, вроде здоровенного комариного хоботка. Гвай, ты встречался когда-нибудь с подобной гадостью?

— Не могу припомнить, — растерянно пожал плечам Гайнард. — Не похоже ни на одного из вампиров... Некоторые демоны-зомби питаются человеческим мозгом, но я никогда не слышал, чтобы зомби летали по воздуху, только такого удовольствия нам не хватало... Зверь появляется часто?

— Почти каждую ночь, — угрюмо ответил Витарий. — И только в окрестностях замка Астер. За четыре седмицы — двадцать восемь трупов.

— Сильно, — кивнул Гвай. — И что же, вы так и не смогли его выследить?

— Не успевали... Однако, в действиях летучего зверя есть своя система. Он нападает только на жителей трех деревень, причем два раза подряд в одном и том же поселке не появляется. Все погибшие жили в крайних домах и только на полуночных окраинах деревень. Тварюга убивает за ночь лишь одного человека и мгновенно улетает, вероятно ее логово находится в окрестностях, совсем неподалеку. Следов зверь не оставляет. Короче говоря, нынешней ночью он должен появиться возле хутора Тарн — судя по тому, что вчера и третьего дня зверь охотился в двух других деревнях. Этот ваш волшебник, Валент, нам бы очень пригодился — я убежден, что монстр обладает некоей неизвестной нам магией...

— Полагаю, Валент не откажет, — не раздумывая ответил Гайнард. — Я тоже с вами отправлюсь, благо кое-какой опыт в ночной охоте имею, оружие и все необходимые снаряжения у меня с собой.

— Возьмите с собой? — не знаю, какой демон потянул меня за язык, но очень уж мне хотелось посмотреть, как работают знаменитые охотники на монстров.

Витарий глянул на меня неодобрительно — ему совершенно не хотелось во время охоты приглядывать еще и за любопытным аквилонским дворянином, не имеющим никакого опыта в ремесле Ночной Стражи. Однако, меня неожиданно поддержал Гвай:

— Возьмем, возьмем... — наш охотник повернулся к офицеру и доверительно сказал: — Его милость владеет оружие не хуже, а может и лучше, чем каждый из нас. Да и в прочих особенных науках разбирается.

— Особенные науки, говоришь? — понимающе протянул Витарий и посмотрел на меня с интересом. — Такие, каким в во всяческих интересных столичных департаментах обучаются? Впрочем, это не мое дело — если Гвайнард за тебя поручился, никаких возражений.

— А... — заикнулся было Хальк, но мгновенно получил громовое «Нет!» одновременно от меня, Джигга и Гвайнарда.

— Господин барон будет благополучно отдохать в «Горном орле», попивать целебные воды и ждать гостей, — добавил я. — Джигг, проследите, чтобы ваш хозяин не покидал пределов постоянного двора после наступления сумерек.

— Как будет угодно вашей милости... — охотно пообещал камердинер, не обращая внимания на яростный взгляд Халька. — Вас ждать к завтраку?

— Безусловно...

Мы вернулись на свой постоянный двор, дождались Валента, доселе праздно гулявшего по Арелате, объяснили магу, что грядущей ночью нам предстоит поучаствовать в серьезном деле, а когда солнце начало клониться к горизонту, забрали лошадей из конюшни и отправились к дальней окраине города, где, возле первого путевого столба ведущего в Бельверус тракта нас уже дожидались охотники Витария. Надувшийся Хальк даже не пожелал нам удачи — обиделся.

Окрестностей замка Астер мы достигли быстро — скала, на которой угнездилась крепостишка поднималась в полутора лигах к полуденному закату. Остановив лошадь на вершине холма, Витарий вытянул руку и указал на поднимавшиеся к небу тонкие голубые дымки.

— Хутор Тарн. Семнадцать домов, живет там чуть больше сотни фригольдеров, то есть свободных кметов, арендующих земли у здешнего барона. Видите шатры чуть левее? Это лагерь поденщиков, они работают на уборке винограда — еще человек сорок. Засаду устроим в полустанции от деревенского тына, со стороны полуночи. Гвай, возьмешь под свою команду трех моих охламонов, встанете ближе к деревне, возле лимонных деревьев. Мы останемся на возвышении, в сотне шагов от вас — нужен хороший обзор. Всем и каждому — выпить декокт, усиливающий сумеречное зрение.

— Мне это не нужно, — подал голос Валент. — Магия, знаете ли, куда надежнее любых снадобий Ночной Стражи...

— Как будет угодно почтеннейшему волшебнику, — не стал возражать Витарий. — Поехали!

— Один момент, — поднял руку Гвайнард. — Витарий, есть одно предложение. У моего отряда в Райдорском герцогстве есть замечательный помощник, он может нам пригодится.

— И как ты его прямо сейчас доставишь из Бритунии? — усмехнулся офицер.

— Он сам себя доставит. Это каттакан.

— А, конечно... — чуть поразмыслив кивнул Витарий. — Наслышен. О вашем вампире среди Ночной Стражи самые настоящие легенды ходят. Завидую я тебе Гвай, ухитрился заполучить в отряд настоящего броллайхэн и даже каттакана! Как ты предупредишь упыря?

— Нет ничего проще...

Гвайнард сунул ладонь в споран, извлек оттуда коробочку, усеянную крошечными голубыми квадратиками и коснулся ногтем нескольких из них. Шкатулка издала пищащий звук, а охотник, отвечая на наши вопросительные взгляды, пояснил:

— Рэльгонн подарил мне этот механизм лет десять назад. Полезная вещица, позволяет мгновенно связаться с упырем, где бы он не находился. Каттаканы привезли эти штуковины из своего мира.

— Волшебство? — заинтересовался Валент, заглядывая через плечо Гвайнарда.

— Нет. Я же сказал — механизм, машина. Представления не имею, как она работает, но вешь надежная. Погодите-ка...

Шкатулка снова пискнула, а на маленьком зеркальце, расположенном над квадратиками, вспыхнули несколько незнакомых мне синих иероглифов.

— Все в порядке, — подтвердил Гвай, мельком взглянув на коробочку. — Как только солнце зайдет, Рэльгонн нас отыщет. Поехали, поищем удобное место для засады.

* * *

Давным-давно стемнело, в окнах хуторских домов мерцали тускло-оранжевые свечные огоньки, по небу разлилось лунное зарево. Птицы притихли, тишину нарушали только стрекотание сверчков, редкое взлаивание собак на хуторе, да шум листвьев в верхушках деревьев от редких порывов ветра. Становилось прохладно — осень даже в теплой Коринфии брала свое.

— Добрый вечер, — прошептали у меня за спиной и мы Гвайнардом тотчас обернулись.
— Звали? Что такого страшного случилось?

В густой тени лимонной рощи посверкивали две желтые искорки — глаза месьора Рэльгонна. Черная одежда делала упыря почти невидимым, особенно для меня — я отказался пить отвар, позволяющий охотникам видеть в темноте. Кто знает, как он подействует на непривычного человека?

— Привет, — толь же тихо ответил Гвай. Охотники Валента посматривали на упыря заинтересованно, но без всякой боязни. — Надо помочь. У нас возникли трудности.

— Рассказывай...

Гвайнард быстро и четко объяснил, в чем суть проблемы. Рэльгонн выслушал, покивал, и только руками развел:

— Очень странно. Я теряюсь в догадках, чем может быть ваш нынешний противник. Как решили действовать?

Диспозиция была такова: на близлежащем холме засели Витарий, Валент и двое охотников — наблюдали за окружой. Когда монстр появится, они подадут сигнал и укажут направление его движения. Затем начинаем действовать мы — Гвай решил атаковать зверюгу залпом посеребренных арбалетных болтов, Ночные Стражи были вооружены тяжелыми

самострелами. Кроме того, Валент наложил на тяжелые металлические стержни заклинания уничтожающие нечисть и способные нейтрализовать или временно блокировать заклятия самого монстра, если таковой владеет магией.

В случае, если арбалеты и серебро окажутся бесполезны, Валент атакует зверя боевой магией, волшебника немедленно поддержит Рэльгонн — владеющий способностью прыгать через Ничто упырь попытается отвлечь чуду, пока Ночные Стражи разворачивают сеть из тоже посеребренной стальной проволоки, разорвать которую невозможно даже взбешенному быку.

— ...В крайнем случае я смогу защитить себя, — Рэльгонн покопался в складках своего балахона и показал трубку черненого металла с рукоятью, на которой перемигивались синие и желтые огоньки. Я вопрошающе взглянул на Гвайнара.

— Тоже механика каттаканов, — сказал охотник. — Трубка метает молнии, способные обездвижить или убить практически любое живое существо... Тихо! Слышите?

Согласимся, что для позднего ночного времени щелчки и переливы соловья более чем странны. Как только дивные трели стихли, дважды ухнула выпь и гаркнул ворон.

— Ясненько, — быстро и хищно проговорил Гвайнард. — Витарий сообщает, что они углядели чуду. Двигается мимо холма, направление — полночь-полуночный закат. Приготовились!

Луна светила достаточно ярко, залитое серебристыми лучами пространство между возвышенностью, рощей лимонных деревьев и бревенчатым тыном хутора отлично просматривалось даже без помощи невероятно расширяющих зрачки зелий Ночной Стражи. Пока никакого движения не замечалось, но охотники быстро утвердили на ложах арбалетов тяжеленные болты и замерли в ожидании.

— С вашего позволения... Хочу убедиться лично, — едва слышно скрипнул каттакан и растворился в воздухе. Спустя несколько мгновений упырь снова материализовался возле моего плеча: — Никакой ошибки, тварь приближается, летит довольно медленно. Весьма необычное существо. Смотрите! Вот оно!

Без ложной скромности скажу, что за время долголетней службы в Латеране я всякого перевидал. Тайная служба Трона Льва охотится не только за казнокрадами, заговорщиками или иноземными шпионами, мы еще приглядываем и за магами, особенно теми, что промышляют всеми разновидностями темного колдовства, некромантией и чернокнижием. Барон Гленнор даже организовал особый «стол» под руководством мэтра Савердена — это отделение нашего тихого ведомства занимается исключительно вопросами магии и выясняет степень опасности для государства того или иного колдуна.

Так вот: сталкивался я и с боевой магией, и с монстрами, созданными умственно неполноценными колдунишками, решившими поэкспериментировать над живой материей. Сколько трактатов по демонологии изучено мною за минувшие годы — и не сосчитаешь! Но монстра из баронства Астер я прежде не встречал ни наяву, ни на книжных картинках.

К нам неторопливо приближалось нечто, действительно похожее на довольно крупный шар, из нижней части которого исходили тонкие гибкие отростки, весьма смахивающие на щупальца осьминога. Летело оно на высоте четырех-пяти локтей с быстротою обычного человеческого шага, щупальца вяло извивались, задевая траву. Морды и глаз существа пока заметно не было.

— Ничего не понимаю, — одними губами сказал озадаченный Гвай. — Такие зверюги

нигде не описаны... Либо редчайший реликтовый монстр, либо — порождение магии...

Означенное реликтоное порождение магии подлетело к нам на расстояние двадцати шагов и я, наконец, рассмотрел его. Видели продающиеся на мясных рынках телячьи или свиные мозги? Так вот, что, что мы изначально приняли за «шар» являлось громадным подобием мозга. Два полушария, глубокие извилины, гладкая блестящая в лунном свете поверхность... Между полушариями рос длинный, с человеческую руку, чуть изогнутый и выдавшийся вперед тонкий «клов», по сторонам от него мерцали синеватые сферы — скорее всего глазки. Оригинально до крайности!..

Гвай тихонько цокнул языком — сигнал к атаке. Мгновение спустя щелкнули проволочные тетивы самострелов и болты устремились в короткую дорогу до цели.

Попади одна их таких стрел в человека, его бы сбило с ног будто ураганом и отбросило на несколько шагов назад. Кроме того, от летящего с немыслимой скоростью арбалетного болта увернуться невозможно — это я вам как знаток говорю!

Но все произшедшее немедленно после первого залпа опровергло все мои знания о военной науке. Мне показалось, что за миг до того, как пальцы охотников нажали на отпускающие тетивы крючки, тварь повернулась к нам и мгновенно взмыла на несколько локтей выше. Стрелы со свистом пробурали воздух под зверем, возможно задев щупальца — монстр резко поджал свои «лапы» и издал негодующее посвистывание.

Теоретически, арбалет является менее скорострельным оружием, чем лук — надо натянуть очень тугую тетиву при помощи ворота на шестеренках, наложить стрелу, прицелиться и лишь затем стрелять. Таким образом, на это уходит одна тридцатая квадранса, то есть половина оборота большой стрелки клепсидры. Это очень долго — обученный обращаться с оружием человек сможет за это время метнуть как минимум пять ножей или шурикенов. Пока Гвай и остальные возились с арбалетами, расположившийся на холме Валент принял решение, что пора вводить в действие магию.

Мелькнул розовый разряд, волшебник опутал зверя кольцом жгучих искр, Рэльгонн тотчас же переместился через Ничто прямиком под тоненько заверещавшую тварь, вытянул руку с метающим молнии жезлом, но...

Это напоминал удар обмотанной тряпками кувалды точно в темечко. Такое впечатление, что у меня под сводом черепа взорвался сосуд наполненный кхитайским горючим порошком, какой обычно используют для устройства фейерверков. Руки и ноги мгновенно онемели, словно я их отлежал, и доблестный граф Кертис, краса и гордость Латераны, рухнул на землю подобно тряпичной кукле. Угасающими остатками зрения я успел заметить, что аналогичная участь постигла и остальных охотников. Гвай попытался было потянуться к кинжалу, но рука не слушалась.

Последним, что я запомнил, были угасающие огоньки — действие заклинания Валента Мессантийского прекращалось. Потом стало темно.

* * *

— Кертис, ты живой? Давай, вставай... Нечего тут валяться.

Я поморщился — меня сильно и неприятно хлестали ладонью по щекам.

— Гвайнард, перестань! — я шевельнулся, понял, что тело слушается и попытался сесть. Голова трещала так, словно мы вчера полный вечер беспробудно пьянствовали в захудалой таверне, ведрами поглощая скверное вино. — Что... Что произошло?

— Это мы и пытаемся выяснить. По счастью все наши живы, отделались легким испугом и головной болью.

Осмотревшись, я понял, что прошло довольно много времени — облака на восходе начали окрашиваться в золотисто-багровые цвета, то есть начиналось утро. Вся компания — Гвай, Валент, Витарий и пятеро его охотников — была в сборе, причем каждый выглядел довольно бледно, а волшебника бурно тошило — Валент то и дело бегал в кусты, освободить желудок от желчи и остатков давешнего завтрака.

— Полное поражение, — глубоко вздохнув сказал офицер. — Эта сволочь каким-то образом оглушила нас и смылась... Что же это было, а?

— Илитид это был... — прохрипел Валент, пытающийся подавить приступы тошноты. — Точно, илитид. Вы про таких существ не могли слышать, потом объясню... Никогда бы не поверил, что увижу подобную тварь вживую!

— Погодите, а где Рэльгонн? — вдруг обеспокоился Гвайнард. — Улетел в Рудну? Митра Всеблагой, только этого еще не хватало! Кертиз, ребята, помогайте!

Я, героически преодолевая невыносимую боль в затылке, встал и побрел вслед за Гваэем, который по сравнению с остальными выглядел на удивление бодренько.

Посреди обширной поляны лежал наш упырь. Как мне показалось с первого раза — мертвый. Слишком уж кожа синюшная, кажется не дышит. Из-за необытного черного балахона, разметавшегося по траве, Рэльгонн кажется подстреленным из лука огромным вороном. На лицо упыря лучше не смотреть — рот оскален, белеют в утренних сумерках чудовищные зубищи, нос заострен, под тяжелыми веками мерцают болезненной желтизной закатившиеся под череп глаза. Кошмар.

— Вроде не ранен, — пробормотал Гвайнард, присев на корточки рядом с недвижимым упырем и потрогав его за дряблую белокожую шею. — Убить каттакана очень и очень непросто, они живучие. Митра и Иштар, спасите и сохраните! Рассветает, а солнце его убьет!

Почти целый квадранс мы пытались привести Рэльгонна в сознание всеми известными человеку методами — поливали водой из ближайшего родника, хлестали по щекам, пытались напоить вином. Безрезультатно. Гвайнард утверждал, что каттакан жив, но полностью парализован.

— Вызови его родственников из Рудны, — посоветовал я, вспомнив о чудесной машинке. — Они перенесут Рэльгонна через Ничто домой и попробуют вылечить...

— Я бы рад, — огрызнулся Гвай. — Но этот механизм каким-то образом настроен только на Рэльгонна, его брат, дядя и сыновья нас не услышат. За ноги вашу мамашу, скоро совсем рассветет, солнечные ожоги и яркий свет для каттаканов смертельно опасны! Его надо спрятать до следующего заката, но где?..

— Замотаем в попону или любую темную ткань, положим на лошадь, привезем в Арелату и укроем в подвале постоянного двора, — предложил Валент. — Сородичи Рэльгонна забеспокоятся и следующей ночью начнут его искать. Если поскакем быстро, наверняка сможем приехать в город до восхода солнца.

— Решено! — согласился Гвай. — Витарий, у вашего отряда есть охранная грамота наместника? Чтобы проблем не возникло в случае чего?

— Разумеется, — подтвердил офицер. — Боишься, что коринфийская стража, буде мы

таковую встретим, с подозрением отнесется к непонятному свертку, лежащему поперек седла?

— Прямо мысли читаешь! Давайте быстро осмотрим наши седельные сумы, нужна очень плотная ткань — чтобы через нее не проник ни один солнечный луч!

С помощью плотных попон мы превратили упыря в полное подобие куколки шелкопряда меньше чем за половину квадранса, забросили неопрятный сверток на холку коня Гвайнарда, вскочили в седла и пустили лошадей галопом, сначала от хутора до Бельверусского тракта, а потом в сторону города.

В Арелату мы ворвались, когда краешек солнца уже показался над зубцами горных вершин. Успели! Что-то скажет Хальк, которого поднимут с постели ни свет, ни заря...

Глава 5

Второй рассказ Гвайнарда

ИГРА В ПРЯТКИ

1-2 дни третьей осенней луны 1296 г.

Арелата, Коринфия

— Вот, посмотрите! — едва мы закончили насущные дела и заперлись в комнате волшебника, Валент раскрыл толстую старинную книгу и ткнул пальцем в пожелтевший пергамент. — Это очень редкая копия с кхарийского трактата, датируемого последними годами существования Ахерона. Тогда уже вовсю бушевала Буря Перемен, но колдуны Пифона продолжали изыскания в области магии метаморфоз, надеялись создать неуязвимых и наделенных способностями к волшебству существ, которые помогут остановить хайборийское нашествие... Результатом стало появление тварей, одну из которых мы видели ночью.

На книжной странице красовалась чуда, в точности похожая на нашего недавнего противника. Летучие мозги со щупальцами и кловом.

— Что за книга? — полюбопытствовал Витарий, непонимающе рассматривая фолиант. — Я всегда полагал, что в библиотеке Хранителей Ночной Стражи в Бельверусе есть все до единого бестиарии, включая кхарийские... Но ни я, ни Гвайнард этого сочинения доселе не встречали.

Я, подтверждая слова Витария, молча кивнул. Трактат и впрямь мне был не знаком.

— Немудрено, — сказал волшебник. — Это вовсе не бестиарий, а книга с заклинаниями и подробными... э... рецептами по изготовлению монстров. Отыскал ее в коллекции древностей маркграфа Ройла и с его дозволения прихватил с собой — как чувствовал, что пригодится. Так вот друзья мои, спешу вас огорчить. Возле хутора Тарб мы повстречали самого натуральнейшего илитида, сиречь выведенного колдунами Кхарии монстра, являющегося исключительно сильным психоником. Говоря проще, илитиды могут оказывать на жертву мысленное воздействие на расстоянии.

— Нас же было девятеро! — воскликнул граф Кертис. — Точнее, девять человек и каттакан! Как эта скотина умудрилась обездвижить всех?

— Псионическая волна, скорее всего, — пожал плечами Валент. — Я еще не до конца разобрался, книга написана на очень редком диалекте, расшифровка идет медленно. Но кое что я рассказать могу. Первое и главное: вы не могли знать о илитидах только потому, что они весьма недолговечны — живут не более года. Размножаются сами, как обычные животные, они не могут, являясь исключительно порождениями магии. Последнего живого илитида видели во время битвы при Хоттине, если не ошибаюсь почти ровно тысячу двести девяносто два года назад. Об этом сохранилась запись в «Хронике короля Алькоя», Хальк должен помнить... Какие выводы?

— Обыкновенные, — угрюмо бросил Витарий. — Какая-то скотина отыскала трактат, подобный твоему, досточтимый Валент, и начала плодить илитидов и прочую мерзость. За последние полгода в горах появилось множество самых необычных монстров, по счастью большей частью безобидных. Но встречаются и хищники... И все до единого звери являются якобы давно вымершими чудовищами кхарийской эпохи! Хоть кол мне на голове тешите, но я

уверен: кто-то нарочно разводит страшилищ.

— Скорее, экспериментирует, — сказал Валент. — Доморощенные колдуны Черного Солнца неопытны, а кхарийская магия требует серьезных знаний и очень длительного обучения. Вырастить зверягу они, возможно, в состоянии, но вот наделить ее надлежащими качествами?..

— Допустим, несравненные способности илитида мы прочувствовали на своей шкуре, — скривился граф Кертис. — Больше не хочется...

— Илитид нас не убил, а только обездвижил, — напомнил Валент. — На большее, видимо, сил не хватило.

— А как же Рэльгонн? — напомнил я. — Упырь доселе без сознания и я начинаю за него беспокоиться!

— Месьор Рэль оказался ближе всего к чудищу и, скорее всего, получил самый мощный психонический удар, — недолго поразмыслив, сказал Валент. — Каттаканы сильно отличаются от людей, есть подозрения, что у них чувствительнее нас и куда более восприимчивы к психонической магии. Надеюсь, Рэльгонн отлежится и придет в себя...

— Мы все на это надеемся, — буркнул Кертис. — Рассказывай дальше.

— Про илитидов? Пожалуйста... Выращиваются в магических лабораториях, способны подчиняться приказам хозяина. Илитиды времен Кхарии использовались в качестве военной силы, на далеко не всегда удачно — психоническая волна поражает не только врагов, но и своих, если маг не поставил защиту.

— Значит, от воздействия илитида можно защититься? — подался вперед Витарий. — Чего же ты ночью ушами хлопал?

— Нет нужных заклинаний, — огорченно откликнулся Валент. — С психониками люди не сталкивались много столетий, это искусство или позабыто, или окончательно утеряно. Попробую поискать нужные сведения в книге, но в положительных результатах я совершенно не уверен.

— Что же это получается? — задумчиво протянул граф Кертис. — Если вспомнить метаципленариев, которых выращивал этот, как его?.. Верно, барон Кулд. Вроде бы его замок находится неподалеку отсюда? Так вот, вам не кажется, что и птички, и появление древних чудищ, которых можно использовать в войне — звенья одной цепи? Представьте, что могут натворить два-три десятка таких вот илитидов! Сначала они обездвиживают конный отряд врага, а потом будет вполне достаточно подойти к упавшим с лошадей совершенно беззащитным всадникам и запросто их перерезать... Кстати, Валент, а разве илитиды способны действовать только ночью? И почему они питаются человеческими мозгами?

— Насчет мозгов ничего не скажу, просто не знаю... — сказал волшебник. — Может быть, каким-то образом черпают силу? А вот предыдущее соображение было вполне справедливым: илитид вовсе не является исключительно ночным существом, наподобие каттаканов. К нечистой силе он не относится, следовательно способен переносить солнечный свет и невосприимчив к серебру. Знаете что мне пришло в голову? Нашего знакомца ночами выпускают, так сказать, на выпас... У илитида есть хозяин! Витарий, в твоих запасах отыщется подробная карта полуночных и закатных областей Коринфии?

— Запросто, — кивнул охотник, встал, забрал валявшуюся у двери сумку, покопался в ней и извлек медный тубус в каких обычно хранят свитки. — Полагаю, нам надо взглянуть на окрестности Арелаты и замка Астер?

Склейенный из четырех больших листов пергамента план развернули, расстелили на

столе и Витарий сразу указал на рассыпь красных и лазурных значков, усеявших карту:

— Я обозначаю все места, где появлялись чудовища особыми символами. Синие означают вполне обычных мантикоров, бальберитов и прочую всем известную пакость — это зло привычное, почти родное... А вот красным отмечены всякие странные зверюги, доселе в Коринфии не появлявшиеся. Странностей не замечаете?

— Еще как замечаем, — Кертис почесал подбородок. — На твоем месте, я бы давно сообщил Хранителям гильдии или в Пятый департамент о том, что монстры расхаживают исключительно вокруг четырех-пяти замков самых родовитых коринфских дворян... Вот это чьи владения?

— Его светлости герцога Амори Ибелена, — не раздумывая ответил охотник. Нарисованную на пергаменте крошечную крепость окружало плотное кольцо алых точек. — Мне тоже приходили в голову мысли, что это неспроста, но заподозрить герцога, отец которого был великим протектором Коринфии в том, что он плодит чудищ?.. Да меня в Вертрауэне на смех поднимут и выставят взашей!

— Оставим пока герцога Ибелена в покое и посмотрим на хорошо знакомый нам замок Астер и его окрестности, — перебил Витария Кертис. — Илитид всегда появляется со стороны полуночи, а все три деревни, где чудил наш монстр, находятся как раз полуденное родового гнезда господина барона. Что вообще известно о бароне Астере?

— Ничего особенного, — развел руками охотник. — Дворянин как дворянин, не хуже и не лучше других. Между прочим, он племянник герцога Ибелена...

— Вот вам и еще одна ниточка, — с торжеством провозгласил Кертис подняв палец к потолку. — Если высшее дворянство Коринфии действительно замешано в некоем всеобъемлющем заговоре, ставящем цель восстановление в этой стране королевской власти и отделение от Немедии, то нет ничего удивительного в том, что столь близкие родственники занимаются одним делом. То есть, самостоятельно или при помощи магов конклава Черного Солнца, проводят некие опыты по выведению древних чудищ, каковых можно будет использовать против немедийской армии, когда она после начала открытого мятежа явится в Коринфию наводить порядок... Вы посчитаете меня безумцем, но я предлагаю нанести барону Астеру неожиданный визит.

— То есть? — насторожился я. — Ты хочешь залезть в замок?

— Именно. Семеро Ночных Стражей, маг и аквилонский конфидент представляют из себя серьезную силу...

— Только не против илитида, — оборвал я графа. — А если в замке обитает три десятка таких монстров? А взять в расчет дружины барона, призванную оберегать поместье своего господина от нежелательных гостей? Может быть, мы туда войдем, но вряд ли выйдем.

— Если правильно спланировать все действия и использовать магию, то шансов на успех прибавляется, — отмахнулся Кертис. — Гвайнард, ты ведь по молодости служил в Латеране, в отряде «Черный Беркут»? Вас должны были обучать молниеносному захвату небольших крепостей малыми силами... Валент, тебе сейчас все равно нечего делать! Возьми книгу и попытайся отыскать указания на то, как кхарийцы защищались от психонического воздействия илитидов! Витарий, марш в библиотеку протектора, тебе как Ночного Стража пропустят беспрепятственно — там наверняка отыщется план замка барона Астера! А я прогуляюсь по городским тавернам, пособираю слухи... Гвайнард, ты останешься дома, присматривать за Хальком и Рэльгонном.

— Раскомандовался, — беззлобно пробурчал Валент. — Сразу узнаю костолома из

Латераны. Кертис, это ведь авантюра!

— Причем совершенно противозаконная, — мило улыбнулся граф. — Если я правильно помню уложения Немедийского королевства, действующие в том числе на землях протекторатов, нападение на дворянский замок с целью грабежа для простецов карается виселицей, а для благородных — вечным заключением в своем поместье. При тяжелых последствиях — двенадцатью годами каторги или отсечением головы «с соблюдением уважения к титулу», то есть казнь проводится позолоченным мечом и обязательно с застеленной белой траурной тканью плахой. В случае неудачи легко отделаемся: повесят только Витария и его охотников, да Валента — ты ведь не дворянин?

— Где уж нам, сиволапым, — фыркнул волшебник. — Отец был аргосским рыбаком, мать, простите, прачкой. По несчастью мои способности к магии заметил жрец единственного в нашей деревне митрианского храма и отоспал учиться в Мессантию. Между прочим, на деньги общины, собранные от приношений прихожан.

— А говорят, что все митрианцы скупердяи и стяжатели! Какой трогательный пример покровительства бедному, но талантливому юноше! — ханжеским голосом сказал граф Кертис и тут же продолжил совершенно серьезно: — Почтенные месьоры, хватит чесать языками! Начинаем заниматься делом! Встречаемся в моей комнате после четвертого полуденного колокола!

* * *

Разумеется, мы самым наглым образом нарушаем строжайший приказ барона Гленнора и Мораддина, гласящий, что мы не должны вмешиваться в местные дела, не мозолить глаза, не встrevать в истории, а только наблюдать и ждать. Но бездействие и скука еще хуже, мозги превращаются в студень, а руки отказываются держать клинок. Я даже рад, что нам повстречался отряд Валента и начали происходить хоть какие-то события. Ибо обстановка в Арелате угнетающая — душно, будто перед грозой.

После того, как окончательно спятивший Кертис разогнал всю компанию и сам ушел в город — коллекционировать арелатские сплетни — я принялся за исполнение своих невеликих обязанностей. Сначала отправился на второй этаж «Горного орла», проведать его милость барона Юсада. Время подходило к полудню, а Хальк доселе не спустился из своих комнат. Заглянувший к нам Джигг сообщил, что господин барон доселе изволят почивать и отбыл в направлении кухни — надо полагать, заказывать завтрак для хозяина и следить за его приготовлением.

...Ранним утром, нам на удачу, хозяин и посетители «Горного орла» еще не проснулись, только возле конюшни обозначалось невнятное шевеление — конюхи лениво поили и чистили лошадей, да таскали воду в поилки. Я вытребовал у полусонной экономки ключи от хозяйственного подвала (отдала, и даже не спросила, когда верну — провинция!), мы вместе с Кертисом перенесли туда Рэльгонна, развернули попоны и спрятали упьра за наваленной у дальней стены горой старой изломанной мебели. Поскольку глубокий, выложенный валунами темный подпол в отличие, например, от винного погреба, посещался крайне редко, то у меня была надежда, что сюда никто не наведается (по крайней мере до завтра) и мы

будем избавлены от неприятностей. Не думаю, что обычный человек посчитает мирно спящего на старой, поеденной жучком кровати зубастого вампира неприятной наружности самой естественной деталью интерьера. Вой поднимется до небес!

Мирно спящего... В том то и дело, что Рэльгонн не спал, а был лишен сознания. Зная упыря полтора с лишним десятилетия, я немного научился разбираться в особенностях организма каттаканов. Я не говорю об их пристрастии к крови — родичи Рэльгонна все-таки самые настоящие вампиры, пускай и предпочитают употреблять в случае необходимости кровь диких животных, но не человека. Тело каттакана устроено совершенно по другому принципу нежели человеческое и отличается прямо-таки фантастической способностью к самовосстановлению. Кроме того, у них нет органов, при повреждении которых человек моментально умирает, то есть сердца и мозга.

Если представителю людской расы в лоб попадет арбалетный болт и хоть немного повредит мозг, то смерть неизбежна. А вот каттакану можно запросто отрубить голову и с ним ничего особо страшного не случится — раны моментально затянутся, а сама голова отрастет обратно через несколько дней. Само собой, упырь в это время будет вынужден отлеживаться в своем логове, но потом снова обретет свой привычный облик. Дело в том, что у каттакана по всему телу разбросано несколько своего рода «запасных мозгов», если погибает один, то его функции моментально берет на себя другой, а уж потом тело начинает быстро восстанавливаться.

Убить каттакана привычным человеку оружием практически невозможно. Рэльгонн как-то рассказывал, будто его дядюшку, Ритагонна, много лет назад случайно (по его собственной неосторожности) изловили бритунийские кметы, оттяпали топорами все конечности и голову, грудь проткнули колом, швырнули в яму и засыпали таковую жгучей известью. Конечно, Ритагонну это было очень неприятно, но он полностью восстановился за четыре седмицы без каких-либо видимых для себя последствий, если не считать смертной обиды на безграмотных крестьян, не умеющих отличить нормального вампира, от вампира действительно опасного. Стрелы, мечи и открытое пламя каттаканов тоже не брали и только из-за воздействия солнечных лучей они могли получить смертельные ожоги, а под прямым ярким солнцем — попросту сгореть.

Я не могу припомнить ни единого случая, когда Рэльгонн или другие представители его небольшой семьи, застрявшей по воле нелепого случая в нашем мире, оказывались бы в столь беспомощном положении. Врожденная магия каттаканов если не совершенна, то по крайней мере исключительно действенна и надежно защищает упырей от любых неприятностей. В случае реальной угрозы они всегда могут прыгнуть через Ничто в безопасное место, тем самым становясь недоступными для противника.

Никаких сколь-нибудь серьезных врагов у каттаканов в Универсуме людей попросту нет. Точнее, не было. До времени, пока Рэльгонн не повстречался с илитидом, обладающим весьма непонятными и опасными способностями. Да, каттакан более чувствителен к мысленному воздействию, чем человек — насколько мне известно, Рэльгонн, подобно оборотням Пограничья, способен ощущать «запах мысли» и сам обладает нешуточной способностью к внушению. Может быть в этом все дело?

Так или иначе, пока Валент или другие маги Равновесия не отыщут способа нейтрализовывать испускаемые илитидами психонические волны (или как минимум создавать действенную защиту), каттаканы нам не союзники. Людям кстати, тоже приходится несладко — голова у меня доселе побаливает.

...Хальк, изнеженный паркетный шаркун аквилонского двора, снял в «Горном орле» самые лучшие и дорогие комнаты — шикарные покои в мансарде, включающие трапезную, спальню с пышной постелью под балдахином и туранскими коврами и даже кабинет с небольшой библиотекой, в основном составленной из развлекательных сочинений Гая Петрониуса и Стефана Короля Историй. Комнатка для прислуги, в которой поселился Джигг, находилась рядом. Туда я и постучался, поскольку входить без стука в обиталище самого величественного и куртуазного камердинера обитаемой вселенной я не решился. Этикет прежде всего!

— Я немедленно осведомлюсь у господина барона, сможет ли он принять вас, месьор Гвайнард, — предупреждая вопросы пропел Джигг, едва завидев меня на пороге. — Но я бы не стал беспокоить его милость во время завтрака, поскольку известный целитель Африаний Цесиенский в своих трактатах утверждает, будто разговоры в момент употребления пищи ведут к...

— Джигг! — взмолился я, но камердинер уже канул в пустоту.

Я без позволения камердинера прошел в спальню Халька. Умильная картина: господин барон сидит в постели, на его коленях возлежит тяжеленный поднос потемневшего серебра уставленный тарелочками и соусницами. Отдельно возвышается бокал с разведенным целебной водой вином (Джигговский рецепт). Я мимолетно пожалел, что Хальк не участвовал в нашей ночной экспедиции в хутору Тарн — аппетита бы поубавилось.

— Вы можете быть свободны, Джигг, — сказал барон Юсадль недовольно покосившемуся на меня камердинеру. — Гвай, доброе утро! Судя по твоему сияющему виду, удачно поохотились?

Не знаю, с чего вдруг Хальк взял, что вид у меня «сияющий». Вовсе наоборот, я не успел ни побриться, ни переодеться после неприятного ночного приключения.

— У тебя все было спокойно? — немедленно осведомился я. Библиотекарь уныло кивнул — даже его начало тяготить бездействие последних дней. — А вот у нас прямо наоборот. Рэльгонна едва не убило, валяется без чувств в подвале постоянного двора...

Услышав это, Хальк подавился кусочком горячей булочки и пролил вино.

— Как? — пискнул он, откашлявшись. — Где? В подвале?

— Скажи спасибо, что не у тебя под кроватью, — без всякой жалости сказал я. — Слушай...

И я без лишних украшательств, но не особо скучая на краски, описал барону Юсадлю все, что произошло во владениях барона Астера минувшей ночью, поведал о нашем утреннем разговоре и планах его светлости графа Кертиса, который явно решил подвести всю компанию под топор палача или что похуже. К финалу моего рассказа Хальк начал икать — обожрался. Неужели умный Джигг никогда не говорил хозяину, что переедать по утрам — вредно?

— И дальше что будет? — слабо пролепетал Хальк. — Ведь барон Гленнор настрого запретил...

— Ночная Стража аквилонской тайной службе не подчиняется, — оскалился я, желая окончательно добить королевского библиотекаря. — Кертис, возможно, получит нагоняй, но только не мы... Кодекс охотников ясно гласит: помогай чем можешь, не взирая на препятствия! Если, как мы предполагаем, илитид приходит из баронского замка и представляет серьезную угрозу для жизни людей, то гильдия обязана действовать — об этом тоже четко написано в Кодексе. На нашей стороне здешние власти, по крайней мере

немедийский протектор — гильдия еще лет восемьсот назад заключила торжественный договор с Троном Дракона: все меры по противодействию черной магии и по охране подданных короны Бельверуса от чудовищ, какими бы они не были, заранее одобрены королем и Дворянским советом королевства. Конечно, если мы не представим доказательств, возникнут осложнения, но доказательства найдутся, это ясно как день. А тогда уже в спектакле примут участие Пятый департамент и митрианский храмовый суд, которые разбирают дела о черной магии.

— Храмовый суд? — невольно хохотнул барон Юсдаль. — Здесь? Где само слово «Митра» является чуть ли не запрещенным? Гвай, ты безумен!

— Безумен тот, кто играет с огнем и выпускает илитидов разгуливать по окрестностям, дабы оголодавшая домашняя скотинка подкрепилась, — разозлился я. — Ты ведь блюдешь древние законы дворянской чести, верно? А я — не только дворянин, пусть и самый захудалый, но и Ночной Страж, обязанный исполнять все положения Кодекса. Если есть опасное людям чудовище — убей его. Вот и весь сказ.

Только Хальк собрался обидеться и набрал в грудь воздуха, чтобы ответить мне длинной отповедью в стиле «нельзя, опасно, невыполнимо», как на пороге спальни показался невозмутимый Джигг и доложил:

— Письмо для господина барона Халька Юсдаля-младшего!

— Для кого? — изумился Хальк, которого в «Горном орле» знали исключительно под именем месьора Омсы Лингена из Гандерланда.

— Для вас, господин барон. Передавший депешу человек назвал ваше настоящее имя.

Джигг передал Хальку конверт, украшенный обычной печатью дворянского перстня без всяких надписей. Библиотекарь сорвал воск, развернул пергамент, быстро пробежался глазами по строчкам и резко повернулся ко мне.

— Гвай, нам надо немедленно ехать. Тут недалеко, в городе! Это месьор Лерэ!

— Подожди, я схожу предупредить Валента — кто-то ведь должен присматривать за входом в подвал, где мы спрятали Рэльгонна...

* * *

Я будто бы снова попал на страницы душепитательного сочинения Гая Петрониуса наподобие какой-нибудь «Тайны старого замка» или «Ужасной истории о герцоге-детоубийце». Таинственный (а другого слова и не подберешь!) посланец оказался закутан по самые уши в черный плащ, круглая суконная шапка надвинута на брови, движения порывистые, глаза бегают... Судя по всему, очень молод — нравится парнишке игра в секреты, да только ему никто не объяснил, что оные секреты таким образом не обергаются, а раскрываются, причем довольно быстро. По-настоящему опасные люди не выглядят опасными. Вы можете оказаться в одной комнате с ними и не обратить на них никакого внимания.

— Мне приказано проводить к господину только барона Юсдаля, — недовольно проворчал он, явно пытаясь изменить голос. — Ваш сопровождающий должен остаться здесь!

— Это не «сопровождающий», а мой... гм... оруженосец, — высокомерно бросил Хальк. — И без месьора Гвайнарда я никуда не пойду. Так можешь и передать.

Неужели боится? Впрочем, осторожность еще никому не вредила. Я бы на месте Халька тоже отказался идти неизвестно куда в одиночестве.

— Хорошо, — не слишком уверенно отозвался незнакомец. — У меня повозка возле ворот таверны, идемте.

Мы с Хальком забрались в запряженную двумя каурыми лошадьми крытую карету, провожатый взобрался на козлы, свистнул бичом и коняшки ретиво повлекли экипаж вверх по улице, в сторону замка протектора. Некоторое время мы кружили по городу, миновали украшенное знаменами и вымпелами торговых гильдий здание магистрата, обогнули резиденцию наместника и наконец оказались в самой старой части Арелаты — повозка едва протискивалась по узким улочкам, заставляя прохожих прижиматься к стенам домов или прятаться под арками.

— Пожалуйста, выходите и следуйте за мной, — лаковая дверца распахнулась и мы услышали тихий голос молодого человека. — Только поспешайте...

Он нырнул в узкий проход между домами, мы миновали дворик, уставленный бесчисленными горшочками с цветами, потом вошли в коридор, спустились и снова поднялись по лестнице и очутились на совершенно другой улочке, в другом квартале. Тут нас ожидала еще одна повозка, на сей раз менее приметная.

— Боги, какая таинственность, — недовольно высказался Хальк, когда деревянные колеса загрохотали по камням мостовой. — Жаль, графа Кертиса нет, по роду ремесла ему ужасно нравятся такие игры. Эй, любезный, скоро мы приедем?!

— Задерните шторки, — последовал ответ. — И не разговаривайте громко...

Высадили нас на дальней окраине Арелаты, застроенной окруженными садами виллами богатых горожан. Провожатый провел нас через калитку, ведущую в запущенный, но красивый парк с неработающими фонтанами и прудом. Попетляв по тропинкам мы подошли к стариинному деревянному дому в два этажа. Кроме нас троих здесь не было ни единой живой души — птицы и развалившаяся на крыльце кошка не в счет.

— Идите на верхний этаж, вас ждут... Я буду сторожить у входа, если появятся чужие — дам сигнал.

Под подошвами сапог заскрипели ступеньки рассохшейся лестницы. Я, на всякий случай обогнал Халька и проверил, насколько удобно ложатся в ладонь рукояти метательных ножей, висящих не поясе. Мало ли, что нас ждет...

— Барон Юсдаль, вы сошли с ума! — громыхнуло в большой пыльной гостиной, едва мы вошли. — Зачем вы приехали в Коринфию? Кто вас об этом просил? И каким образом преодолели две с лишним тысячи лиг за несколько дней? Это же просто невозможно, если, конечно, не была использована магия!

Возле резного букового стола стоял величественный господин в темной дворянской одежде и с узким эстоком на богатой перевязи. На голове бархатная шапочка-феска, традиционная для офицеров и коринфийцев, лицо, как я и предполагал, скрыто шелковой маской.

— Вы не слишком вежливы, месьор Лерэ, — Хальк нисколько не растерялся и мгновенно бросился в атаку. — Король Конан уполномочил меня и... кстати, познакомьтесь, это Гвайнард, барон Кетт-младший из Гандерланда, мой помощник. Он в курсе всех дел. Так вот, государь Аквилонии уполномочил меня вести дела непосредственно в Арелате и быть

его личным представителем со всеми надлежащими полномочиями. Полагаю, вам доложили, что король принял ваши предложения.

— Это очень хорошо, — уже более спокойно сказал человек в маске. — Но вы даже не представляете, какой опасности подвергаетесь. Вашей компанией уже заинтересовались весьма серьезные люди, хотя раскрыть ваши истинные имена еще не удалось. Черное Солнце вынуждено наблюдать за всеми чужестранцами прибывающими в нашу столицу, поскольку нами заинтересовались практически все тайные службы Заката!

— Значит теперь Арелата — столица Черного Солнца? — поддел собеседника Хальк.

— Нет, отчего же... Просто вы не представляете, сколь много коринфийских дворян, в том числе и занимающих высокие должности при Совете Нобилей и во дворце великого протектора, сочувствуют нашей организации или состоят в ней! Кроме того, наши маги тоже не сидят без дела — они заметили всплеск магического поля. Кто-то использовал волшебство Равновесия, а это значит, что в городе или поблизости от него объявился волшебник из враждебного конклава, враждующего с Черным Солнцем. Ваша работа?

— Наша, — признался барон Юсдаль. — Вместе со мной в Арелату прибыл глава Ордена Алого Пламени. Хочет изучить обстановку на месте.

— Валент Мессанткий? — изумился месьор Лерэ. — Здесь? Я полагал, что он безвылазно сидит в маркграфстве Ройл и помогает светлейшему в изысканиях... До того, как я обратился за помощью к вам, я хотел привлечь к уничтожению магов Черного Солнца именно Орден Равновесия и месьора Валента в частности...

— Ах, вот оно что! — библиотекарь хлопнул себя ладонью по лбу. — Теперь все стало на свои места... ваша светлость. Хватит играть в таинственность, герцог. Валент рассказал мне и королю Конану Канах о вашем предложении, а уж сделать выводы я сумел самостоятельно. Вы вовсе не «месьор Пустота», а герцог Амори Ибелен. Я прав?

Его светлость медленно снял маску, под которой скрывалось узкое лицо сорокалетнего мужчины с тяжеловатым подбородком и спокойными серыми глазами.

— Соображаете вы неплохо, — признал Амори. — Впрочем, задачка не сложная. Я-то надеялся, что Валент будет более скромен — я просил мага никому не говорить о письме.

— Он сразу заподозрил неладное, ваша светлость, — пожал плечами Хальк. — И рассказал нам, поскольку король Конан покровительствует Ордену, хоть магию и недолюбливает. Теперь, если позволите, я выскажу некоторые другие догадки, а вы подтвердите или опровергнете их. Вы готовите мятеж против властей Немедии, собираетесь разорвать договор о протекторате и объявить Коринфию независимым королевством?

— Да, — после некоторой заминки ответил герцог Ибелен.

— Королем — вы?

— Это еще не решено...

— В планы Черного Солнца входит объединение Коринфии и полуденных областей Аквилонии и Немедии в единое государство под одним скипетром? Контроль за всеми торговыми путями? Эти вопросы задаю не я, а король Конан!

— Это только один из планов. Полагаю, самый честолюбивый, но, по многим причинам, почти неосуществимый. На совете Черного Солнца я выступал против него, но меня поддержала лишь малая часть дворян и магов. Многие бароны Пуантена и примыкающих с полудня к Тайбору земель Немедии на нашей стороне, они приняли фатаренскую веру и ничего не хотят слышать о подчинении Тронам Льва и Дракона, поддерживающих митрианство.

— А почему именно «Черное Солнце»? — не удержался я от вопроса. — Кто придумал такое название?

Герцог посмотрел на меня недовольно, но ответил:

— Дурацкая шутка одного из наших последователей... Мол, если у развратных и жадных митрианских монахов символом является Золотое Солнце, то мы должны именоваться прямо противоположно. Как ни странно, название прижилось. Другие вопросы, месьоры? Я пытаюсь быть честным, хотя, по большому счету, обязан дать приказ о вашем незамедлительному уничтожении — вы знаете так много, что становитесь смертельно опасны для дела, которому я отдал много лет жизни.

— Все что знаем мы, знают и в Тарантии, — ничуть не смущаясь сказал Хальк. — Наша смерти уже ничего не изменят. Ваша светлость, вы же отлично понимаете, что в нашей тайной службой и в Пятым департаментом Немедии руководят отнюдь не круглые идиоты! Достаточно было пристально взглянуть на события, объединить их в единую цепь и сделать логические выводы... Единственно, пока мы только предполагали, что за заговором стоят высшие дворяне Коринфии, но теперь есть и доказательства.

— Вернемся к делу, — ледяным тоном прервал Халька герцог. — теперь настало мое время спрашивать. Аквилония вмешается в возможную войну между Коринфиею и Немедией?

— Если не будут затронуты интересы Трона Льва — нет, не вмешается, — не моргнув глазом согнал барон Юсдаль, хотя отлично знал о крепких союзнических отношениях между Конаном и Нимедом-младшим. — Мы лишь собираемся поддерживать порядок в пределах своего королевства. Уж не обессудьте, но если ваши проповедники продолжат деятельность на полудне Пуантена и Великого герцогства Шамар, король Конан примет самые решительные меры, вплоть до военного похода против еретиков. Дрязги между Коринфиею и Немедией нас мало интересуют. А если вы поможете нам избавиться от этой заразы в Аквилонии, Конан попробует уговорить Нимеда II даровать Коринфии независимость и не вводить сюда армию.

— Любопытное решение, — нейтрально сказал Амори Ибелен. — Это уже серьезно. Что с магами?

— Подготовка к полному уничтожению вашего конclave уже началась. Нам требуются точные сведения. Особенno, что касается чудовищ, которых плодят колдуны Черного Солнца. Гильдия Ночной Стражи и Оден Равновесия весьма обеспокоены появлением созданных путем колдовства монстров, которых можно использовать в войне.

— Что бы вы не говорили, но военного столкновения с Немедией не избежать, — тихо проговорил герцог. — У короля Нимеда и дворян с Полуночи слишком много личных интересов в протекторатах Коринфии и Заморы. Золотые рудники в Карпашских горах ныне принадлежат короне, добавим сюда Дорогу Королей, водный путь к Полуденному океану, перевалы, по которым проложены торговые тропы в Офир, Коф и шемитские земли! Нимед никогда не выпустит из рук такое сокровище добровольно.

— Понимаю, — согласился барон Юсдаль. — Противостоять огромной и отлично вооруженной армии Немедии своими силами вы не сможете. Наша тайная служба предполагает, что Коринфия в состоянии собрать не более полутора тысяч конных дворян и до тридцати пяти или сорока тысяч пеших. И то, если заберете в войско почти всех мужланов из деревень. Нимеду будет достаточно ввести в Коринфию пять тяжелых легионов и гвардейскую кавалерию. Личные дружины немедийских дворян можно даже не упоминать

— ринутся сюда пограбить и захватить новые земли, поскольку по закону владения мятежных дворян конфискуются... И все равно: вы выбрали порочный путь.

— В соответствии с кордавским договором между королями Заката от 1296 года использование боевых животных в войне не возбраняется, — грустно усмехнулся герцог. — Любой, кто начнет возмущаться, ткнем носом в соответствующий параграф соглашения.

— Илитиды — вовсе не боевые животные, — не преминул заметить я. — Да и ваши метаципленарии...

— Боги милостивые, вы и об этом знаете? — поразился Амори, немедленно меня перебив. — Хотя, после визита головорезов из Вертрауэна в замок барона Кулда мы и не надеялись на сохранение тайны... Хальк, передайте королю Конану, что мы не собираемся бросать в бой порождения магии кхарийцев, хотя колдуны нашего конclave настаивают на этом. Метаципленарии — другое дело. Птицы являются живыми существами, ничуть не хуже и не лучше обычновенных боевых слонов, а вот толку от них гораздо больше...

— Откуда вы их раздобыли? — спросил я.

— Прочитал о метаципленариях в старинной книге, нанял в Зингаре корабль и отправил на Огненные острова своих людей, которые должны были привезти десяток-другой птенцов разного пола. Заодно удалось пленить нескольких дикарей, умеющих обучать птиц. Так что мы с Нимедом еще повоюем... Достойные месьоры, времени у меня уже не осталось, будем прощаться. Запомните: если вам будет угрожать опасность, немедленно покиньте Арелату и скрытно переберитесь в замок Бокер, это в горах, к полуденному закату от города. Каштелян и стража будут предупреждены. А уж я найду способ переправить вас оттуда обратно в Аквилонию.

— Думаю, ваша помощь не понадобится, — самонадеянно сказал Хальк. — Но все равно спасибо.

— И, очень прошу, поменьше балуйтесь магией. Наш конclave в полном составе находится в Коринфии, колдуны следят за всеми проявлениями волшебства, а уж если они вами всерьез заинтересуются и вы окажетесь в руках этих неприятных месьоров, я не смогу вас вытащить.

— Когда ждать обещанных сведений? — напомнил барон Юсадаль.

— Через два-три дня к вам придет посланник. Тот самый юноша, которого вы сегодня видели.

— Скажите ему, чтобы одевался попроще, — как бы невзначай заметил я. — Выглядит будто злодей-отравитель из балаганного спектакля. Внимание привлекает.

— Хорошо, — кивнул герцог. — Идите, вас отвезут домой. И умоляю — будьте тише воды, ниже травы!

Перед моим взором на мгновение встал образ ухмыляющегося графа Кертиса, но я решительно отогнал это видение и шагнул к лестнице, потянув Халька за рукав.

— Постойте! — воскликнул вдруг библиотекарь. Направившийся к противоположной двери Ибелен запнулся на полу шаге. — Ваша светлость, как вы нашли нас в Арелате?

— Магия. Та же самая магия, при помощи которой я посетил вас в Тарантии. Не беспокойтесь, мой личный волшебник — верный человек...

— Очень на это надеюсь, — беззвучно шепнул Хальк, но собой надежды в его глазах я не увидел.

Я еще издалека приметил появившихся возле коновязи «Горного орла» лошадей под одинаковыми седлами, украшенными гербами Арелаты — серебряный барс на пересеченном черно-зеленом геральдическом щите. Над щитом красовался меч оплетенный лавровыми листьями. Так и есть — эмблема стражи городского магistrата. Неужто за нас взялись всерьез?

— Хальк, никакой паники, — тихо сказал я библиотекарю. — Все бумаги у нас в полном порядке, не подкопаешься... Главное — вести себя естественно.

Окликнув тоже заподозрившего неладное возницу, я приказал остановиться в полуквартале от постоянного двора и экипаж немедленно исчез в одной из боковых уочек. До ворот «Горного орла» мы шли пешком, стараясь выглядеть праздными отдыхающими.

Едва мы вошли в главную гостевую, она же обеденная, залу таверны, как к нам устремился слегка напуганный хозяин и, указывая сидевших за дальним столом господ в зеленоватой с серебром форме уведомил:

— Месьору, тут к вам пришли... Говорят, будто по поручению протектора Арелаты. Уже допросили лекаря господина барона, но он отказался говорить, пока не прибудет сам месьор Линген...

— Ясно, — зло бросил Хальк. — Гвай, пошли разбираться.

Блюстителей было семеро. Сервент и полдюжины обычных стражей. Причем молодой сервент (ему, наверное, и двадцати пяти не исполнилось) дворянином не является — в Коринфии все благородные носят золотые пояса с личным гербом. У него же ремень обычный, кожаный, с дешевыми бронзовыми бляшками. Смотрит нагловато, прыщи на роже.

— Я — барон Омса Лингенский, из Гандерланда, Аквилонское королевство, — напустив на себя надменность, присущую всякому захолустному дворянину, спросил Хальк. — Вы хотели меня видеть? Чем могу помочь доблестной страже Арелаты?

Сервент даже не встать не соизволил. Простолицы стражи последовали его примеру, но немного смущились — знали, что с дворянами связываться не стоит, пусть даже и с заграничными.

— Эй, Тагерт, приведи ихнего лекаря, — лениво сказал сервент одному из своих и стражник мигом исчез. — А вы месьоры покажите-ка подорожные.

— Подорожные, — цедя слова сквозь презрительно искривленные губы сказал барон Юсадль, — мы показывали в дорожной управы Арелаты, куда наведались немедля после прибытия в ваш замечательный городок. И я не вижу смысла предъявлять их по первому требованию занюханного городского стража, призванного следить за тем, чтобы честных людей не обвешивали на рынках или ловить карманых воров.

За соседним столом восседали четверо пожилых офицерских дворян (они тоже приехали в Арелату рассеяться и потребить свою долю целебных вод). Последнюю фразу Халька, произнесенную достаточно громко, они явно одобрили, а толстый барон с блестящей лысиной даже сделал провокационный жест — мол, что вы канителитесь, ваша милость? Дайте хаму по роже и дело с концом!

— Вот предписание, — сервент выложил на стол пергамент с гербом магистрата. — В Арелате и окрестностях промышляет шайка грабителей, выдающих себя за аквилонцев. Мы

проверяют всех... ваша милость.

Идиотическое объяснение. Ну сами подумайте, какие нормальные разбойники будут представляться жертвам «аквилонскими дворянами»? Все понятно, нас впервые решили испытать на прочность.

Хальк, выкроив на лице такое выражение, что скисло бы даже парное молоко, вытащил из спорана подорожную, дворянскую грамоту и водрузил их на столешницу перед сервентом. Сверкнули красные печати со вздыбившимся львом Аквилонии в пятизубой короне. Я сделал то же самое. Как раз в этот момент стражник привел совершенно невозмутимого Валента, тоже сжимавшего в руках торжественные свитки, выданные нам Латераной.

— Черной магией не промышляете? — сервент, мельком окинув взглядом документы, начал задавать совершенно идиотские вопросы. Впрочем, всегда и во все времена вопросы блюстителей порядка к потенциальным подозреваемым изяществом и остроумием не отличаются. — Запрещенные товары с собой не везете? Исповедания какого?

— Иштарийского, — сказал Хальк, будто сплюнул. — Что, запрещено?

— Отчего сразу — запрещено? — протянул сервент, наблюдая за ладонью барона Юсдаля, удобно устроившейся на эфесе клинка. — Почему при оружии? У нас город мирный...

Подобная наглость перехлестывала через край. Даже старики-офицеры дружно и возмущенно загудели.

— О, прошу не беспокоиться, месьоры, — Хальк послал в адрес толстенького барона лучезарную улыбку и тотчас одарил обнаглевшего сервента взглядом изголодавшегося василиска. — Немытым мужланам наверняка неизвестно, что ношение меча является древнейшей, неоспоримой и неоднократно подтвержденной всеми суверенами Заката и Восхода привилегией благородного сословия. Бумаги посмотрел, морда? Тогда — избавь меня и моих друзей от своего присутствия! А если магistratу вновь будет угодно проверить нашу благонадежность, пусть пришлют человека, обученного куртуазии. Вот тебе за труды...

На стол пала монетка, извлеченная Хальком из пояса — медный пул, составляющий одну двухсотую от полновесного золотого аурея Трона Дракона. Одна из самых мелких и неуважаемых даже нищими монет Заката. Пристально следившие за нами офицеры расхохотались в голос, а стражники стиснули зубы, чтоб не рассмеяться — поняли шутку.

Сервент оказался в затруднительном положении, даже прыщи из фиолетовых стали красными. Понимал, что если не возьмет монету, то разъяренный аквилонский барон при всех надерет ему холку и будет прав — прочие дворяне перед любым судом подтвердят, что простец (хоть и в сервентском чине) в лицо хамил благородному, являя неуважение к титулу. А коли возьмет — свои же насмешки засмеют и задразнят, пусть даже и не в глаза, а за спиной.

Стало ясно, что сервенту была дороже голова, чем добрая слава. Жалкая монетка исчезла в его кулаке. Не прощаясь господа охранитель городского благочиния ушли, а напоследок прыщавый бросил на нас такой взгляд, что им можно было крепостную стену насквозь прожечь.

— ...Хуже другое, — послышался за моей спиной вкрадчивый голос. — Они пытались обыскать подвалы таверны. Хозяин не позволил, поскольку стражи не предъявили надлежащую бумагу. Это значит, что за нами пристально наблюдают и кое-кто заметил, что мы упрыгали в хозяйственном погребе некий подозрительный сверток.

Конечно, это граф Кертис! Не возьму в толк, как он ухитряется оставаться никем не

замеченым! Просто сидел неподалеку и наблюдал.

— Пойдемте в комнаты, — предложил граф. — Я распорядился, чтобы обед принесли наверх. Есть о чем поговорить...

Глава 6

Первый рассказ Ламбера ДОБРЫЕ ЖИТЕЛИ ТОЛОЗЫ

14-30 дни второй осенней луны 1296 г.

Толоза, Пуантен.

Меня зовут Жеан Ламбер. Родом я из Боссонии. Не дворянин — выслужился из простецов. Я сотник королевской гвардии, квартирующей в пуантенском городе Толоза, что в двадцати пяти лигах к полуденному восходу от столицы Великого герцогства — Гайарда. Командует нами благороднейший граф Люксэ, вассал и близкий друг герцога Просперо.

Толоза — большой город, стоящий на восходном берегу одного из рукавов Хорота, который называется Арье и стекает с Пуантенских гор, разделяющих герцогство и Зингарское королевство. Правит здесь Раймон VI, граф Толозы и примыкающих земель — богатый и могущественный сеньор, подвассальный Пуантенским герцогам. Живет он не в самом городе, а за рекой — в громадном замке Нарбонет, уже четыреста лет являющимся родовым гнездом владетелей ленов Полуденного Пуантена.

Город построен на высоком холме и окружен двойной цепью стен — непосредственно крепостным валом с восемью круглыми башнями и цитаделью, в которой ныне разместились гвардейцы короны числом в тридцать мечей, два десятка арбалетчиков-боссонцев и восемь благородных рыцарей с оруженосцами и челядью. Это еще три десятка. Добавим сюда непременных обозных баб, прибившихся к гарнизону цитадели, нескольких конюхов из горожан победнее да митрианского жреца, служащего при часовне. Получается, что в «верхней крепости» живет чуть больше сотни людей.

Мы по приказу Просперо оберегаем только цитадель. За городской стеной и внешними башнями наблюдает стража Толозы и воины графа Раймона да еще городское ополчение, собираемое магистратом и вигуэрами — высшими городскими сановниками. Получается, что подчиненный графу Люксэ отряд находится почти в осаде, занимая крепость в крепости.

Конечно, нам никто не запрещает ходить по городу, заниматься закупками или заглядывать в местные таверны. Но слышать за спиной постоянное шипение — «северяне!» — никому неприятно. Мы словно люди второго сорта, пришлые и чужие, наглые захватчики. Однако, земли Толозы уже не одно столетие входят в состав Аквилонии, а сам город является сущим человеческим водоворотом, столпотворением вселенским! Кого тут только не встретишь — зингарцы, поданные Офира и Аргоса, на полуденной окраине обосновалась многочисленная шемитская община, есть выходцы из Кофа и даже Турана. Но ненавидят только нас — аквилонцев с Полуночи.

Все другие люди для подданных Раймона являются почти «своими», то есть сородичами, близкими по языку и обычаям. Наречие Полуденного Пуантена совсем другое, чем в центре Аквилонии и ее дальних окраинах — здешний говор приближен к зингарскому и аргосскому и нам малопонятен. Дворяне Толозы куртуазны и изысканы, не в пример многим баронам из Боссонии, Таурана или Гандерланда, знакомых только с мечом, вечно отточенным и готовым отразить угрозу со стороны пиктов, да с пикой для охоты на кабана.

Просперо, направивший в Толозу гвардию короны, знал, что делал — герцог поставил командовать графа Люксэ, тоже пуантенца, но не местного, а происходящего из полуночных

областей, граничащих с Таураном. По крайней мере Раймон и его дворяне относятся к графу благосклонно — одна кровь. Это хоть немного примиряет здешних владетелей с необходимостью терпеть в сердце своего города королевских гвардейцев.

Спрашиваете, зачем Просперо и король Конан распорядились поставить наш отряд в Толозе, когда тут и своих вояк хватает? Мне, как сотнику, объяснили: провинция обуяна настоящим умопомешательством из-за бродячих проповедников новой, неизвестной прежде веры. Они хулят жрецов Митры и Иштар, говорят, что не надо платить подати в казну и смущают сладкими речами как мужланов, так и дворян. Я сам на днях слышал, будто двоих «Совершенных» (так у фатаренов называются посвященные жрецы) принимал в своем замке граф Раймон. Ну а на улицах их встретить — дело совсем нетрудное, ходят они свободно, а многие горожане считают честью приютить в своем доме ниществующего проповедника. Графа Люксэ обязали следить за порядком в Толозе и, если понадобится, применить силу для защиты «интересов короля». Все бы хорошо, только нас слишком мало...

В тот день мне не надо было заниматься караулами в цитадели, а потому я переоделся, сбросив темно-зеленое блюдо полка боссонских арбалетчиков и избрав обычную одежду горожанина. По опыту выяснено, что если не хочешь нажить неприятностей, по Толозе лучше расхаживать в статском платье. Граф Люксэ поручил мне прогуляться в город и выяснить, каковы умонастроения у здешних торговцев и мастеровых, благо я сравнительно неплохо разговаривал на полуденном диалекте. Под простую коричневую котту я все-таки запрятал кинжал и три метательных ножа — так оно спокойнее, а предусмотрительность еще никому не вредила. Тем более, в городе, стоящем на грани бунта.

Цитадель стоит на самой вершине холма, и это не слишком хорошо — у нас нет доступа к реке, а строители укрепления не озабочились пробить в твердом грунте колодец. Посему на случай возможной осады граф копил продовольствие и приказывал каждодневно пополнять запас воды в громадных ставедерных бочках, стоявших под навесом во дворе. Черпать гнилую вонючую воду из рва, окружавшего цитадель, было невозможно — этой густой зеленовато-желтой смрадной жижей даже подыхающий от жажды вурдалак не прельстился бы.

Я миновал стражу у раскрытых ворот нашей крепостицы, кивнул десятникам, сказал, что вернусь ко второму полуденному колоколу и зашагал через обширную и пустую площадь вниз, к берегам реки и речной гавани — именно там находилось средоточие толозских таверн, купеческих рядов и рынков. Толоза — город торговый, сюда стекаются золотые ручейки как с Полудня, так и с Полуночи. До устья впадающего в полноводный Хорот притока Арье всего десять лиг, а как известно, Хорот является главной купеческой дорогой Аквилионии. Корабли под самыми разными вымпелами приходят в Толозу каждодневно, зимой и летом — здесь река не замерзает, слишком тепло.

Толоза по виду обычнейший город, каких много на Полудне. Дома выстроены из добывающегося неподалеку розового камня, крыши непременно черепичные, причем плитки самого разного цвета: коричневые, красноватые, желтые, серые и даже синеватые. Очень много цветов — любая уважающая себя хозяйка содержит палисадник, а если такового нет, то украшает ящиками с цветами подоконники. Самые большие здания принадлежат цехам мастеровых и почти бесчисленным купеческим гильдиям — от флагов и гербов в глазах рябит. Дворяне, увидев такие гербы начали бы презрительно кривиться — ткачи, например, избрали своей эмблемой прялку и веретено в окружении льняного венка, — но в Толозе ремесленники сильны и уважаемы, их старшины частенько выбираются на должности

вигуэров. Причем строптивый совет вигуэров частенько ссорится с графом Раймоном, но до столкновений или, упасите боги, оружия, дело никогда не доходит — любит народ своего графа, а с милым побраниться, только потешиться...

Самые большие постройки в центре города — два митрианских монастыря и огромный храм под белым с золотом куполом. До недавнего времени настоятелем храма был верховный жрец Пуантена, но прошлым летом городской магистрат приказал ему покинуть город — жреца и его окружение обвинили в стяжательстве и многих других грехах, неприличествующих служителю Митры. Тот отказался, и тогда горожане выгнали жреца вместе со свитой силой — ему пришлось уехать в Гайард, под защиту герцога Просперо. Хорошо не убили, а ведь и такое случается. Злы люди на митрианцев.

Непорядок в нижнем городе я приметил сразу. Сейчас вроде бы разгар дня, люди должны быть погружены в труды — торговать, работать в мастерских, разгружать пришедшие утром в гавань корабли. Но ничего подобного! Возле монастыря Посоха Святого Эпимитриуса вовсю бушевала изрядная толпа, голов в триста, а может и больше. Я и решил посмотреть, что такого интересного случилось.

Оказывается, на высоком мраморном всходе ведущем в обитель сцепились в яростном словесном поединке двое. Первый, в белоснежном с золотом жреческом облачении, пухлый и краснолицый — явно занимал в монастыре высокую должность. Второй был совсем другим. Лик имел бледный, иссущенный, ни одной мягкой линии — сплошные углы, изломы, тени. Только огромные глаза горят неистовым светом. Одежда донельзя простецкая — потрепанная сероватая хламида из грубой холстины, подвязанная веревкой, ноги босы, голова непокрыта. Но горожане поддерживают криками именно его, а не разодетого в шелка жреца из обители.

— Что тут такое делается, почтенный? — я подтолкнул локтем оказавшегося поодаль булочника, чьи рукава были густо присыпаны мукой. Сказал, ясное дело, на местном наречии приправив фальшивым зингарским акцентом — у меня хорошо получается передразнивать подданных Кордавы. — О чем спорят?

— Как же, ваша милость, тут благочестивый Добрый Человек, Совершенный именем Госелин, пытается толстопузым монахам истину рассказать, а они слушать не желают, бестолочи ленивые...

«Истину рассказать»? — про себя усмехнулся я, но лицо сохранил серьезным. Протолкался ближе, вслушался. Совершенный Госелин и монах увлеченно орали:

— ...Чьей волей Кхарию поганую в руины обратили, чьим поспешествованием зломерзких духов Черной Бездны из нашего мира исторгли, благоденствие для людей установили? Не волею ли Митры Солнечного да слуги его Эпимитриуса, направивших мечи первых королей против гнусностей Ахерона? — надрывался митрианец, стараясь, чтобы его слышали все собравшиеся. — Или ты будешь отрицать, что всеблагой Митра есть податель добра и света?

— Почему же, — возражал на то Госелин. — Света — может быть, на солнце посмотри! Но добра? Вы же сами говорите, что Митра средь прочих богов в сотворении тварного мира участвовал!

— Взгляни на чудеса и прелести тебя окружающие! На синее небо, на пышные деревья, на красоту людей и творений рук человеческих! Скажешь, что все это — зло?

— Не могут бесконечно благие и добрые боги сотворить ничего злого и несовершенного! Иначе придется утверждать, что благие боги сотворили и допустили, чтобы

нас окружали смерть, кровь и боль, наводнения и пожары, моровые поветрия, гибель младенцев и жен, кормящих сосцами и носящих во чреве, насилие над девами,увечье мужей и бесконечные войны, стирающие с земного лика твою плотскую «красоту»! Разве могли неизъяснимо добрые божества, которым вы поклоняетесь, будто поганым языческим идолам, сотворить вселенную плоти, исполненную боли и тлена? Разве могло выйти из их кузачного горна твое жалкое страждущее тело, беременное собственной смертью? Кто твои боги? Не стыдись, назови настоящие имена Митры, Иштар, Эрлика и всех прочих! Вот они — смерть, тлен, разложение, гибель! Зло! И вы, митрианцы, только плодите зло на земле, умножаете его бесчисленно!

— Так в чем же по-твоему призвание человека? — монах на вопросы не ответил, но и сдаваться пока не собирался.

— Все мы — в пленау плоти! — поднял голос Госелин и площадь замерла в безмолвии. — Ношение этого смертного тела, обремененного немощами, слабостями, подверженного болезням и тлению, — и есть истинное, первоначальное зло, первородная тьма, поглотившие наш бессмертный и бестелесный дух, сотворенный в начале мира и от зависти заточенный злыми божествами в плоть! Немой и слепой, наш дух помнит еще блаженство горней обители Изначального Света, где нет ничего тлетвороного, где не жрет нас червь и не точит время! Вот наше призвание — окончить телесную жизнь в чистоте и искать средства ко скорейшему разрешению человека от бренной земной оболочки!..

Я, конечно, верю в богов и всегда делаю приношения Митре и Иштар, но в тонкостях мудрой науки теологии не разбираюсь, неучен. Можно даже сказать, что я полный невежда, как большинство наших солдат, знакомых только с искусством убивать врага, способных лишь винопийствовать, да блудить по беспутным девкам. Митрианец я не ревностный, книг Эпимитриуса не читал, знаю только, что убивать без повода, а так же вершить прочие злые дела нехорошо — тогда на Серых Равнинах будет тебе не отдохновение, а сплошная мука, как воздаяние от Нергала Справедливейшего за непотребную жизнь.

Речи Совершенного Госелина меня смущили — уж больно красиво словеса плел, не разрубиши... Теперь понятно, отчего ересь фатаренов столь много умов к себе привлекла! Кому не захочется после смерти тела вернуться в обитель Первоначального Истинного Света, где нет никаких невзгод и горестей, голода и смерти! Красивая вера, привлекающая. Но в глубине души я чувствовал — что-то Госелин перевирает или нарочно недоговаривает, есть в учении фатаренов некая изнанка, видеть которую простецам не дано...

Пока я раздумывал, события встали на новый путь — монах в ответ на обличения Госелина только невнятно кудахтал, попеременно краснел, бледнел и зеленел. Совершенный ему и слова единого вставить не давал — развернул перед раззявившими рты горожанами цветастую картину того, как митрианские монахи в своих обителях копят бесчисленные сокровища, собранные обманом на потребу «злым богам», потворствуют устремлениям нечистой плоти, пьянствуя и развратничая, как захватывают земли, где держат крестьян в безмерной униженности, заставляя их работать от зари до зари, а сами, сытые и вином надувшиеся, кладут требы идолам божеств, создавших грязный и срамной тварный мир...

И на статью Митры, площадь перед монастырем украшавшую, перстом указывал.

Началось все внезапно, будто летняя гроза. Я успел заметить, как с полдесятка молодых и не слишком людей, стоявших прямо перед монастырской лестницей растворились в толпе, потом вдруг на мраморное изваяние Солнцезарного были накинуты петли, словно заранее заготовленные... Одна из мужланок запустила в оцепеневшего монаха огрызком яблока...

Площадь как взорвало! Только квадранс тому люди были спокойны и не без интереса слушали многоученые переругивания двух жрецов, а тут словно с цепи сорвались!

Статуя рухнула почти сразу, разбившись о мостовую. Те же незаметные серенькие личности выдернули Совершенного с обширного крыльца монастыря и куда-то увезли, митрианский жрец едва успел скрыться в дверях и захлопнуть тяжелую створку. В окна обители моментально полетели осколки изваяния Митры и камни, которые люди начали выковыривать из мостовой. С соседних улиц начали набегать любопытные, тут же втягивавшиеся в общее нехорошее веселье. Раздались крики:

— Гнать толстопузых из Города! Голышом! Бей!

Я служу в гвардии не первый год, с народными мятежами сталкивался еще во времена Нумедидеса. Понимаю, чем это может грозить. Обычно, сцепившиеся с горожанами дворяне давали возможность народу за день-другой выпустить пар и вволю погромить винные лавки, а затем попросту вводили в город армию, противостоять которой торгаши и мастеровые не в силах, ибо ратному делу никогда не обучались, а связываться с военными желания у них обычно не возникает. Но сейчас это был не обычный бунт. Хотя бы потому, что в толпе появились люди, вооруженные настоящими мечами и даже арбалетами. В некоторых я узнал переодетых в простые одежды копейщиков гвардии графа Раймона.

Не без труда выбравшись с кипящей площади, я со всех ног ринулся к цитадели. Граф Люксэ должен знать, что его опасения подтвердились, и если не начать действовать немедленно, мятеж уже не остановишь. Особенно, если его исподволь провоцировал Раймон, владетель Толозы...

* * *

Вроде бы, по всем правилам военной науки, усмирить разбушевавшихся горожан сравнительно нетрудно. Две причины я уже назвал — оружия у них мало, да и слишком трясутся они за свои драгоценные лавки да мастерские, которые в запале можно и пожечь. Горожане — существа по природе своей домовитые и жадные, их даже проповеди фатаренов не изменят: товары да накопленное годами добро куда дороже бунтарского пыла. Бунт прогорит, иссякнет за день, а вот золото да лавка останутся внукам. Едва завидев конного латника горожанин тут же запрется в доме и вылезет из своей норы только когда на улицах снова станет спокойно.

Так рассуждал и граф Люксэ. Едва я принес весть о том, что началось возмущение и толпа собирается погромить митрианские монастыри, граф распорядился собрать всех, кроме десятка гвардейцев, долженствующих оберегать цитадель от непрошеных гостей. Лошадей оказалось недостаточно — на них усадили только дворян с оруженосцами, арбалетчики и мечники гвардии остались пешими. Но и восемь десятков отлично вооруженных аквилонцев представляют преизрядную силу. Думается, добрые жители Толозы узрев сие воинство мигом напустят в штаны и разбегутся.

Сложнее с вояками графа Раймона, замеченными мною в толпе, но командир гарнизона предположил, что они там очутились всяко не по приказу господина — Раймон не может пойти на подобное вероломство, знает, каковы во гневе король Конан и великий герцог

Просперо. Я хотел было возразить, что король и наследник венца Гайарда далеко, а толозский граф — вот он, перед нами, со всеми своими силами. Люксэ только отмахнулся.

Мы вышли в город. Всадники с пиками пустили лошадей рысью, остальные бежали рядом с кониками. Мы спешили. За три квартала до площади, где стояли митрианские обители, граф приказал мне провести арбалетчиков по соседней улице, чтобы ударить бунтовщикам во фланг и отсечь возможные пути к бегству — зачинщиков следовало задержать и немедленно повесить, в назидание прочим. Еще Люксэ настрого запретил палить из арбалетов по толпе без надобности — лишние жертвы не нужны. Бить только тупыми концами пик или эфесами меча.

На дальних улицах народ, как и полагается, в страхе разбегался — видели, что гарнизон цитадели шутить не настроен, раз уж вооружился до зубов и облачен в кольчуги и шлемы. Ставни захлопывались, обыватели исчезали в дверях и арках домов с похвальной быстрой, уочки пустели на глазах. Но на площади и рядом с ней все было решительно по-другому.

Откуда в городе взялись хорошо вооруженные конники, мы не поняли. На коттах — никаких гербов или эмблем, но видно, что это местные. Мой отряд внезапно рассекли надвое полтора десятка всадников, выскочивших из боковых проездов. Ударяли остриями копий, как в настоящем бою, троих арбалетчиков положили сразу. Я заорал, отдавая приказ стрелять, но было поздно — нас начали теснить, не давая зарядить оружие. Пришлось отбиваться клинками, что не очень-то сподручно против всадника. Если не сказать — бессмысленно.

Мы начали отступать к верхней части города, особенно когда из проулков посыпались простецы, вооруженные кто чем — от мясницких ножей, до вил или старинных заржавленных пик. Против этого сброва мы бы устояли, но горожан оказалось слишком много.

У графа Люксэ дела обстояли ничуть не лучше. Нескольких наших всадников сбросили с лошадей при самом въезде на площадь — внезапно натянули между домами толстый канат, кони споткнулись и повалились вместе с наездниками, образуя жуткую куча-малу. Тут же с крыш полетели тяжелые стрелы, способные пробить доспех. Сзади ударили доселе прятавшиеся по дворам простецы. Люксэ, участвовавший не в одной войне, понял что запахло жареным и приказал прорываться обратно, к цитадели. Уцелевшие рыцари смели беспорядочный строй мужланов и сумели на галопе уйти. Граф потерял троих дворян и девять оруженосцев.

Над монастырем Псоха Эпимитриуса начал подниматься густой масляный дым. Над площадью метались вопли монахов. Толпа ревела, будто многоглавое чудовище, выползшее из самых кромешных глубин Черной Бездны.

Мой отряд едва успел ворваться в цитадель — нас преследовали. Едва последний боссонский арбалетчик проскочил в крепость, с грохотом опустилась окованная сталью решетка, гвардейцы запахнули ворота и заскрипели тяжелые блоки — надо рвом поднимался мост.

Под стенами уже рычали собравшиеся там добрые жители Толозы. Гул стоял такой, что казалось ураган надвигается. Мы стояли у запертых ворот не живы ни мертвы от радости — спаслись! Выковырять аквилонский отряд из цитадели торгашам и мастеровым не по силам, а скоро появится граф Раймон со своими дворянами и...

— И — что? — Люксэ посмотрел на меня яростно. — Ламбер, ты хоть понимаешь, что это было не просто стихийное возмущение? Откуда в городе верховые латники? Вооруженные не хуже любого рыцаря? Почему простецы взялись за ножи и действовали так

слаженно, словно нападение на нас было заранее спланировано? Боги милостивые, мы теперь взаперти... Сотник, разберись с ранеными, потом живо ко мне!

А чего мне разбираться с ранеными? Я ж не лекарь какой, я солдат короля. Кликнул нашего митрианского жреца, целительскому искусству обученного, в его распоряжение отдал восьмерых девок, из шлюх обозных, что при цитадели целыми днями ошивались, себе на приданое пышными телесами зарабатывая. Жрец поморщился, но возражать не стал — у девок не только главная принадлежность потаскух, но и руки при своем месте были: умели с ранами возиться, не первый год при войске состоят, насмотрелись.

Целыми и невредимыми у нас осталось семьдесят два человека, способных держать в руках меч. Шестнадцать погибли в городе или были пленины, четырнадцать ранены, кто тяжелее, кто легче. Продуктовых запасов — на пять седмиц. Ну, лошади еще есть, а сена два полных саarya... Воды — девять полных бочонков. Если экономить, все припасы можно растянуть до первой зимней луны. А ключи от амбаров я спрячу, чтоб никто в искушение при случае не впал.

Подбежал десятник, из наших — боссонцев. Лицо красное и встревоженное:

— Ламбер, тебя их светлость немедля требует. Чтоб бегом! Раймончик прижаловал, говорить хочет.

Бегом не побегу, набегался уже сегодня вдоволь. Но поспешить — поспешу.

Забрался по крутой лестнице на тяжелый квадратный барбикен. Люксэ со всеми дворянами уже тут. Арбалетчики за зубцами спрятались, болты на ложах, тетивы натянуты. Стрелки приказа ждут. А под стеной, на открытом пространстве меж домами и цитаделью, рог боевой истошно орет. Знакомый сигнал — к разговору нас вызывают.

Точно, десятник не ошибся. Граф Толозы Раймон VI собственнолично, с охраной в виде пяти гербовых рыцарей, оруженосцем и герольдом. Под развернутым знаменем — на красном поле золотое четверолистье, вроде как крестообразный клевер, окруженный двенадцатью золотыми горошинами: герб светлейшего графа.

Граф немолод, за пятьдесят лет перевалило, но волосом доселе не поседел, стать сохранил — худощав и гибок. Рядом с ним сын и наследник его — точное подобие папаши, разве что выглядит совсем юным. Смотрят снизу уверенно и с едва заметной насмешкой. Что мол, северяне, попались?

— ...Прибыл я к тебе, достойный граф Люксэ, друг и дальний родич мой, вопросить, отчего слуги короля нарушили спокойствие моего города и подданных, почему бросились на них с оружием и убивали невинных? — прозвучало из-под стены. — И хочу получить разумный и скорый ответ.

Люксэ аж рот открыл, такого не ожидал. Оказывается, мы теперь во всем и виноваты. Нашел крайних!

— Я призван королем оберегать достоинство и жизнь всех подвластных Трону Льва людей! — проорал Люксэ так, что сидевшая на соседнем зубце башни ворона сердито каркнула и взлетела, уронив перо из хвоста. — В городе случился бунт, распальенные проповедями фатаренов жители Толозы напали на митрианский монастырь... Я, следя данному королем и великим герцогом Пуантена праву, был вынужден оборонить монахов от нападения! Но твои горожане, Раймон, атаковали гвардейцев короны, многих убили и ранили! Именем короля я требую, чтобы ты отыскал виновных и достойно наказал их!

— Бунт? — невинно улыбнулся Раймон. Было видно: он нарочно ищет ссоры. — Где бунт? Какой? В замок Нарбонет явились с жалобой лучшие люди города, достойные вигуэры

и старшины цехов. Сказали, что ты мечами своих солдат убиваешь безоружных, покушаешься на любимых народом благочестивых проповедников! Мне донесли, что монахи из обители Погоса Эпимитриуса надоумили тебя показать силу! Их вина доказана и теперь имущество монастыря подлежит проскрипции в пользу... в пользу города и всех, кто пострадал от твоих безрассудных действий!

«В пользу города, ждите, как же, — мелькнула у меня мысль. — Сам, небось и наложил лапу на сокровищницу обители! То-то твои копейщики там мелькали...»

Люксэ был мрачнее тучи. Понимал, что мы крепко влипли. Обеими ногами. И что организатором бунта оказался куртуазный и благовоспитанный Раймон, который только и дождался повода к выступлению.

— Я выпущу из цитадели всех дворян и позволю им уйти, — размеренно глаголил граф Толозы. — Без лошадей и доспехов. Из гарнизона повешу каждого седьмого — город требует отмщения за невинную кровь, пролитую именем аквилонского короля. Мы всегда были добрыми подданными Трона Льва, но когда власть Тарантии превращается в тиранию, оставляем за собой право защищаться. Не думаю, Люксэ, что ты найдешь в городе хоть одного сторонника. Решай! Примешь мои предложения — уйдешь с миром.

— А если нет? — поинтересовался граф, кривясь в злобной усмешке.

— Мы возьмем цитадель и повесим всех. За преступления перед Толозой, ее народом и сувереном!

— Нападение на слуг короля будет означать, что ты открыто изменишь престолу и объявишь войну Аквилонии, — последний раз попытался вразумить Раймона наш командир. — Это не Рокод, мятеж будет считаться незаконным и преступным! Ты уже встал на путь, ведущий к эшафоту, Раймон! Почему? Зачем ты это сделал?

Граф Толозы не ответил. Спокойно развернул коня и направил его к нижнему городу. Понимал, что мы не сдадимся ни под каким видом.

— Началось, — помертвевшим голосом проронил Люксэ. — Не думал, что это случится так скоро... Ламбер, надо подготовится к долгой осаде. Любым способом следует переправить человека из цитадели в город — пусть скачет в Гайард или Тарантию, известит. Мы будем держаться, пока не подойдет армия короля.

— Подумаю, — кивнул я, понимая, что выполнить это будет непросто. Цитадель уже взяли в плотное кольцо, мышь не проскочит. Я решил, что сейчас самое время обратиться за помощью к богам, добрые они или злые: — Эй, десятники! Всем собраться на дворе перед часовней! Жреца туда же позовите! Попросим Митру об избавлении!

— Никаких жертвоприношений, — тихо, чтобы никто не слышал, сказал мне граф. — Через четыре седмицы осады самая тощая курица окажется ценнее слитка золота!

— Ваша светлость, что же я, не понимаю?.. И вот еще: пусть боссонцы пока постоянно дежурят на стенах и бьют из арбалета любого, кто подойдет к стене! Раз началась война, щадить врага смысла не вижу!

— Согласен, — кивнул Люксэ. — И пусть на донжоне поднимут королевское знамя Аквилонии, а вымпел Толозы сбросят в ров — нам он более ни к чему...

Последующие два дня цитадель почти не беспокоили. Так, больше баловались — постреливали навесом из луков, собирали в двухстах шагах от стены небольшую катапульту и попытались запустить по барбикену тяжелыми булыжниками, но силы механизма оказалось недостаточно и камни бесславно рухнули перед воротами, поняв столбики пыли. Подтаскивать катапульту ближе горожане не решились — арбалетчики оставались настороже, а боссонцы славятся своей меткостью. Граф Раймон больше не появлялся, своих людей для переговоров не присыпал и вообще делал вид, будто его в Толозе и вовсе нет, а скора жителей города с королевским гарнизоном это сугубо их личное дело.

На следующее после начала осады утро мы провели небольшой совет, в котором участвовали месьор Люксэ (кстати, на наречии Полуденного Пуантена вежливое обращение звучит не «месьор», а «мессен»), я сам, как сотник пешего войска, и двое самых опытных десятников. Думали, как отправить гонца и кого именно выбрать. Никто из боссонцев не подходил — выглядят нездешними, все как на подбор светловолосы и светлоглазы, а обитатели Пуантена в большинстве смуглые и темны головой. Да и рожи наши в городе примелькались. И тут меня внезапно осенило:

— Ваша светлость, а если одну из девок отправить?

— Чего? — вытаращился граф. — Ламбер, ты не заболел, случаем? Девку?

— Именно! Вот, к примеру, Аньес из Танасула. С нашим отрядом уже три года, верность свою доказала — помню, во время стычек с пиктами на Черной реке донесения в соседние форты запросто переправляла, да с ранеными сидела, да еще луком неплохо владеет... И ножом. Сущая амazonка, хотя шлюха первостатейнейшая.

— Может быть, ей просто нравится такая жизнь?.. — неопределенно пожал плечами граф и усмехнулся. — Впрочем, почему бы не попробовать? Зови свою Аньес, гулящую девицу из Танасула! Посмотрим, на что она годна!

Означенную гулящую девицу немедля явили пред светлые очи его светлости. Люксэ только губы поджал, чтобы не рассмеяться, но Аньес сию гримасу приняла как презрительную. Надулась.

Дева была знатная, ничего не скажешь. Рост имела высокий, в три с половиной локтя и одну ладонь. Ликом была пригожа, губами пухла, глазища огромные, будто плошки. Статью не обделена — шнурки на пышном лифе едва сходятся, но толстой Аньес никак не назовешь, скорее крепка и в кости широка. Волосы у нее темные, загар на лице — от местных не отличишь. Одевается не слишком богато — много ли золота из наших солдат на тряпки вытянешь? — однако и дешевой потаскухой из гавани никак не выглядит. Знает Аньес себе цену — все-таки при гвардии состоит. Как это невинно именуется в донесениях начальству, «маркианткой». Может и прав светлейший граф: нравится ей жить с нами.

— Дело к тебе есть, Аньес, — серьезно сказал Люксэ. — Справишься — дворянство получишь, обещаю...

И рассказал все, как есть. Надо отправиться в Гайард, рассказать о случившемся в Толозе Великому герцогу Продсперо. Если нет его в городе, придется ехать в саму Тарантию, ко двору короля Конана.

— Да кто ж меня к королю пустит? — справедливо заметила Аньес. — Ведь пинками от дворца прогонят!

— Перстень покажешь, — Люксэ, морщась, стянул в пальца украшенное сапфирами кольцо, с гравированными леопардами Пуантена. — Скажешь, что спешное сообщение,

мятеж мол на Полудне. Поняла? Только смотри, чтоб перстень этот в чужие руки не попал.

— Так спрячу, Бел Обманщик не отыщет, — уверенно заявила дева, а десятники мои ухмыляться начали. — Только как вы меня из цитадели выпустите?

— Ламбер что-нибудь придумает...

Вот так всегда. Самое сложное искони достается сотнику, будто он в крепости самый умный. Хотя... Выход есть, причем очень простой!

— Ваша светлость, поднимите на барбикене желтый вымпел, пусть осаждающие на переговоры подойдут, — сказал я графу.

— Зачем?

— Скажем, чтоб отошли на время от стен — надо выпустить конюхов из толозцев и беспутных девок. Не погибать же им вместе с нами? Пускай в цитадели только военные останутся!

— Вряд ли согласятся... — покачал головой Люксэ. — Но попробовать можно.

Увидев призывающий к переговорам вымпел, ко рву подъехал один из вигуэров Толозы — он от имени графа Раймона командовал осадой. Выслушал. И неожиданно согласился — жалко ему было своих горожан в крепости оставлять, а уж нам они совсем не сдались: того и гляди нож в спину всадят.

С тем горожане отошли от крепости подальше, мы опустили мост, открыли в воротах калитку и вытолкали наружу всех пожелавших уйти девок вкупе с Аньес, да прислуго нанятую в городе. Я только сплюнул, заметив что бывших плеников цитадели даже не обыскали — слуги были своими, толозцами, а со шлюх спроса вообще никакого. Видно, что вигуэр военного опыта не имел и на наше счастье излишней осторожностью не отличался.

Аньес унесла с собой графский перстень, упрятанный в самом что ни есть потаенном месте и кошелек с полусотней серебряных полусестерциев — деньги всегда пригодятся, путь-то неблизкий.

А мы остались в крепости — ждать.

* * *

Скверное началось на закате второго дня. Такое и в дурном сне не привидится.

Поначалу на широченной площади перед цитаделью появились всадники, числом до двух десятков, среди них мы заметили сына графа Раймона. Потом начал собираться народ — возбужденный, вопящий что-то неразборчивое. С высоты люди казались крошечными фигурками, с фалангу пальца, не более. Мелькали длинные одежды землистого цвета — жрецы фатаренов почтили нас вниманием.

Граф Люксэ поглядел с башни вниз и сказал, чтоб я караулы не удваивал — ночью нас штурмовать никто не будет, горожане к взятию крепости совершенно не готовы. В крайнем случае отобьемся арбалетными залпами.

Стемнело. На площади загорелись факелы — много, не сосчитаешь. Было видно, что толпа собралась немаленькая. К самому замку, однако, никто не приближался — слишком опасно. Шумели в отдалении, возле городских домов. Мои стрелки, находившиеся на стенах, тревожных сигналов не подавали.

— Что они там вытворяют? — гадал граф, когда мы собирались перекусить во дворе — под навесом был поставлен стол со скамьями. К тому же в комнатах замка душно, солнечные лучи днем нагрели камень и теперь он щедро отдавал тепло. — Будто взбесились! Небось опять фатаренские проповедники народ смущают...

Бум! По дощатому навесу что-то с силой ударило, прилетевший из-за стен круглый снаряд не поломав досок упал на камни двора и покатился к бочкам с водой. Десятник боссонцев бросился туда — поглядеть.

— Митра Могучий, убереги!

Голова. Отрубленная человеческая голова, вся вымазанная свежей, еще не подсохшей кровью.

И тут же на цитадель посыпался настоящий град. Головы, руки, ноги. Некоторые слегка тронуты тлением, некоторые еще сегодня принадлежали вполне живым людям.

— Боги милостивые, это... это же монахи из обители! — ничего не выражавшим голосом проронил граф, подняв рухнувшую пряником к его подошвам кисть руки. — Видите, железное кольцо на пальце? Такие носят все митрианские монахи, в знак принадлежности к братству.

— Если король узнает... — скрипнул зубами я. — Ох, кому-то несдобровать!

Все наши гвардейцы выссыпали во двор. Молчали, сжимая ладонями рукояти мечей. Лица у многих в кровавых каплях. Люксэ с надеждой посмотрел на меня — не знал, что делать и говорить.

— Бочки с водой укрыть холстиной! — я понял, что если не занять людей любой работой, они не сдержатся и без приказа ринутся в бой. На глаза попался один из рыцарей графа, вроде бы разбирающийся в механике. — Месьор Ангерран, возьмите два десятка стрелков, спуститесь в подвал — там лежат разобранные осадные орудия! Поставьте на барбикене баллистику — ответим Толозе своими снарядами! Остальные — марш к котлам со смолой, разводите огонь! Живо, бестолочи! Бегом!

Граф Люксэ молча кивнул, одобряя мои действия. Прибежавшего на шум бледного жреца я заставил собрать в корзины все разбросанные по двору останки его собратьев и отнести в часовню — утром похороним в палисаднике.

Жуткий обстрел прекратился и я взобрался на башню, посмотреть, что происходит внизу, в городе. Ага, оказывается добрые жители Толозы приволокли еще одну катапульту, покрупнее — ее силуэт видно в свете факелов и разведенных на краю площади костров. Вот откуда к нам прилетели окровавленные снаряды.

— То ты собираешься делать, Ламбер? — спросил меня подошедший граф. Рядом гвардейцы собирали деревянное ложе баллисты, месьор Ангерран руководил и, как кажется, знал толк в орудийном ремесле. — Толпа обезумела, никто в здравом уме не догадался бы до... такого.

— Это именно толпа, ваша светлость. И обращаться с ними мы теперь будем как с толпой. Толпой безумных скотов.

— Но ты же не собираешься вернуть им... части тел?

— Не собираюсь, — огрызнулся я. — Ваша светлость, не мешайте. Ночным караулом командую я. И здесь идет война.

Люксэ собрался было что-то возразить, но здравый смысл взял верх и граф спустился с башни во двор цитадели, присмотреть за смоляными котлами, которые уже начали побулькивать.

В Пуантене войн не было давненько, со временем большой стычки с Зингарой при царствовании деда нынешней королевы Чабелы и аквилонского короля Вилера. Однако, все располагающиеся рядом с границей крепости по военному уложению должны припасти все необходимое для отражения возможного нападения. Цитадель Толозы исключением не являлась, и до нашего появления у нее были рачительные хозяева. Едва прибыв в крепость я проверил оружейные склады и нашел, что они в превосходном состоянии. Кое-что из запасов придется использовать сегодня ночью.

Я нарочно дождался самого глухого предрассветного часа, когда даже самые отъявленные буяны отправляются спать. Луна зашла, небо на восходе едва начало бледнеть. На площади вяло догорали костры, человеческих голосов слышно не было. Умаялись, мерзавцы...

Баллиста действовала безупречно, механизм был смазан свиным салом, тетива огромного самострела натягивалась с трудом, что гарантировало большую дальность стрельбы. Теперь следовало подготовить снаряды.

Это было зингарское изобретение, отлично показавшее себя уже не в одной войне. Вместо тяжелого стального наконечника на оконечье стрелы баллисты устанавливались продолговатый конусообразный сосуд из мутного стекла. В него на две трети заливалась горячая смола и на треть — прозрачная горючая жидкость, получаемая при перегонке «земляного масла», которое выходит на поверхность в некоторых областях побережья Полуденного океана, образуя черные безжизненные поля. Затем в сосуд вставлялся горящий фитиль, тяжелая и длинная стрела утверждается на ложе баллисты...

Очень эффектно получилось, скажу я вам! Первый же снаряд улетел далеко за ближайший ряд домов, ударил в здание находящееся во втором или третьем от цитадели квартале, сосуд лопнул и к небу поднялся оранжевый клуб жидкого пламени. Да, стены домов в Толозе каменные, но перекрытия-то деревянные! И хозяйственные постройки во дворах тоже выстроены из дерева! И склады в гавани тоже, да только наша баллиста никак до них не достанет. К сожалению.

За квадранс мы успели выпустить семь огненных стрел. А потом еще пять.

— Ну и кашу ты заварил, Ламбер, — сказал месьор граф, наблюдая за разгоравшимися в предутренних сумерках пожарами. — Теперь нас живыми отсюда точно не выпустят. Однако, красиво...

Полностью согласен с его светлостью. Это было красиво. Оранжевое зарево над черным городом.

Над Толозой начал подниматься тоскливыЙ вой собак, почувствовавших большую беду.

* * *

День двенадцатый.

Дела в цитадели не так, чтобы совсем плохи, но и не блестящи. Пищи и воды у нас пока хватает, голодными не остаемся. Еда однако, в рот не лезет — Раймон и его псы решили истребить королевский гарнизон другим способом, совершенно не рыцарским. Впрочем, в войне все средства хороши и я начал понимать, что этот не менее действенен чем все прочие.

Катапульты добрых жителей Толозы начали забрасывать крепость всяческой немыслимой мерзостью. Дохлые кошки или крысы. Бочонки с дерьямом, вычерпанным из выгребных ям. Начавший разлагаться ливер домашнего скота — они что, нарочно оставляют его гнить под солнцем на несколько дней?

Отлично понимаю, почему Толоза так на нас окрысилась — мы сожгли почти четверть города. Горожане и вояки графа Раймона в отместку тоже пытались предать цитадель огню, но не преуспели. В крепости все строения каменные, горшки с зингарским огнем разбивались о гранитные блоки и смесь прогорала на голом камне. Единственно, погибли трое моих арбалетчиков, попавших под огненный дождь и сгоревших живьем — погасить смесь водой невозможно, пока все не выгорит, пламя не остановишь.

Так или иначе, у подданных Раймона VI потерь куда больше. Той памятной ночью пожар занялся сразу в девяти кварталах, горожане боролись с огнем трое полных суток и смогли остановить его только разрушив дома между верхним городом и кварталами прилегавшими к гавани — пламени помогал сильный ветер с реки.

Толоза пылала пышно, дымы наверняка видели за много лиг от города. Вот никогда бы не подумал, что одна баллиста с прислугой в пять человек может причинить такие разрушения! Сгорело до сотни домов, склон холма от цитадели до схода к речной гавани теперь выглядит огромным неровным пятном черно-серого цвета — угли да пепел. О том, сколько людей погибло в огне, я предпочитаю не думать: пожар начался под утро, неразбериха и паника стояла страшная, воду в бочках от реки подвозить не успевали, городская стража так и не поняла, что же случилось и не успела вывести с горящих улиц всех, кто пытался уйти от пожара.

Моими руками на мятежную Толозу обрушился гнев богов, которых она оскорбила. И я ничуть не жалею о случившемся — Митра и Иштар рассудят, кто прав, а кто виновен.

Сразу после пожара в городе граф Раймон предпринял штурм цитадели, но вынужден был отступить и понес большой ущерб в людях. Во-первых, все подступы к крепости теперь идеально просматривались, а значит и простреливались. Во-вторых, две сооруженные наспех из подручных материалов осадные башни не обили железными листами или шкурами забитых животных — стоило нам выстрелить сосудами со смолой, как они вспыхнули, не приблизившись к стенам и на пятьдесят шагов.

От башен остались обугленные остатки, а уж что стало с нападающими — не моя забота.

Мы все чаще смотрели на полуночный восход. Там, перед самой излучиной реки Арье, начинались равнины Аквилонии. И оттуда должна была придти помощь.

Уж не ведаю, какая умная голова придумала использовать в качестве снарядов для катапульт наполненные дерьямом пивные бочонки, но готов поспорить — это новое слово в военном искусстве. При ударе о камень бочонок лопается и его содержимое выливается на плиты мостовой двора, растекаясь зловонной лужей. Хорошо бы прилетели один или два бочонка — прибрать можно. А если полсотни за день? Да к этому еще и корзинки с покрытыми какой-то жуткой слизью дохлыми крысюками? В общем, спустя сутки после начала обстрела во двор цитадели лучше было не спускаться. Двое солдат на следующий же день заболели кровавым поносом.

Граф Люксэ сразу понял, что нас решили выморить и принял меры. Все припасы стащили в глухую, без бойниц, боковую башню — пусть хоть ливень из дерьяма прольется, внутрь не проникнет. Туда же, кряхтя и надрываясь, переправили бочки с чистой водой. На

двор спускаться запрещено — нечего в мерзости сапоги марать! Ночуйте в башнях или на стенах, ночи теплые, не померзните! Себя блюсти в чистоте, воды пока хватает! И чтоб не унывать! Король Конан и Просперо скоро придут!

Вопрос один: как скоро?

Шли дни, а горизонт оставался чистым. Дышать свободно можно было только на стенах, овеваемых ветром. Не смотря на все предосторожности еще девятеро заболели — Раймон придумал новую пакость: швырял в цитадель клетки с живыми крысами. Те твари, что не разбивались при падении — а таких было множество, крыса зверь живучий, — заполонили замок и ночами пробирались к спящим людям и в башню с продовольствием, ища поживу. Спасения от них не было никакого.

Мне подумалось, что граф Раймон и его вигуэры платят каждому горожанину за каждую пойманную живую крысу чистым золотом. И я не был далек от истины.

К окончанию второй осенней луны больше половины гарнизона замка были больны. Наш митрианский жрец не мог оказать им почти никакой помощи — припасенные целебные травки закончились. Четверо находились при смерти, один арбалетчик уже умер.

Мы с графом Люксэ начали подумывать о том, что надо выходить из цитадели и принять смерть в бою. Не гнить же здесь заживо?

* * *

Когда тебе плохо — ищи в мире красоту, и она спасет тебя от уныния. Эти слова святого Эпимитриуса я помню с детства, так поучал прихожан жрец храма Митры в нашей деревне. Посему я встаю затемно, выбираюсь из комнатушки под самым потолком барбикена, иду наверх, на виду у всего воинства графа Толозы (впрочем, в такое время еще спящего) сажусь, свесив вниз ноги, на один из зубцов башни и встречаю рассвет. Мне нравится смотреть, как небо на восходе меняет краски, как легкие облака становятся из серебристых розовыми и желтыми, а потом вспыхивают режущим глаз золотым огнем, истекающим из ока Митры, которым Лучезарный оглядывает смертный мир.

Если Митра создал восход солнца — он не может быть злым богом. Врут Совершенные. Зло никогда не создаст ничего красивого.

Начинался шестнадцатый день осады толозской цитадели. И нам он не принесет ровным счетом ничего хорошего. Прошлым вечером еще двое гвардейцев слегли с жаром и болями в животе.

Неожиданно сам для себя я задремал — усталость и вечно напряжение давали себя знать. Рассвет, конечно, пропустил.

Боевые рога заревели словно под ухом — я едва успел ухватиться за камень, иначе сверзился бы в ров. Протер глаза и взорвался на замок Нарбонет, который по ту сторону реки — оттуда и рычали призывные звуки. Не столько панически, сколько настороженно.

Что такое? Я сам себе не поверил: над главной башней резиденции графа Раймона поднимали шесть вымпелов — три белых, три черных, три оранжевых. Знак Рокода — узаконенного мятежа против короля. Если король в чем-то оскорбил своих дворян и вассалов или ущемил из права, то благородные вправе начать мятеж и отстаивать свое исконное

достояние силой оружия. Участников неудачных Рокодов не казнят — или прощают, или заточают в замках.

Трубы в Нарбонете взывали все настойчивее. Да в чем дело-то?

И тут я догадался посмотреть направо, в сторону холмов, окружавших Толозу.

Со склонов быстрой рысью лился непрерывный поток тяжелой конницы. Лучи восходящего солнца взблескивали на шлемах и остриях копий.

Зрение у меня, как и у всякого лучника-боссонца острое. Вдаль вижу очень хорошо.

Сердце стукнуло два раза с перерывом, потом забилось куда быстрее чем обычно: над головой кавалерийской колонны трепетали два лоскутка, синий и алый. На лазурном знамени серебрились три леопарда Великих герцогов Пуантиена, а на красном...

На красном яростно скалился вздыбленный аквилонский лев в пятизубом венце. Королевский штандарт!

А по широкому серпу реки к городу приближались здоровенные боевые галеры под вымпелами гавани Тарантии.

— Они пришли! — не сумев сдержаться, в голос завопил я. — Поднимайтесь, олухи! Ваша светость, граф, они пришли!

Вымпелы Рокода плескались над замком Нарбонет. Хитрая бестия этот Раймон — хочет придать всему произшедшему вид законности. Не выйдет!

В мыслях билось одно: «Ай да девица Аньес! Заслужила дворянство, как есть заслужила! Потаскуха проклятая, увижу — расцелую! Как в старые добрые времена, безжалостно и с наслаждением!»

Они все-таки пришли!..

Глава 7

Первый рассказ Зенобии РОЗОВЫЙ ГОРОД НА ХОЛМЕ

Вторая-третья осенние луны 1296 г.

Тарантия — Полуденный Пуантен.

Положение в стране скверное. Можно сказать, почти критическое.

Ничего подобного в Аквилонском королевстве не случалось со времен переворота против Нумедидеса или известного противостояния на Черной Реке. А уж тем более высокая корона много десятилетий не сталкивалась с организованным восстанием подданных Трона Льва сразу в нескольких графствах Полудня. Сведения о мятежах пришли одновременно из Великих герцогств Пуантен и Шамар, бунтом охвачены графства Толоза, Бигор, Фуа и Коменж, в соседних областях тоже наблюдается возмущение народа и тамошние сеньоры готовы поддержать своих вассалов но пока, как поэтически выразился трубадур Фалькон Тарантийский, «в их душах тлеет лампада осторожности».

Пускай тлеет, целее будут.

Мой благоверный супруг, разумеется, в ярости и я полностью разделяю чувства Конана. Во-первых, фатаренская зараза привнесена в Аквилонию извне, появление этой «новой веры» связано с безумными действиями чужеземных честолюбцев, возжелавших заполучить свою долю от пирога власти. Во-вторых, за всю историю Заката ни единая религиозная проповедь не вызывала столь невероятной умственной лихорадки: в одной только Тарантии выстроено до полусотни храмов и часовен, посвященных самым разным божествам и последователи, допустим, Эрлика Меченосца, доселе никогда не ссорились с митрианцами, почитателями иранистанского Ормазда или богов Полуночи — в аквилонской столице существует довольно большая община нордхеймцев, почитающих своих богов, Вотана с Доннаром и Бальдуром. И вплоть до нынешнего года между жрецами многочисленных храмов и их прихожанами не было ни единого конфликта из-за взглядов на религию — так по крайней мере утверждает весьма осведомленный барон Гленнор.

Подданные стран Заката всегда были исключительно веротерпимы. Но не теперь.

Мы, конечно, ждали выступления фатаренов, но не могли представить, что мятеж всего за несколько седмиц примет столь впечатляющие масштабы и что бродячих проповедников открыто и неистово поддержат крупные феодалы Полудня. Впрочем, приграничный Пуантен и в прошлом был настоящим рассадником смуты и вольнодумия, но до прямого противостояния с Троном Льва дело доходило крайне редко. Вспомним, что почти полтора столетия назад владыки Пуантена заявили о выходе из состава Аквилонии — герцогам Гайарда не понравились действия короля Арнульфа V, который серьезно ограничил их самостоятельность. Арнульф долго не раздумывал и моментально отправил на усмирение бунтовщиков три пеших легиона, каковые быстро вразумили Великого герцога, доходчиво растолковав, что Аквилония — единственная страна и неподчинение Трону Льва чревато крупными неприятностями. С тех пор в Пуантене случились два Рокода мелких баронов, окончившиеся ничем. Королевская гвардия быстро остыдила горячие головы провинциальных дворянчиков и мятежные замки прямиком перед началом штурма самым коварным образом капитулировали — сдавшийся участник Рокода прощается и его не наказывают.

Первое известие о начале мятежа мы получили десять дней назад и, как ни странно, вовсе не от Латераны — на сей раз знающего все и обо всем барона Гленнора и его тайную службу неожиданно опередили. Об этой истории придется рассказать особо.

Тем утром в Тарантию приехал Просперо Пуантенский, доселе остававшийся в Гайарде и пытавшийся навести порядок в своем герцогстве. Впрочем, запретить фатаренские проповеди ему так и не удалось — бароны отказались изгнать еретиков, обосновав это решение тем, что «Совершенные» ведут чистый и скромный образ жизни и имеют большое влияние на умы простецов, а коли мужланы вступятся за подвергнутых гонениям жрецов, бунта не миновать. Пусть уж верят, во что хотят — учение пророка Мэниха никакими законами Аквилонии не запрещено, каждый вправе сам выбирать в какого бога веровать и каких проповедников слушать.

— ...Ты спи пока, — Конан соскочил с супружеского ложа на самом рассвете и начал быстро одеваться. За дверью его ждал гвардеец-посыльный, сообщивший о прибытии Просперо. — Дженна, я поговорю с Леопардом и приду в малахитовую гостиную. Спи, еще слишком рано...

Дверь в спальню затворилась.

Ничего себе — рано! Сквозь ажурные решетки, прикрывавшие окна замка короны вовсю пробивались лучи солнца поднимавшегося над острыми крышами домов Тарантии. Я родилась в Пограничном королевстве, в большой семье уважаемого купца, и с детства усвоила непреложный закон — чем больше спиши, тем больше потеряешь.

Раз и навсегда привыкнув к самостоятельности, я не выношу назойливую прислугу. В отличие от сиятельной королевы Чабелы (между прочим, после войны Алого Камня мы с Чабелой стали близкими подругами), всегда окруженной шумной толпой камер-дам и служанок, я предпочитаю одеваться сама и готовить первый завтрак своими руками. Поэтому в личных покоях короля обустроена небольшая кухонька с запасом зелени, фруктов мяса и вина, а заодно и с удобным очагом.

Конан надо мной посмеивается и говорит, что между стряпухой и королевой существует огромная разница — по крайней мере старая поговорка гласит, что «королевам изменяют с кухарками, но никогда — с королевами». На этот пошлый намек я сразу ответила, что если я буду совмещать в себе достоинства и королевы, и кухарки, то его киммерийско-аквилонскому величеству вообще не придется изменять жене. Он и не изменяет, что странно: в прежние времена варвар блудил направо и налево. Умный Хальк Юсадаль, скорее всего прав, утверждая, что Конан меня любит. Впрочем, я и сама это знаю.

Я подогрела вдвое разведенного водой белого вина с пахучими травами и медом, растопила масло для булочек и порезала свиную ветчину. Отлично, голодной с утра не останусь. За завтраком просмотрела письма, доставленные с утра гонцами, особое внимание уделив депеше из Пограничья, от моей младшей сестры Сигню, которой два года назад был отправлен на воспитание младенец, рожденный некоей графиней Альбионой Каэтос — последствие неосмотрительности Конана. Разумеется, секрет происхождения ребенка сейчас известен лишь троим людям — настоятельнице митрианского монастыря, где удалившаяся от мира Альбиона родила мальчика, самому Конану и мне. Именно я посоветовала увезти дитя в Пограничье и отдать моей сестре — женщине замужней и очень любящей пятерых собственных отпрысков.

Сигню почему-то убеждена, что это мой внебрачный сын, слухи о котором могут скомпрометировать аквилонскую королеву. Опровергать эти домыслы я не собираюсь — так

даже лучше. Незаконный ребенок Конана вырастет в богатом дружном семействе удачливого купца и главы торговой управы Пограничья и никогда не узнает о своих настоящих родителях — теоретически, даже незаконнорожденный принц может претендовать на престол, а я хочу чтобы Трон Льва впоследствии занял не бастион, а ребенок рожденный мною.

Если все пойдет так, как я рассчитываю, первенца следует ждать ближе к середине следующего лета — нынешней луной я забеременела, только пока никому об этом не сказала. А подтвердивший мои догадки дворцовый лекарь, месьор Монтель, будет молчать до тех пор, пока я не позволю ему открыть этот небольшой секрет.

Чем бы заняться скучающей благородной dame? Прясть и вышивать я не приучена, воспитание не то, да и не вижу никакой «высшей женской добродетели» в этих сомнительных искусствах. Признаться, жизнь королевы весьма тосклива и если бы Конан не позволил мне заниматься некоторыми государственными делами наравне с ним, я бы умела со скучи, которую не могут рассеять ни охоты в Руазельском лесу, ни праздники или визиты по гостям. Завидую королеве Чабеле — он сама правит страной, у зингарской красавицы нет ни единого свободного квадранса.

Я приоделась в соответствии с принятыми во дворце правилами приличия: удобное темно-зеленое платье-сюрко с крошечной копией коронного Ордена Большого Льва на груди, волосы украсила невесомой диадемой, повторяющей очертаниями венец королевы. Судя по отражению в зеркале выглядит вполне прилично — никакой роскоши, сплошная царственная строгость. Не слишком люблю платья, предпочитая им охотничий костюмы, но показываться перед придворными в такой одежде каждый день не следует — наши утонченные графы-герцоги-маркизы еще не до конца привыкли, что на троне вместе с королем-варваром тоже восседает варварка. С Конаном дворянство смирилось, но в качестве жены короля им хотелось бы видеть женщину из своей среды. Не получилось. Киммериец всегда отличался оригинальностью в решениях.

Итак, давайте прогуляемся по замку короны и посмотрим, что нового могло произойти за минувшую ночь. Убеждена — ровным счетом ничего! Я свистнула свою любимую гончью по имени Понс (он доселе безмятежно дрых у порога королевской спальни) и направилась к парадной лестнице. Каулуы Черных Драконов замерли подобно эбеновым статуям — никакого движения. Живая мебель. Мебель, способная великолепно обращаться с любыми видами оружия.

Конан был совершенно прав, когда отдал приказ записывать в личную гвардию короля не детишек приближенных к трону дворян, а нищих и безземельных младших сыновей провинциальных баронов. Черные Драконы обязаны королю всем — возможностью сделать неплохую карьеру, недурным содержанием, близостью к сияющим вершинам монархии... Они преданы Конану как псы — любому глотку разорвут и не поморщатся. Полк Драконов гораздо многочисленнее, чем другие отряды гвардии: две конных тысячи и полторы тысячи щитников — четыре кавалерийских алы и целый пеший легион по меркам армии! Во дворце службу несут только самые лучшие, в чине не ниже сервента.

По раннему утреннему часу в замке замечалась только суетящаяся прислуга да со стороны большой кухни чуть потягивало вкусными ароматами. Располагавшаяся на первом этаже Закатного крыла замка канцелярия светлейшего герцога Публио Форсеза только-только начала оживать. Надо будет зайти к канцлеру и забрать у него бумаги, связанные с передачей имущества митрианских монастырей Аквилонии Ордену Вечного Солнца, руководимому Домеником из Зингары — Публио выдающийся специалист в денежных делах,

настоящий гений пера и чернильницы, но ворует из казны столько, что иногда у меня волосы дыбом встают. Как бы наш железный канцлер не наложил лапу и на часть храмовых сокровищ — Конан распорядился, чтобы я постоянно проверяла проходящие через канцелярию документы. Все-таки купеческая дочурка, присматривать за своим и чужим золотом обучена. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы из проскрибуемых короной запасов исчезла хоть одна монетка — Конан и монах Доменик собираются своими методами вернуть митрианству уважение народа...

Я спустилась в так называемый «парадный двор» — своего рода площадь, расположенную внутри огромного замкового комплекса. Здесь обычно встречали приехавших во дворец чужестранных посланников, высоких гостей и проводили смотры гвардии. Как и положено вокруг царила идеальнейшая чистота, чуть колыхались на холодном ветру развешанные на стенах штандарты с эмблемами гвардейских полков и вышагивали караульные.

Чтобы пройти к большой дворцовой кухне, расположенной в полуподвале, надо было миновать кордегардию у парадных ворот замка — я решила проверить, что сегодня подадут к обеду: в соответствии с этикетом явившегося спозаранку герцога Просперо и его свиту следовало как следует угостить, в знак благорасположения короля. Традиция старинная и свое отжившая, Просперо может запросто перекусить и в наших личных покоях не заботясь о церемониале, но правила есть правила — корона обязывает к соблюдению приличий.

Сначала я не поняла что происходит — в кордегардии отчаянно ругались. Высокий женский дискант перекрывал начальственный бас и неуверенные голоса гвардейцев. Решив проверить, кто и почему скандалит, я толкнула тяжелый деревянный притвор и оказалась в обширном караульном помещении. Вторая распахнутая дверь выводила под арку надвратной башни — было видно, что там топталась уставшая взмыленная лошадь под потертым седлом.

Компания в кордегардии собралась самая обычная — пятеро гвардейцев из Алых Кирасир, трое здоровенных и мрачных мальчиков представляющих охранный отряд тайной службы и начальник караула — капитан Драконов. Единственным исключением являлась взъерошенная и покрытая дорожной пылью девица в растрепанном легкомысленном платье и грубом суконном плаще с капюшоном, совсем недавно вымокшем под осенним дождем.

— Мне что, всякое принесенное колечко королю передавать? — рычал капитан. — Почему я должен тебе верить, дура?!

— Кто дура — я? — задохнулась девица, ничуть не потерявшая боевого пыла. — Мне сказано — передать перстень королю или герцогу Просперо, и хоть ты меня на куски режь, но во дворец я пройду!

Настало время вмешаться.

— Что здесь происходит? — я шагнула вперед, привлекая внимание. Физиономии гвардейцев вытянулись, а капитана как пружиной с колченого табурета подбросило. Суровые мальчики барона Гленнора остались профессионально-невозмутимы, однако поклонились и отошли к дальней стене. Один незаметно переместился за мою спину — охранять королеву от возможного нападения со стороны неизвестной красотки.

— Ваше величество... — капитан Черных Драконов совладал с собой и куртуазно пал на правое колено. Я жестом приказала ему подняться. — На рассвете приехала эта... гм.. женщина. Сказала, будто у нее важное сообщение для его величества. Вроде бы надо передать какое-то кольцо.

— Где это кольцо? — осведомилась я.

— У нее, где ж еще. Никаких бумаг не показала, подорожной нет, кто такая неизвестно.

— Так... — я нутром почуяла неладное и развернулась к девице. — Как тебя зовут?

— Аньес. Аньес из Танасула. Точнее, из Толозы. В общем, я приехала из Толозы. А ты кто такая?

— Я — королева Аквилонии Зенобия, супруга его величества Конана Канах.

На лице Аньес не отразилось никакого почтения или подобострастия. Только облегчение.

— Хвала богам! Ты вовремя, госпожа! С этими толсторожими хмырями при чинах не договоришься, уж думала зря полную седмицу из седла не вылезала!

— Подожди, — пресекла я излияния девицы. — Расскажи подробно, в чем дело и какой перстень ты должна передать королю?

— Вот этот, — Аньес запустила ладонь в глубины впечатляющего декольте и извлекла из его недр перемотанную шнурком тряпочку. В тряпочке скрывалось усеянное темно-синими сапфирами кольцо-печатка с гербом графства Люксэ и пуантенскими леопардами. — Ихняя светость настрого приказали отдать только королю Конану или Великому герцогу Просперо в собственные руки. Если опознают, рассказать на словах о мятеже в Толозе.

— Значит, мятеж? — с непонятным для меня самой спокойствием повторила я, а в голове будто щелкнуло: «все-таки началось». — Капитан, госпожа Аньес пойдет со мной!

— Как будет угодно вашему величеству, — немедля отозвался Дракон. — Вас будет сопровождать человек из Латераны, это обязательно — приказ.

Мне было плевать на их приказы и на широкоплечего мордоворота, тихой кошкой шествовавшего вслед за нами с Аньес. Удивляюсь, насколько бесшумны и незаметны люди, служащие барону Гленнору. И это не смотря на то, что немногие из них уступят в силе и росте моему мужу, считающемуся одним из самых сильных людей страны. И где только Гленнор находит таких?

Аньес выглядела очень устало, и я подумала, что о ее визите следует немедленно доложить Конану. Потом, когда она все расскажет, я отправлю Аньес отдыхать в гостевые комнаты.

Мы ворвались в малахитовую гостиную, тихарь Латераны остался при дверях, а я кликнула слугу и приказала принести для неожиданной гостьи легкого вина и холодную грудинку с пшеничными лепешками.

— И вот еще что! — крикнула я в спину лакея: — Отправьте человека в покой вице-короля Просперо, пусть его величество Конан без задержек явится сюда! Дело исключительно срочное!

— Слушаюсь, ваше величество!

Киммериец, сопровождаемый неизменным фаворитом — Просперо даже после дальней дороги выглядел свежим и бодрым, — пришел через половину квадранса. Аньес вовсю уплетала мясо со свежим хлебом и при явлении обожаемого монарха встать не догадалась.

— Что такого стряслось? — король недоуменно взглянул на совершенно незнакомую и простецки одетую девицу. — Дженна, это что за явление?

Я молча передала Конану драгоценное кольцо. У рассмотревшего вещицу Просперо глаза на лоб полезли:

— Перстень графа Люксэ! У нас с ним уговор — если что случится, он отправит гонца с перстнем!

— Аньес! — позвала я увлекшуюся едой девицу. — Ты хотела видеть короля? Вот он.

Рассказывай!

И она рассказала все. Все, включая события той ночи, когда граф Раймон начал обстреливать цитадель Толозы весьма необычными снарядами.

— ...На другое утро я купила лошадь и сразу поскакала в Гайард, — заканчивала повествование Аньес. — Но там мне сказали, что Просперо уехал в столицу — пришлось догонять. Самую малость не успела догнать! Хорошо еще, что королева пришла поутру в караулку — иначе не пустили бы!

— Значит, Люксэ обещал тебе дворянство? — нехорошо ощерился Конан. — Отлично, будешь баронессой или даже графиней, слово короля! Дженна, отведи Аньес спать!

И вдруг король заорал так, что я вздрогнула:

— Эй, там! Немедленно Паллантида ко мне! И всех легатов гвардии! Капитанов речного военного флота находящихся в Тарантии тоже сюда! Живо!

Мне стало ясно, что началась война. Гражданская война в Аквилонии. Война, которой мы боялись больше всего...

* * *

К закату этого сумасшедшего дня было принято много важных решений имевших далеко идущие последствия. Поскольку Конан ничего от меня не скрывал, я оказалась в курсе всего происходящего.

В постоянной готовности к войне в Аквилонии находятся только легионы охраняющие границу с пиктами и особые полки гвардии короля — последние великолепно обучены, полностью снаряжены и могут в любой момент выдвинуться к границам. Одно время я увлекалась военной наукой, да титул королевы обязывает разбираться в подобных вопросах — если (уласи Митра!) что-нибудь случится с моим мужем, наследницей престола остаюсь я, тем самым принимая на себя ответственность за государство и его спокойствие.

Так вот, если вы думаете, что элитная гвардия короны составляется только из конницы и тяжелой пехоты, то глубоко ошибаетесь. В состав гвардейских полков входят центурии занимающиеся исключительно метательными машинами, отряды которые могут устроить на пути противника засеки и засады, навести переправы через реки, летучие конные алы, призванные беспокоить передовые отряды врага и так далее и так далее. Гвардия короны — это огромный и сложный организм, сердцем которого является главная ударная сила, Черные Драконы. Не все так просто, как может показаться на первый взгляд.

Залог успеха в войне — это возможность скрытного передвижения армии в любом направлении и ее снабжение всем необходимым. Следовательно, военная управа Аквилонии, уже восемь лет руководимая «Легатом Большого Штандарта» Юнием Паллантидом, обязана заранее разработать планы ведения военных действий против всех порубежных держав, включая даже столь верных союзников, как Немедия и Зингара. Никто не может гарантировать, что, допустим, завтра королеву Чабелу свергнут с трона и ее место не займет ярый враг Аквилонии.

При иноземном вторжении первыми в бой вступают расположенные вдоль границ легионы и по возможности сдерживают войско противника до подхода куда более мощных

сил из глубины страны. В это же время все государственное устройство переподчиняется нуждам войны — армия должна беспрепятственно и максимально быстро продвигаться по дорогам и речным путям, без перебоев снабжаться продовольствием, оружием, новобранцами и деньгами. Этот механизм был полностью разработан Паллантидом и его легатами, благо опыт был — чего только стоила война с Зогар Сагом восемь лет назад!

Совет состоялся немедленно. Тем более, что сообщение доставленное девицей Аньес оказалось в течении дня подтверждено еще несколькими гонцами тайной службы, сообщившими, что мятеж одновременно поднялся в четырех графствах Полуденного Пуантена и Шамара. Это значило одно — выступление против короны было заранее спланировано и Конан столкнулся с самым настоящим заговором имеющим цель отторжение от Аквилонии южных провинций.

На военном совете Паллантид выложил на стол переплетенную в деревянную обложку кипу пергаментов — это был план аквилонской военной управы на случай войны с Зингарой.

— Все мятежные графства непосредственно примыкают к рубежам Зингарского королевства, что существенно облегчает нашу задачу, — размеренно и спокойно, будто читая лекцию в Обители Мудрости, говорил легат. — Однако, войску не придется пересекать горы, отделяющие владения ее величества Чабелы от Аквилонии. Если Латерана примет надлежащие меры и сообщит в Кордаву о постигших нас трудностях, то Чабела, в соответствии с договором о союзе и содействии во время войны, перекроет перевалы Рабирийских и Пуантенских гор, чтобы мятежники не смогли ускользнуть за пределы владений Трона Льва.

— Мы немедленно займемся этим вопросом, — отозвался барон Гленнор, примчавшийся в Тарантию из своего поместья сразу, как стало известно о возмущении полуденных провинций. — Чабела не откажет, она всегда держит слово.

— Это радует, — кивнул Паллантид. — Я предлагаю «Зингарский» план войны только потому, что он наиболее проработан, хотя нам и не придется вступать в столкновения с иноземной армией. Полуденный Пуантен — это та же Зингара, только не за горным хребтом, а перед ним. И на наших землях. Наиболее подготовленные и боеспособные части гвардии будут погружены на корабли и парусные баржи в верхнем течении Хорота — то есть неподалеку от Тарантии. Затем гвардейцы высадятся в устье реки Арье и снаряжают обоз — продовольствие и оружие будет находиться на торговых судах, которые мы арендаем у купцов. Непосредственно к Толозе подойдут оснащенные катапультами речные галеры и начнут осаду города со стороны реки. Коннице и пехоте от устья Арье открывается возможность ударить одновременно по трем мятежным графствам. За это время мы успеем подтянуть еще четыре легиона с немедийской границы — они будут наводить порядок и гасить последние очаги сопротивления мятежников...

— Сколько времени нужно для подготовки гвардии и речного флота? — спросил Конан.

— Двое суток. Еще через четыре дня мы будем рядом с Толозой. Нам помогут быстрое течение Хорота и попутный полуночный ветер с Киммерийских гор — сейчас осень, ваше величество, ветры дуют на полдень, а река замерзнет еще не скоро.

— Отлично! Паллантид, займись всей организацией похода! Просперо, хоть ты и Великий герцог Пуантена, но сейчас останешься в Тарантии — пока я разбираюсь с твоими баронами, управляй Аквилонией. Или мы силой оружия выбьем ересь с Полудня, или она поглотит все королевство!

Что бы там не говорил Паллантид, воевать в Полуденном Пуантене будет тяжело. Тамошние сеньоры владеют укрепленными горными замками, отлично знакомы с каждой тропкой, могут устраивать засады в узких и покрытых густым лесом долинах. Не стоит забывать и о том, что жители бунтующих графств начнут воспринимать нас как захватчиков, и если крестьянам все равно, кто будет их господином, то дружины мелких феодалов встанут на сторону своих сюзеренов.

Действительно, через два дня все было готово к выступлению на Полдень. Точнее, к отплытию. Поскольку подготовка велась в исключительной спешке, возглавляемая королем армия пока составлялась исключительно из Черных Драконов — впервые за всю историю своего царствования Конан решил вывести личную гвардию из столицы почти в полном составе — в Тарантии остается лишь конная полутысяча. Добавим сюда вспомогательные отряды, это еще человек триста. Таким образом численность войска подходила к четырем тысячам мечей.

Я без колебаний решила отправиться вместе с Конаном — в конце концов к походным условиям я привыкла еще по старым временам жизни в Немедии и Пограничье, с оружием управляюсь неплохо, ну а если вспомнить, в каких авантюрах мне приходилось участвовать как до, так и после знакомства к моим мужем, то предстоящий поход может показаться легкой прогулкой.

«Легкой прогулки», конечно, не будет и я полностью это сознаю. После весьма подробных рассказов Аньес о произошедшем в Толозе стало ясно, что война предстоит тяжелая и кровавая — Конан не успокоится, пока не устранит исходящую от фатаренов угрозу, не вынудит мятежников сдаться или не уничтожит их.

По совету ближайшего соратника Доменика Кордавского, жреца ордена Вечного Солнца Бернарта Монеды, Конан взял с собой два десятка митрианских монахов-проповедников присланных Домеником из Зингары — они, при содействии армии, будут охотиться на «Совершенных» и участвовать в судах над ними, если выяснится, что жрецы фатаренов намеренно провоцировали смуту и призывали к неподчинению королевской власти (никто не сомневался, что так оно и есть).

Кроме того, монахи ордена, в отличие от абсолютного большинства своих собратьев в Аквилонии, были прекрасно образованы и могли вести с фатаренами диспуты не боясь, что сектанты запутают их в словесных сетях.

На всякий случай Конан озабочился и магической поддержкой — пришлось взять с собой Тотланта Луксурского, хотя маг сначала категорически отказывался, справедливо утверждая, что ему и еще двоим приехавшим в Тарантию волшебникам конclave Равновесия надо готовиться к возможной стычке в колдунами Черного Солнца, чья встреча назначена на день зимнего солнцеворота. Конан на то сказал, что времени пока предостаточно, а вот если на армию будет совершено магическое нападение, то защищаться будет нечем. Тотлант повздыхал и согласился. Вместо него в Тарантии остались молодые маги-равновесники — Фритигерн из Кофа и Арбогаст Бритунийский, которых направил в Аквилонию глава конclave Валент. С Тотлантом, разумеется, увязался и Веллан, решивший не упускать возможность поучаствовать в настоящей войне.

Флот, готовый выйти из тарантийской гавани на Полдень, составлялся из шестнадцати крупных трехпалубных речных судов (они перевозили гвардейских лошадей и военных) и почти трех дюжин кораблей помельче (их трюмы были забиты продовольствием и снаряжением). Сопровождали нас восемь боевых галер — на веслах сидели каторжники, а экипаж состоялся из арбалетчиков, боссонских лучников и прислуги катапульт. Впечатляющая армада, хотя прославленные моряки, зингарцы и аргосцы, при виде нашего флота только рассмеялись бы — для серьезной войны на море он совершенно не годился. Но мы вовсе не собирались покидать русла внутренних рек Аквилонии и выходить в океан — главной задачей огромного каравана судов было доставить войско в Пуантен.

Конан, я, командиры гвардейских полков и все приближенные монарха разместились на королевском нефе «Золотая Башня» — этот парусный корабль мог ходить и по реке, и по морю, причем неф построили в Зингаре и он был невероятно быстроходен. Собственно, «Золотую Башню» Конану подарила королева Чабела в день празднования пятилетия восшествия киммерийца на Львиный престол, но корабль использовался редко — только во время путешествий короля к Океану. Как и положено, «Башня» шла впереди всего каравана, растянувшегося по реке почти на две лиги. Форштевень гордо рассекал свинцовые воды холодного Хорота, паруса хлопали на ветру, алел штандарт короля — сущая романтика! Хотя решительно ничего романтичного в нашей миссии не было...

Девицу Аньес я взяла с собой — во-первых, она очень хотела вернуться в Толозу «к своим», во-вторых, отлично знала окрестности города и могла помочь во время осады. Конан, никогда не забывавший о своих обещаниях, хотел было незамедлительно даровать Аньес высокое дворянское сословие и титул, но она воспротивилась, сказав, что сначала надо освободить людей, запертых в цитадели Толозы, а уж потом заводить разговор о награде.

Конан посмотрел на преданную своим друзьям обозную девицу с уважением, но орден Диска Митры все-таки ей навесил — как-никак Аньес в одиночку и почти не останавливаясь на отдых пересекла половину страны, только бы доставить спешное сообщение графа Люксэ королю и герцогу Пуантена. Небольшой золотой орден с алмазами был тут же завернут в чистую тряпочку и спрятан в вечный дамский тайник за лифом.

Мне Конан сказал по секрету, что если бы все маркиантки в Аквилонии были такими как Аньес, то армия Трона Льва стала бы непобедимой. Совершенно согласна.

Чем дальше корабли продвигались к Полудню, тем теплее становилось. В Тарантии в это время года уже начинаются заморозки, по утрам на ветвях деревьев и стенах домов появляется иней, а здесь можно было спокойно ночевать на палубе под плащом — не замерзнешь. Равнины уступили место всхолмьям, мы не останавливаясь проходили мимо крупных приречных городов вызывая изрядное удивление у их обитателей: куда это направляется королевский флот? Надо полагать, что в левобережные провинции еще не пришли грустные известия о начавшейся войне.

Утром пятого дня похода корабли подошли к месту впадения реки Арье в Хорот и капитаны судов начали приближаться к берегу, чтобы начать высадку. По счастью в этих местах берега были сравнительно низкие и армия выгрузилась на полуденный берег Арье всего за сутки. Боевые галеры встали на якорь возле устья реки и ждали приказа подниматься вверх по течению — до Толозы было около десяти лиг по прямой.

Конан и Паллантид немедля приказали конным разъездам выдвинуться на две лиги в глубину графства — теоретически, графу Раймону уже могли сообщить, что в его владениях

появилось многочисленное королевское войско. Однако, присутствия армии мятежников в ближайшей округе не замечалось, а мужланы в приречных деревнях только дивились — откуда тут появилась гвардия короны? Разумеется, все поселки пришлось блокировать, а дороги перекрыть — никто не должен был покидать деревни до того, как армия начнет движение к главному городу провинции.

Еще половина дня ушла на снаряжение обоза — повозки и коней-тяжеловозов мы привезли с собой на кораблях. За это время вездесущие конфиденты Латераны (предусмотрительный барон Гленнор отправил с нами четыре десятка отборных головорезов из боевого отряда секретного ведомства «Черный беркут») выловили в близлежащей деревне двоих «Совершенных» и сдали с рук на руки монахам брата Доменика — пусть допрашивают и выясняют, чья вера лучше.

Конана еретики пока не интересовали — с ними можно разобраться потом, сейчас перед войском стоит совершенно другая задача: наказать Толозу и графа Раймона, освободить наших гвардейцев из цитадели города и начать наводить порядок в округе силой, раз уж все убеждения доброго и терпимого герцога Просперо пропали втуне. После взятия города предполагалось оставаться в Толозе, подождать подкреплений с немедийской границы, а уж затем начинать вразумлять графов Коменжа, Фуа, Бигора и Безьера, поддержавших взбунтовавшегося Раймона и изгнавших митрианских и иштарийских жрецов со своих земель.

К вечеру двадцать девятого дня второй осенней луны все было готово к выступлению. Решили так: выступаем перед рассветом, в авангарде пойдет конное войско с «легким обозом» — в его задачи входит окружить Толозу и не дать мятежникам выйти из города. Конницу с реки поддержат боевые суда, которые запрут толозскую гавань и возьмут под прицел катапульт как сам город, так и замок Нарбонет на полуночном берегу Арье. Пехота и мастера осадных машин подтянутся на полтора дня позже, они куда неповоротливее и медлительнее кавалерии.

Ночью нас с Конаном разбудил оруженосец короля и герольдмейстер Аквилюни, молодой барон Ортео, участвовавший еще в перевороте против Нумедидеса и первым возгласивший о восшествии на престол нового государя. Пришло время выступать. Мы небезосновательно полагали, что прямо сегодня битва не состоится, поскольку наше появление окажется для графа Раймона неожиданным — он предпочтет запереться в городе или замке Нарбонет. Посему Конан выбрал не тяжелый доспех для конного боя, а кольчугу работы Граскаальских гномов из почти невесомого, но исключительно прочного металла, выкованного на подгорном огне. Я выбрала легкую кирасу, одетую поверх формы Черных Драконов без знаков различия — пусть гвардейцы видят, что королева готова разделить с войском все предстоящие трудности.

— Ты очаровательна, — нежно поцеловал меня Конан. — Только учти, что если случится заварушка, тебе следует отойти к арьергарду под прикрытием телохранителей. Женщинам на поле боя делать нечего. Еще попадешь под случайную стрелу...

Я отлично знала, что под случайную стрелу мне попадать не следует — теперь я несу ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь того (той?), кто зародился в моей утробе. Посему будем беречься, король прав.

— Следую мудрым приказам вашего величества, — склонилась я в шутовском поклоне. — Как всегда, как всегда, и королевам, и веселым маркианткам вроде Аньес, приходится сидеть в обозе и пропускать все самое интересное!

— Поговори мне! — беззлобно цыкнул король. — Ладно, поехали.

Оруженосцы уже подвели к королевскому шатру лошадей. Конан запрыгнул в седло своего любимого Грома — огромного вороного жеребца гандерландской верховой породы. Мне досталась изящная и легконогая каурая кобылка, которую я сама загодя выбрала на дворцовых конюшнях. Охотничьи лошади для войны не подходят, а вот зингарские скакуны — вполне, они выносливы и быстры.

Стояли предрассветные синие сумерки. Королевский кортеж в составе восьми оруженосцев Конана, трех герольдов со знаменами Аквилонии и Пуантена, а так же тридцати телохранителей из числа самых доверенных капитанов гвардии и цепных псов барона Гленнора прошел вдоль разбитого на алы строя кавалерии и вышел в голову колонны. В полевых условиях Черные Драконы сменили свою обычную форму на более удобную для конного перехода одежду, разве что кольчуги прикрывали светло-серые котты с вышитым изображением распахнувшего пасть двукрылого геральдического змея и тоже серые плащи — попробуйте-ка повоевать под солнцем Полудня в черном облачении, изжаритесь!

Послышались команды сотников и земля дрогнула под тысячами лошадиных копыт — кавалерийская армия начала движение на полуденный закат, к Толозе. Вскоре колонна в полторы тысячи всадников перешла на размеренную «походную» рысь и начала подниматься на возвышенность, протянувшуюся вдоль берега реки Арье.

Слева, в отдалении, чернели пологие вершины Рабиров и Зингарского хребта, а сзади нас догонял рассвет.

* * *

— Красивый город, — сказал Конан, когда мы остановились у подножия огромного холма, на котором расположилась окруженная могучими стенами Толоза. — Точнее, был красивым. По-моему, совсем недавно в Толозе был большой пожар. Дженна, видишь, часть кварталов вокруг цитадели выгорела, да и гарью попахивает...

Я видела. Еще я видела, что Толоза отлично защищена от внешнего нападения. Освещенные восходящим солнцем стены из розового камня казались неприступными, толстенные круглые башни возвышались над нами будто скалы, а расположившийся за ними город выглядит хмурым и настороженным. На самой вершине холма темнела цитадель и мы с Конаном сразу заметили, что над барбикеном доселе вьется королевское знамя. Значит, граф Люксэ не сдался. Мы успели.

Тем временем, на расположенным в полулиге, на другом берегу Арье, укрепленном замке графа Раймона нудно подывали боевые рога. Конан только усмехнулся, увидев над башнями Нарбонета трехцветные вымпелы Рокода. Наши галеры уже успели полностью блокировать гавань — несколько судов под знаменами Раймона пытались уйти вверх по реке, но попав под залп катапульт вернулись к причалам у стен Толозы. Один из нефов оказался сильно поврежден и быстро затонул. Команду подняли на военную галеру.

— Что дальше? — к нам подъехал Паллантид, явно рвавшийся в бой. Но поскольку противник предпочел сидеть за стенами, стычки пока не предвиделось.

— Ничего... — пожал плечами киммериец. — Разделить войско на восемь больших

отрядов по двести человек, пусть устанавливают лагеря напротив всех городских ворот — шатры ставить подальше, чтобы не доставали стрелы баллист. Начинаем осаду и дожидаемся пеший легион. Уверен, граф или городской магистрат пришлют людей для переговоров. Капитаны галер пускай следят за замком Нарбонет и палят по всем, кто попытается к нему приблизиться.

— Дальности онагров не хватит, — уверенно сказал легат. — Замок стоит слишком далеко от берега.

— Да и Сет с ними, — отмахнулся король. — Не думаю, что под рукой графа Раймона сейчас больше полутора сотен мечей. Он нам не противник, смех один...

Вплоть до полудня войско разбивало лагерь. Толоза оказалась полностью окружена, и с земли, и с воды. Наблюдатели с кораблей сообщили, что Нарбонет покинули несколько всадников — похоже, Раймон отправил гонцов к своим вассалам и союзникам в Фуа и Коменже, требуя помощи.

Попутно отряды лучников с галер без потерь захватили городскую гавань, в которой стояло семнадцать торговых кораблей. Зингарцам и купцам из Шамара, привезшим в Толозу товары, сказали убираться подобру-поздорову, пока целы. Они поспешили последовать разумному совету — подняв все паруса, суда исчезли из виду меньше, чем за половину колокола. Корабли принадлежащие графу Раймону и городу ничуть не чинясь предали огню — в назидание. Пусть владетель Толозы видит, что мы прибыли сюда не ради развлечения.

Толоза ошеломленно молчала. Надо думать, вигуэры не ожидали, что реакция короля на мятеж окажется настолько молниеносной и рассчитывали выждать еще луну-другую до появления королевских войск. На башнях и стенах мелькали люди в доспехах, но действий никаких не предпринимали. В нашу сторону не было выпущено ни одной стрелы, даже когда королевские лучники жгли корабли в расположенной под самыми стенами гавани.

Конан заодно решил показать, что никакие «Совершенные» нам не страшны и посоветовал монахам ордена Вечного Солнца при помощи гвардейцев взвесить на виду у горожан «походный храм». Что и было немедля исполнено — рядом с палатками короля и легатов был установлен огромный бело-золотой шатер, увенчанный изображением солнечного диска, символа Митры. Перед шатром монахи поставили жертвенный камень и тут же провели церемонию Приветствия Светила, на которую собрались все приближенные короля и кавалерийские сотники.

Не то, чтобы киммериец был фанатичным митрианцем или яростным последователем Крома, но богов обижать не любил, поскольку твердо знал, что они существуют. Между прочим, с Белом Обманщиком и Иштар Прекраснейшей он был знаком лично и состоял с ними едва ли не в дружеских отношениях. Не подумайте, я не вру — мало кто знает, что подруга и покровительница Конана, некая графиня Клелия Кассиана из Ианты, на деле является человеческим воплощением-аватарой великой богини...

Паллантид вместе со своими тысячниками тем временем осматривал крепость, изыскивая слабые места — осада и штурм занятие нудное и тяжелое, опытный военный не станет бить в лоб, бессмысленно теряя людей, а изыщет «дыры» в обороне противника и ударит в самую слабую точку.

Разъезды гвардии рыскали по ближним деревням, сгоняя к Толозе мужланов, чтоб сделали перед лагерем палисады, на случай вылазки из города. Мужланы хмурятся, ругаются сквозь зубы, но идут — с королем и гвардейцами не поспоришь, еще чего доброго деревню пожгут или на пику насадят. Да и время сбора урожая миновало, поля и виноградники

неубранными не останутся. На «походный храм», сияющий белым средь синих и черных шатров, простецы косятся испуганно — знают, что виноваты.

— Скукотища, — зевнул Конан и опустился на складной стульчик у входа в наш шатер. Деревянные рейки скрипнули под его тяжестью. На покрытом чистой льняной тряпицей столике перед королем громоздились простые деревянные блюда с горячим обедом, таким же, какой подают простым гвардейцам — шпигованное чесноком мясо, хлеб с отрубями, морщинистые желтые яблоки и красное вино. — Не война, а настоящие маневры в лесу Руазель, с охотой и пикником.

— Не беспокойся, Толоза скоро очухается, — ответила я, глядя на поднимавшиеся совсем неподалеку от лагеря городские стены. — Вариантов два: либо вигуэры приползут на карачках вымаливать прощение, либо будут обороняться до последнего.

— Для первого горожане слишком горды, для второго — чересчур трусливы, — киммериец тоже неотрывно наблюдал за Толозой и прихлебывал вино из серебряного кубка. — Эх, если бы это был простой мятеж! Самый банальный, без всяких выкрутасов с фатаренами, Тьмой, Светом, чистым Духом, грешной Плотью... Когда человека полностью захватывает некая идея, он становится опасным. Боюсь, «Совершенные» имеют слишком большую власть над умами тех, кто сидит за городской стеной.

— Толоза — город купеческий, — подумав, сказала я. — Если ты родился торговцем, то уже никакие проповеди не будут властствовать над тобой, уж поверь дочери купца. Струсят! Струсят и выдадут всех «Совершенных» с потрохами, лишь бы сохранить свои богатства. Другое дело — графы, дворяне. Они хотят самостоятельности, независимости от Трона Льва. И ради своих амбиций прикрываются новым вероучением... Кстати, ты заметил знамя Рокода над Нарбонетом?

— Да пусть Раймон подотрется этим знаменем! — грубо ответил Конан. — Суд Высокой Короны никогда не признает законность поднятого им Рокода! Посуди сама: Раймон много лет не выступал против короля и тут вдруг, без всяких оснований, взбунтовался. Земли я у него не отбирал, новыми податями не облагал, личных оскорблений не наносил... А если твоя Аньес ничего не приукрасила, и люди графа действительно участвовали в избиении монахов в Толозе, Раймону и его ближним светит плаха... Добавим сюда нападение на королевский гарнизон и неподчинение воле короля, заговор против верховной власти Аквилонии, в который втянуты еще несколько крупных ленников Пуантена. Хорошо, если отделается простым отсечением головы, а не колесованием.

— Какой ты кровожадный, — фыркнула я. — Не боишься прослыть тираном?

— Не боюсь, я в своем праве... Погоди-ка, что это такое?

Над центральным бастионом Толозы взвился шафраново-желтый вымпел без изображений. Знак того, что нас приглашают к переговорам. По нему виднелся бело-черный флаг, говоривший о том, что на время открытия ворот города нас просят отвести военных в сторону.

— Проснулись наконец, — злобно ощерился Конан. — Сменили мокрые штаны на свежие и теперь будут умолять о милости... Не выйдет! Дженна, сиди. Мы никуда не пойдем — сами прискажут! В конце концов, король им должен или они — королю?

Опустился мост, по нему прошли два десятка пышно разряженных горожан. Встречать посланцев Конан отправил Паллантида — в одиночестве, только с герольдом. Мост горожане сразу подняли — боялись. Замок Нарбонет молчал.

Вот они, лучшие и избранные горожане Толозы, вигуэры, правители магистрата. В

бесценных парчовых одеждах. Конан остался недвижен, просто сидел на своем стульчике, жевал травинку и смотрел в небо.

Самый старый, а значит самый уважаемый начал говорить как только Паллантид подал знак: можно, мол.

— Государь наш! Всецело преданная вам Толоза выслала нас, избранных своих представителей, дабы мы, выражая пред вашим лицом всю ту неслыханную радость, которая, обуревая нас при известии о прибытии возлюбленного государя...

Даже Паллантида — уж на что терпеливый — и то жгутом скрутило. Ничего себе! И это после обстрела цитадели кровавыми ошметками! Ох, сейчас кому-то несладко придется!

Лучшие граждане тем временем бросают то влево, то вправо опасливые взгляды. Их беспокоит мрачность лиц гвардейцев и легатов, великое количество оружия. И эти тревожащие приметы они видят повсюду вокруг себя.

Вигуэр продолжает точить мед, сладенько лыбясь.

Конана извещают о безмерном счаствии, которое охватило Толозу при первом же слухе о приближении государя. Королю выражают всеобщую любовь и преданность. Возлюбленный монарх непременно должен узнать о том, что Толоза готовит ему праздничную встречу, как положено, с шествием, цветами и колокольным перезвоном...

— С перезвоном? — вдруг переспрашивает Конан, а я раскрываю рот от изумления. — Готовит? Что, не все митрианские храмы пожгли, один на всякий случай оставили?

Сбитый с толку вигуэр замолкает и отвешивает изящный поклон. А киммериец вновь погружается в каменное молчание и опять смотрит в синее небо.

Вынырнув из поклона, вигуэр продолжает плести искусственные слова. Целый ковер на глазах у наших легатов и сотников выткал. Итак, преданная всемилостивейшему государю Конану Канах Толоза преисполнена глубочайшего изумления, видя своего господина идущим на нее чуть ли не с войной. Разве не обменялся город с королем клятвами, наподобие брачных, во времена восшествия государя на престол, когда вся Аквилония присягу на верность короне приносила? И вот эта великолепная, эта смертоносная армия, государь, — о!.. Разве не видите вы здесь своих добрых подданных, государь? Толоза — ваш дом, как и вся Аквилония! Ваши владе...

Киммериец медленно, тяжело встал. Вигуэр, почувствовав неладное, заткнулся, оборвавшись на полуслове, и отступил на шаг.

— Клянусь именем Митры Солнцезарного, — процедил король, а я поняла, что муж мой едва сдерживается. Конан разъярен и теперь его не остановишь. — Клянусь, что я войду в город, возьму все, что мне потребуется, перевешаю всех виновных в мятеже, погромах и нападении на людей короля! А сейчас я возьму от города заложников!

Он рехнулся, подумала я. Знатные горожане пришли с переговорами, это же нарушение всех мыслимых законов войны! Так нельзя! Заложники! И не смерды, а лучшие горожане! Нельзя!..

...И поправила сама себя: это не война, а подавление мятежа. Можно!

— Взять их!

Легаты молчали, не смея противоречить королю. Паллантид кривил губу в очень нехорошой усмешке.

И вот почтенный седобородый глава магистрата лежит на пыльной земле, маразм превосходную парчовую котту, а на нем сидит гвардеец и увлеченно вяжет старику руки. Остальные почтенные вигуэры валяются рядом в аналогичном положении — не

шевельнуться! Пищат с перепугу, как мыши.

Одного посланца оставили — он должен вернуться и передать слова короля магистрату и сотникам графа Раймона, командующим обороной Толозы

— Если до грядущего рассвета город откажется сдаться и не выпустит гарнизон цитадели без всякого убытка, — очень-очень спокойно сказал Конан, глядя в блеклые и пожелтевшие от ужаса глаза старца, — всех повешу. Всех! Этого... — тычок пальцем в самого почтенного вигуэра, — и этого... Этого! Этого! Этого! Одного за другим! Всех! Сам, собственными руками! Пшел вон, мразь!

До заката и на следующее утро Толоза не сдалась. После восхода солнца Конан исполнил обещание — перед главными воротами стояли девятнадцать виселиц. Правда, казнью занимался не король, а привыкшие к грязной работе крепкие ребятки из «Черного Беркута». Барон Гленнор остался бы доволен их выучкой.

Я начала думать, что ничего хорошего из нашей затеи не выйдет.

Глава 8

Второй рассказ графа Кертиса

ДЕЙСТВУЕМ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

1-4 дни третьей осенней луны 1296 г.

Арелата, Коринфия.

— Они что, все сговорились? — сказал я, в упор глядя на Халька. Почтеннейший библиотекарь короля Аквилонии тут же изобразил на физиономии невинно-непонимающую мину и отвернулся. Скромняшка наш... — Это заговор, честное слово! Все до единого люди, замешанные в эту идиотскую историю — Конан, барон Гленнор, Мораддин Эрде, даже этот герцог Ибелен, будь он неладен! — с ослиным упрямством твердят нам одни и те же слова: будьте тише воды, ниже травы, ни во что не мешайтесь, не встревайте, не высовывайтесь, не впутывайтесь, не суйте нос, не привлекайте к себе лишнего внимания! А лучше вообще не дышите! Что за чепуха? Для чего, в таком случае, нас отправили в этот чудный городок? Изучать дивные свойства здешних целебных вод?

— Кертис, но ведь это вполне разумно... — слабо вякнул барон Юсадаль, моментом перехватил мой змеиный взгляд и закрыл рот.

— С одной стороны — разумно, — нейтральным тоном сказал Валент из Мессантии. — Действительно, если мы в одиночестве выступим против конclave магов Черного Солнца, нас сотрут в порошок. Визит городской стражи ясно дал понять: за подозрительными аквилонцами наблюдают и если они начнут вести себя неподобающее — будет плохо. Но с другой, приятели герцога Ибелена не знают кто мы такие на самом деле и это позволяет нам действовать неожиданно.

— А графа Кертиса в Тарантии отправят на эшафот, — ядовитенько осклабился Хальк.
— За неисполнение повелений высокого начальства. Кертис, ты ведь много лет служишь с Латеране, должен знать, что означает слово «приказ»!

— В том то и дело, что от данный мне приказ звучит так: действовать по обстоятельствам! — без всяких эмоций ответил я. — Давайте рассудим. Сначала вспомним о хорошем: большинство наших предположений и выводов сделанных еще до прибытия в Коринфию подтвердились — это первое. В Черном Солнце у нас есть если не союзник, то человек мыслящий довольно здраво и отлично понимающий, что его изобретение — секта фатаренов, может окончательно выйти из-под контроля, если уже не вышла. Это было второе. Нам стало известно где именно маги плодят чудовищ, которые могут быть использованы против армии Немедии, а возможно и Аквилонии — это третье. Теперь о плохом: магию мы использовать не можем, по крайней мере слишком часто... Валент, скажи, здешние колдуны и впрямь могут почувствовать твоё волшебство?

— Запросто, — не задумываясь сказал маг. — Обычным людям подобные чувства недоступны, а вот достаточно грамотный волшебник без особых затруднений ощутит изменения в окружающем его поле магической силы. Это словно дуновение ветерка — теплого или холодного, обладающего своим запахом, дующего с Полуночи или Полудня... Я достаточно ясно объяснил?

— Не совсем, — подал голос Гвайнард. — герцог Амори Ибелен сказал, будто колдуны Черного Солнца различили использование именно магии Равновесия, а не какой-либо

другой. Что, различные формы волшебства ощущаются по-разному?

— Конечно, это же аксиома! — воскликнул Валент, не понимая, чего Гвай добивается.

— У каждой школы волшебства, будь оно белое, черное, алое или даже лиловое в клеточку, есть свой особенный «запах» заклинаний. Вы ведь можете отличить аргосское вино от шемского, зингарского или пуантенского?

— И какой же запах ты сейчас ощущаешь? — продолжал настаивать Гвайнард. — Здесь, в Арелате?

— Вполне знакомый, — Валент неопределенно подернул плечом. — Магия кхарийцев, которой так увлекся конclave Черного Солнца — особенная. Я довольно хорошо изучил ее, пока жил в Ройле. В коллекции светлейшего маркграфа есть почти все сохранившиеся гримуары времен Ахерона.

— И ты можешь... м-м... воспроизвести кхарийские заклинания? Так, чтобы они действовали?

— Ну... да.

— Так в чем же дело? — лицо Гвайнарда озарилось улыбкой. — Зачем создавать лишнюю рябь на воде? Если коринфийские маги чувствуют волшебство Равновесия, а сами вовсю пользуются магией Кхарии, создающей единое «поле» о возмущениях которого ты упомянул, то почему бы достоуважаемому Валенту Мессантийскому не последовать их примеру? Пока мы находимся в Арелате — забудь про Алье заклинания, работай с магией Ахерона! Кстати, они какого цвета? Черные, я полагаю?

— Ты окончательно спятил, — убежденно сказал Валент. — Просто не понимаешь всех тонкостей! Объясняю: волшебство Равновесия использует мощь окружающей нас природы, которая не добрая и не злая — мы черпаем силу из деревьев, камней, солнечного и лунного света, животных, людей наконец! Кхарийцы же использовали энергию, проникающую в наш мир из Черной Бездны, обители Первоздного Зла! Как бы это объяснить?.. Представьте, что обитаемая людьми Средняя Сфера Вселенной, земная твердь, это своего рода губка, впитывающая истекающую из Верхней и Нижней Сфер Светлую и Темную силу. Магические потоки сталкиваются, нейтрализуя друг друга или порождая Равновесие — когда Черного и Белого поровну, образуется вовсе не серое, а Алое! Так вот, кхарийцы умели отделять извергаемые бездной потоки Тьмы и использовать чистую, без примесей, Черную силу. Это огромная мощь — Бездна могучая, ее магия почти необорима.

— Ты нас запутал, — поморщился Хальк. — Теоретические выкладки сейчас никому не интересны. Скажи четко: сможешь ты на время позабыть о своем любимом Равновесии и бороться с противником его же оружием? Сможешь почерпнуть силу из Бездны?

— Устав Ордена Алого Пламени это напрямую запрещает, — ханжеским голосом сказал Валент. — А я являюсь главой конclave. Если уж я начну пользоваться кхарийскими заклинаниями, то что мне требовать от остальных магов Ордена?

— Клянусь, мы никому не расскажем, — приторно-ласковым тоном совратителя малолетних отозвался Хальк. — Так можешь или нет?

— Искусители... — проворчал Валент. — Так уж и быть, только ради общего блага. Поймите — я сильно рисую. Сила Бездны безгранична и очень притягательна, к ней привыкаешь, будто к ядовитому порошку лотоса. Мне решительно не нравится перспектива превратиться в черного мага. Причем это может произойти неосознанно, я и сам не пойму, что Тьма захватила мою сущность и обратила в настоящего монстра.

— А ты понемножечку, — бездушно сказал барон Юсадль и тут же повернулся к

скрипнувшей двери. — Что такое, Джигг?

Камердинер стоял на пороге с самым невозмутимым видом.

— У вас посетитель, господин барон. Он в ваших комнатах.

— Джигг, почему вы раньше не доложили? И почему пустили этого посетителя в мои покой без разрешения? Кто такой?

— Он только что прибыл, господин барон. С вашего позволения, этот месьор является вампиrom.

Я взглянул на окно — за ставнями мерцали первые звезды. Давно стемнело.

— Это Рэльгонн! — вскочил Гвай. — Очухался и переместился из подвала к нам!

— Данный вампир месьором Рэльгонном не является, — не меняя интонации сказал Джигг.

Мы переглянулись. Что за чепуха? Откуда в Арелате еще один вампир?

Всей компанией направились в покой Халька. Камердинер ничего не приукрасил — в кресле у камина и впрямь восседал незнакомый мне каттакан, весьма похожий на Рэльгонна. Только еще более безобразный, если такое вообще возможно.

— Ритагонн! — немедленно воскликнул Гвай. — Мы ждали, что ты придешь!

— Где мой племянник? — не здороваясь просипел желтоглазый упырь. — Я пытался найти Рэля по запаху мысли, ничего не получилось. Он вчера не вернулся в Рудну, мы беспокоимся. Пришлось потревожить вас — Рэль упомянул, будто отправляется в Арелату. Что с ним?

— Долго рассказывать, проще показать, — Гвайнард махнул рукой, и вышел на лестницу. Хальк, Джигг и Валент остались в комнатах, а мы вместе с упырем направились во двор, ко входу в подвал.

— Один каттакан всегда может отыскать другого, на каком бы расстоянии он бы не находился, — пояснил Гвай, когда мы зажгли факел и начали спускаться в глубокий погреб.

— Своего рода телепатическая связь. Ритагонн, ты на самом деле не можешь почувствовать мысль Рэля?

— Для этого нужно, чтобы были мысли, — сварливо проворчал упырь. — Признаться, мы в Рудне напуганы, ничего подобного раньше не случалось. Сначала подумали, что Рэль умер...

— Утром был жив, — тихо отозвался Гвай. — Его оглушил монстр-псионик, если ты понимаешь о чем я говорю. Пришлось упрятать Рэля сюда, подальше от солнца.

— Псионик? Давайте посмотрим, — озадачено сказал упырь, и наклонился над Рэльгонном, который лежал в том же положении, что и на рассвете. — Гвайнард, убери факел подальше, вдруг эта рухлядь загорится? Я отлично вижу в темноте. Так... Живой, это неоспоримо, но сознание отсутствует напрочь. Придется провести кое-какие исследования.

Ритагонн возился со своим племянничком не меньше двух квадрансов — цеплял ему на руки и на голову светящиеся призрачным синим светом коробочки, принесенные с собой из Рудны, изучал появляющиеся на них иероглифы и сквернословил так, что невоспитанному вампиру позавидовал бы любой запойный боцман-пират с Барахских островов. Судя по всему, дело у Ритагонна не ладилось.

— Чепуха какая-то! — мне показалось, что упырь сейчас сплюнет. Он посмотрел на Гвайнарда и постучал длинным ногтем по одной из шкатулок. — Знаете, что эта гадина утверждает? У Рэльгонна полностью стерта память! Полностью, понимаете? Ее соскобили, будто чернила с пергамента! Никаких знаний, никаких умений — вообще ничего не

осталось! Этого не может быть! Гвай, расскажи подробно, что вчера стряслось!

Мы, перебивая друг друга и пытаясь вспомнить любые подробности, начали повествовать о стычке с илитидом. Ритагонн слушал и кивал, потом спросил о природе этих тварей и мы рассказали ему все то, что объяснял Валент.

— Очень скверно, — проронил каттакан. — Очень! Катаанов и так считанные единицы, по пальцам можно пересчитать, а тут эдакая угроза... Воображаю, что случится если такой илитид «оглушит» всех нас! Никто ведь не сможет помочь!

— Рэльгонн выздоровеет? — без особой надежды спросил Гвайнард.

— К счастью, да. — уверенно сказал упырь. — Мы давным-давно начали записывать наши воспоминания обо всем увиденном и услышанном при помощи особого механизма привезенного из нашего мира. Как предчувствовали... Рэль последний раз делал копию своей памяти и отражения личности три ночи назад. Все можно будет восстановить, он станет прежним. Конечно, события минувших трех суток Рэль не вспомнит, но это большой бедой не является. Как, говорите, называется напавшее на него животное?

— Илитид, — повторил Гвайнард.

— Очень хорошо. Эти илитиды являются монстрами, подлежащими уничтожению Ночной Стражей?

— Ты совершенно прав.

— И ты собираешься на них поохотиться в ближайшее время?

— Мы планировали это, но тут встает вопрос о нашей общей безопасности...

— Вот что. Я обещаю вам поддержку со стороны всей моей семьи. Девять каттаканов при желании могут заменить целую армию. Илитидов следует истребить полностью — они представляют опасность не только для людей, но и для нас. А каттаканов слишком мало для того, чтобы мы могли рисковать.

— Ритагонн, как вы собираетесь принять участие в охоте? Видишь, что один-единственный илитид сделал с Рэлем? — запротестовал было Гвай, но упырь самоуверенно махнул рукой:

— Мы сумеем защититься от психонических волн. Рэльгонн просто не догадывался, с каким именно противником столкнулся, иначе был бы осмотрительнее. Вам известно, где находится логово илитидов?

— Предположительно... Это искусственные существа, порождения магии, их выращивают в магических лабораториях. Скорее всего одна из них находится рядом с Арелатой, в замке барона Астера.

— Понятно. Сейчас я прыгну в Рудну, перемещу туда Рэльгонна и мои родственники займутся восстановлением его памяти. Попозже ночью я вернусь, проведем рекогносцировку. Сколько у тебя охотников, Гвай?

— Я сам и шестеро коринфийцев из здешнего отряда Ночной Стражи. И граф Кертис.

— Замечательно! Итак, я не прощаюсь...

Каттакан легко подхватил на руки бесчувственное тело Рэльгонна и мгновенно исчез.

— Они никогда не участвовали в охоте всем семейством, — медленно сказал Гвайнард. — Обычно мне помогали Рэльгонн или его дядя, остальные предпочитали не вмешиваться. Видать упырей крепко проняло...

— Еще бы! — воскликнул я. — Представь, что в мире осталось всего девять людей, пусть и неуязвимых для других тварей. А тут появляются чудища, способные убить всех нас! Что будешь делать?

— То, чем занимаюсь уже пятнадцать лет — убивать чудищ...

* * *

Давайте посмотрим, что же представляет из себя замок Астер — основная наша цель.

Судя по доставленным Витарием из библиотеки коринфского протектора картам и планам крепости, резиденция барона Астера является самым обычным для Коринфии дворянским гнездом, практически не предназначенным для ведения серьезной войны. По моим оценкам, Астер могут с налету взять полсотни хорошо обученных бойцов без применения тяжелых осадных машин — стена низкая, холм пологий, без крутых обрывов и каменных завалов, башен всего две и расположены они неудачно — если нападающие ударят со стороны полуденного заката, боковая башня будет закрывать собой донjon и перекрестного лучного обстрела не получится. До такой роскоши как подъемный мост или ров архитектор замка не додумался.

Словом, это просто загородная резиденция не слишком богатого, но обеспеченного дворянина. С одним исключением: означеный дворянин или его приближенные балуются магией и не стесняются ее применять против собственных кметов — Гвай и Витарий были убеждены, что барон Астер (или кто там заправляет?) нарочно выпускает илитида наочные прогулки.

Подходы к замку открыты — вокруг только жиенькие кипарисовые рощи и виноградники, местность с вершины холма отлично просматривается даже ночью, поскольку сейчас полнолуние. Судя по разрозненным сведениям, которые я насобирал по городским тавернам, дружины барона Астера немногочисленна — человек тридцать. Кроме его милости в замке обитает незамужняя баронская сестрица и около десятка слуг. Всего получается не более пятидесяти человек. И это против отлично обращающихся с любым оружием восьмерых людей и мага, которым помогут девять катаканов, обладающих уникальными способностями! Не смешно, дорогие мои...

Проще говоря, замок Астер падет к нашим ногам спустя две ночи, когда все будет подготовлено. Мы специально решили подождать, поскольку в тот вечер во дворце Великого протектора Коринфии намечается большой прием по случаю коронного торжества — празднуется День Короля Нумы, основателя Немедии и все дворяне города, в том числе и приезжие, приглашаются к наместнику — принять участие в куртуазных развлечениях. Хальк и Джигг отправятся в замок и постараются чтобы их заметили как можно больше людей — надо себя хоть как-то обезопасить. А мы в это время будем варшить черные дела...

Через сутки после явления Ритагонна к нам явился выздоровевший Рэль, собственной персоной. Причем его настроение даже скверным назвать было никак нельзя — упырь, в прямом и переносном смысле, жаждал крови. Рэльгонну во всех подробностях рассказали о произошедшем и он понял, что находился на самом краю пропасти.

— Это просто чудовищно! — возглашал катакан, сидя в покоях Халька за кубком молодого красного вина. — Только вообразите, что случилось бы, не окажись у нас в Рудне механизма, копирующего воспоминания! Я бы так и валялся в вашем подвале бесчувственной колодой, а какая-нибудь добрая душа обязательно вытащила бы тело

мерзкого вампира на солнечный свет и... Даже думать об этом не хочу!

— Хвала богам, все обошлось, — с облегчением заметил барон Юсдаль. — Вы выяснили, почему ты лишился памяти? Каков механизм воздействия илитида?

— Такое прозвучит странно, но каттакан почти в сотню раз восприимчивее к психонической магии, нежели человек, — ответил Рэльгонн. — Не обижайтесь, но мы гораздо более развиты, наша раса намного старше человеческой и, соответственно, у каттаканов очень восприимчивая... э... душа. Мы это называем «нервной системой». В этом отношении мы чувствительнее людей, если угодно — нежнее. Илитид сначала оглушил меня психонической волной и успел «высосать» мои воспоминания, которые по большому счету тоже основаны на психонике. Тварь попросту «пообедала» моими мыслями. Ясно?

— Вполне, — вздохнул Гвайнард. — Ритагонн что-то говорил о некоей защите против илитидов, которую вы сможете использовать во время нападения на замок Астер. Можно подробнее? Дело в том, что Валент собирается укрыть нас каким-то магическим куполом, о котором вычитал в кхарийской книге, а я не особо доверяю ахеронскому колдовству.

— Наша защита человеку никак не поможет, — отрицательно покачал головой упырь. — Мы используем механику, которая действует только на каттаканов...

Тут в янтарных глазах Рэльгонна вспыхнул нехороший золотой огонь и упырь мстительно усмехнулся:

— Можете не беспокоиться. Пока вы будете ждать у ворот, мы устроим в Астере такой запоминающийся спектакль, что хозяева замка и через год будут просыпаться в холодном поту и звать маму! Каттаканы не лишены чувства прекрасного, а посему мы постараемся подтвердить репутацию кошмарных кровавых упырей. Думаю легенды о нашем появлении в резиденции барона Астера будут ходить по Коринфии не одно десятилетие. И, что характерно, никто не заподозрит в нападении вас — внимание будет привлечено только к клыкастым вампирам, злонамеренно устроивших погром и жуткую оргию в замке ни в чем не повинного барона!

— Только не перестарайтесь, — фыркнул Гвайнард. — И очень прошу, без лишнего членовредительства! Нам не нужна гора трупов!

— В случае прямого нападения, особенно магического, мы будем вынуждены защищаться!

— Это пожалуйста, но... Лучше обойтись без больших жертв.

— Полагаю, после первого же нашего появления, большая часть обитателей замка разбежится кто куда, теряя штаны на ходу! Остальное — ваша забота!

* * *

«Нашей заботой» было истребление чудищ, разгром магической лаборатории и задушевная беседа с живущим в Астере колдуном, буде удастся такового поймать. Однако, Хальк высказал пессимистичную мысль, что, возможно, мы ошибаемся и ничего в замке не обнаружим. Валент тут же опроверг необоснованные догадки месьора библиотекаря, заявив, что магическое поле вокруг Астера напряжено и нет никаких сомнений в том, что за стенами маленькой крепости трудится волшебник, использующий магию кхарийцев. Я был

более склонен верить Валенту.

Хальк Юсдаль, разряженный в дорогой бархатный колет с золотой баронской цепью, отбыл во дворец протектора — праздновать День Нумы. Джигг, как верный камердинер, поехал сопровождать господина. А мы с Гваем и Валентом дождались сумерек и вновь отправились к Бельверусскому тракту, где уговорились встретиться с Витарием и его отрядом. За нами не следили, а если следили, то весьма умело — я проверял несколько раз, но увязавшегося вслед шпиона не обнаружил.

По договоренности с каттаканами мы должны были появится возле Астера между восходом луны и наступлением полуночи. Ждать следовало шагах в трехстах от ворот замка, скрываясь в тени кипарисов. Как только упыри завершат вступительную часть своего представления, к нам сразу же переместится Рэльгонн и проводит к воротам.

Гвайнард успел предупредить, что каттаканы вполне способны учинить весьма впечатляющую феерию, используя как свою врожденную магию, так и механику. И тем не менее все до единого охотники месьора Витария вкупе с вашим покорнейшим слугой оказались совершенно неподготовленными к случившемуся. Никогда бы не подумал, что такое вообще возможно — спектакль Рэльгонна и его сородичей можно было отнести к области чистейших сказок...

Приближалась полночь, мы оставили лошадей в роще и стали ждать. Валент попутно выдал каждому по весьма странному амулету, над изготовлением которых трудился последние сутки — выглядели они бесформенным комком черного металла на которых было выгравировано по сложному иероглифу, которые я однозначно распознал как кхарийские. Гвай сразу сказал, что надевать эту пакость на шею он не станет — магия Ахерона находится в полном противоречии с заключенным в медальоне Ночной Стражи охранным волшебством Пелиаса из Кофа. Все прочие охотники последовали примеру Гвайнарда и запрятали амулеты в пояса.

Если верить Валенту, маленькие слитки создавали единую цепь, способную уберечь нас от исходящих от илитидов оглушающих волн — на каждый амулет наложено соответствующее заклятье. Одна беда — охотники должны держаться вместе и не отходить друг от друга дальше, чем на полтора десятка шагов, иначе защитная цепь разрушится.

— Ага, вот и Рэльгонн со своими... — сказал Гвай, расслышав донесшийся откуда-то сверху тонкий писк, более приличествующий не разумному каттакану, а летучей мыши, вытянув руку, указывая в сторону замка. — Левее, со стороны холма!

Сначала мне показалось, что в звездном тумане над Астером кружат несколько огромных птиц со светлым оперением. Но когда одна такая «птичка» вдруг резко скользнула вниз и со свистом рассекла воздух прямо над нашими головами, стало ясно, что я ошибся. Каттаканы изменили форму тела и теперь походили на гигантских нетопырей с перепончатыми крыльями и зубастой головой с пылающими тусклым золотом глазищами — выглядит чудовищно! Но зато теперь Рэльгонн и его любящие родственники могут летать...

— Начинается, — зачарованно пробормотал Витарий. — Нет, вы только посмотрите!..

Каттаканы (всего их было восемь, а не девять — один на всякий случай остался в Рудне) поднялись на высоту пятисот-шестисот локтей, выстроились в цепочку и начали описывать над Астером широкие круги. Внутри кольца неожиданно образовался туман, сначала белесый, потом сероватый. Тучка постепенно набухала, темнела и наконец превратилась в тугое бурлящее облако, в глубинах которого мелькали неясные голубые и фиолетовые вспышки. Стой упырей внезапно распался, они опустились ниже, а облако вдруг исторгло

несколько самых настоящих молний, ударивших по башням замка и в деревья неподалеку от ворот. Один из кипарисов вспыхнул, по округе разнесся гулкий раскат грома.

Дальше началась такая невероятная иллюминация, что я залюбовался. Упыри очень старались как можно эффектнее обставить свое появление, душу вкладывали — молнии, непрерывный и очень грозный рокот грома, россыпи искр, мертвенно зеленоватое сияние над замком, какие-то мерзкие призраки, сотканные из прозрачного тумана... Добавим сюда жутчайшие завывания и взвизгивания каттаканов быстрыми тенями шнырявшими над самыми стенами.

В Астере началась тихая паника. Окна-бойницы в жилой башне осветились, по периметру стен замелькали факелы, сквозь рычание колдовской грозы до нас доносились испуганные крики и сухие щелчки арбалетов.

Прямо перед нами на траву с размаху бухнулся Рэльгонн. Боги, да встреть я такого монстра еще две-три седмицы назад, бежал бы без оглядки! Скользкая синюшно-белая кожа, широкие крылья с коготками, крошечные задние лапки, в которые превратились ноги. О пасти, весьма смахивающей на акулью, лучше вообще не говорить — замечательные конические зубы упыря отражали взблески молний и делали его похожим на демона, вылезшего из самых кромешных глубин Черной Бездны. На голове каттакана красовалось некое подобие легкого пехотного шлема-шапеля, что придавало его носителю слегка комичный вид. На «шлеме» мерцали изумрудные огоньки — видимо, это и была защита каттаканов от психической магии.

Рэльгонн приподнялся, опираясь на крылья, улыбнулся (лучше бы он этого не делал, честное слово!) и сипло пролаял:

— Бегом к воротам! Дядюшка со своими сыновьями захватил надвратную башню и выкурил оттуда стражу! Оттуда немедля направляйтесь в донjon, кажется то, что нас интересует находится именно там!

— А ты? — рявкнул Витарий.

— Я полетел развлекаться дальше... — Рэльгонн сделал несколько неуклюжих прыжков, развернул крылья, поймал теплый поток воздуха и по плавной кривой взмыл в небо. Сверху донеслось: — Быстрее, олухи! Нельзя терять фактор внезапности!

Когда мы примчались к воротам, выяснилось, что правая створка отворена, а людей поблизости не наблюдается. Я только выругался, когда одна из молний ударила в барбикен и на нас посыпалась каменная крошка. Под аркой нас встретил Ритагонн, вновь принявший человекоподобный облик и закутанный в неизменную черную хламиду. Голову венчает шлем, такой же как у Рэля.

— Двор полностью очищен, — быстро проговорил каттакан. — Никаких илитидов пока не наблюдается, но из башни нас пытались атаковать огненными шариками... Не попали, к счастью! Будьте осторожны, мы вас прикроем!

Каким образом упыри «очистили» двор я предпочел не спрашивать. Потом выяснилось, что большую часть стражи каттаканы перенесли через Ничто в лес, лиги на три к восходу от замка — никто из баронских вояк не мог заметить, как рядом с ним на мгновение появляется неясная черная тень, хватает за плечо или руку, швыряет сквозь пространство незнамо куда, а потом столь же быстро исчезает. Над полагать, впечатления у дружинников его милости остались сильные и запомнились надолго...

Неожиданности начались прямиком на первом этаже донжона. Едва мы успели подбежать к дверям, Валент одновременно ухватил меня и Гвайнарда за одежду и взвыл:

— Ни шагу дальше! Стоять!

— Да в чем дело-то?!

— Защита! Магическая защита! Я ее чувствую! Витарий, дай сюда арбалет!

Стальной болт улетел в оранжевую полутьму, ударили в камень и со звоном откатился в сторону. Ничего не произошло.

— Наверное, реагирует только на живую плоть... — поморщился Валент. — Войдем, и сгорим!

— Не сгорим, — яростно отозвался Гвай. — Илитиды — живые? Живые! А этой скотине на твою защиту наплевать с крыши донжона!

Здравствуйте... В глубине коридора ведущего в башню появилась чуть освещенный развешанными по стенам масляными лампами окружный силуэт, плавно и неторопливо летевший в нашу сторону. Тварь в точности походила на зверюгу, виденную нами возле хутора Тарн несколько ночей назад — летучий мозг с клювом, щупальцами и небольшими глазками.

— Ну, Валент, проверим, как действуют твои обереги, — процедил Гвайнард. — Ты можешь нанести по нему удар магией?

— Попробую...

Волшебника опередили — илитид атаковал первым. Мы внезапно почувствовали резкую боль в затылке, в голову словно раскаленное шило воткнули. Сознание, однако оставалось ясным — психическая волна почти не задела людей. Охотники ответили залпом арбалетных стрел.

Илитид тонко заверещал — болты попали в его «мозг», а уклониться от выстрелов как в прошлый раз не получилось, коридор был слишком узким. Чудище дернулось, отпрянуло на несколько шагов назад, потом испустило новую волну, которая лишь на мгновение усилила головную боль.

— Отходим! — рявкнул Валент. — У него инстинкт, илитид обязательно начнет нас преследовать! Давайте же!

Мы попятались, отступая к ступенькам большого каменного крыльца. Зверюга не раздумывая полетела вслед за нами.

Ф-фух! На мгновение меня ослепило вспышкой болезненно-розового огня появившейся в коридоре. К подошвам сапог упало что-то липкое и скользкое, похожее на скверное желе.

— Я ж говорил... — выдохнул Валент. — Илитид напоролся на защитное заклятие и его разорвало на мелкие лоскутки! Заклинание снято! Гвайнард,пусти меня вперед!

Хлюпая подошвами сапог по растекшейся в коридоре луже противной слизи, мы пробежали к лестнице ведущей наверх. Нигде ни души — уставленная деревянной резной мебелью и украшенная дорогими гобеленами главная зала первого этажа пустовала. Ни военных, ни прислуго — все разбежались!

...Если вы никогда не видели поединок с использованием боевой магии, то многое потеряли. Это зрелище не только опасно, но еще и очень красиво.

Импровизированный штурм донжона мог бы обойтись нам очень дорого хотя бы потому, что с разъяренными и напуганными колдунами лучше не шутить. Едва отряд очутился на нижней площадке широкого каменного всхода, как на нас обрушился град жгучих синих огней, запросто проплавлявших гранитные плиты лестницы. Спасибо Валенту — вовремя среагировал! Волшебник мигом образовал перед собой некое подобие полупрозрачного круглого щита диаметром в четыре локтя, который поглощал колдовское пламя. Затем глава

ордена Равновесия ответил супостату своим заклятием, образовавшим сияющую режущим глаз светом сеть, опутавшую неясную фигуру, что стояла на верхних ступенях лестницы.

Новое заклинание — и сеть рассыпалась искрами, а по нам ударили малиновой молнией, которую магический щит Валента едва сдержал. Начало сильно пахнуть грозой и потянуло обжигающим холодом — верный признак того, что в действие пошло исключительно мощное темное колдовство. Заклинания сталкивались меж собой, переплетались, образуя радужные вихри и кольца багрового огня. Охотники вместе со мной укрылись за каменными статуями и перилами лестницы, один только Валент продолжал настойчиво отражать атаки противника, пытаясь обратить того в бегство или заставить сдаться.

Не смотря на то, что поединок продолжался очень и очень недолго, не более четверти квадранса, я промерз до самых костей, а на граните появился толстый слой инея. Воздух потрескивал от пронизывавшей его магии, главная зала донжона сияла многоцветными огнями и сотрясалась от грохота. Я начал понимать, с какой невероятной силой мы столкнулись. Это уже не шутки...

Нергал вас всех забери, где же каттаканы? Почему не помогают?

А каттаканы — вот они! Внезапным окончанием колдовской баталии мы были обязаны исключительно сородичам Рэльгонна, применившим свою тактику, как выяснилось, куда более действенную, чем наша. Один из упырей на краткий миг выпрыгнул из Ничто рядом в Валентом и куда-то его переместил. Полагаю, находившийся наверху маг Черного Солнца оказался немало озадачен столь неожиданным исчезновением врага. Еще мгновение спустя дядюшка нашего дружка-вампира материализовался за спиной супостата и без всякого смущения от души приложил ему по загривку короткой деревянной дубинкой со свинцовым наконечником.

И всё. Наступила тишина.

— Ф-фу... — Валент, сопровождаемый незнакомым упырем (наверное, одним из сыновей Ритагонна) вывалился из-за ближайшей колонны и вытер рукавом пот со лба. — Чтоб я еще раз применил кхарийскую магию?! Да ни за какие деньги! Эти заклинания едва меня самого не отправили на Серые Равнины! Гвай, Кертис, Витарий, чего встали, как столбы? Проверьте, что творится наверху!

А наверху, с весьма самодовольным и помпезным видом стоял месьор Ритагонн, картинно поставивший одну ногу на поверженного врага.

— Я знаю, что это нечестно, — невинным тоном сказал каттакан, когда мы поднялись и обступили инертное тело колдуна. — Но что еще прикажете делать? Ведь надо было положить конец этому безобразию? Вы, почтеннейший Валент, едва не разнесли замок по камушку...

Мы невольно шарахнулись в сторону, когда из пустоты внезапно появились еще трое каттаканов во главе с Рэльгонном. Упырь невозмутимо отрапортовал:

— В замке кроме нас больше никого нет. Прислуга и стража будут еще долго гадать, где они оказались. Ничего с рассветом разберутся, не так уж и далеко мы их перебросили. В покоях месьора Астера пусто, лошадей в конюшне нет — надо думать, барон куда-то уехал.

— Наверное, он в Арелате, на празднике у протектора, — предположил я. — Рэль, мы осмотрим замок, а вы наблюдайте за окрестностями. Нежданные гости нам совершенно не нужны!

— Договорились...

Рэль и прочие каттаканы кроме Ритагонна сгинули, а я присел возле закутанного в синий плащ бессознательного мага и перевернул его на спину. Охотники дружно присвистнули.

Женщина. Довольно молодая, по крайней мере не старше тридцати лет. Привлекательная, лицо дворянское, породистое. Ничего себе! Я-то, болван, всегда полагал, что магия является исключительно мужским ремеслом!

— Нечего тут церемониться, — проворчал Витарий, увидев озадаченное выражение на моем лице. — Пока магичка не очнулась, давайте обезопасим себя от возможных неприятностей.

Охотник покопался в своей сумке и извлек оттуда серебряные кандалы необычной формы. Нечто похожее я видел раньше у нас в Латеране — каждый палец мага охватывается тяжелым серебряным кольцом, которые скованы меж собой цепочкой. Такие оковы не позволяют колдовать — творить заклинания со скованными серебром руками невозможно.

— Она еще долго не очнется, — со знанием дела сказал Гвай, осмотрев зрачки женщины. — Ритагонн, разве нельзя было бить полегче?

— Я хотел, чтобы наверняка...

— И едва не убил. Ладно, пусть пока лежит здесь, Витарий, присмотрите за ней... Лаборатория скорее всего на этом этаже. Очень прошу, будьте осторожны!

Мы сунулись в ближайшие от верхней лестничной площадки двери и сразу очутились там, где нужно. Значит, вот откуда появляются илитиды!

На классическую лабораторию мага этот зал походил довольно мало. Не было затянутых паутиной мрачных углов в которых шевелятся таинственные неясные тени, не наблюдалось пыхающих синим пламенем атаноров, черепов с драгоценными камушками вместо глаз или обязательного чучела крокодила повешенного под потолком. Громадная комната выглядело значительно оригинальнее.

Вне всякого сомнения, взрослых илитидов здесь не было — единственная тварь содержавшаяся в замке глупо погибла от охранного заклинания своей же хозяйки. Скорее всего илитид обитал днем в большой клетке, стоявшей в дальнем углу залы — дверца оказалась распахнутой. А вот на длинных столах ровными рядами стояли округлые сосуды желтоватого стекла, в которых шевелилось нечто живое...

Валент осторожно взял в руки одну из колб, которая была размером с голову взрослого человека, и всмотрелся. В прозрачной жидкости плавал маленький илитид, еще слепой — вместо глазок белели два крошечных шарика. Клюв был длиной с мой мизинец, щупальца слабо подергивались.

— Гадость какая... — брезгливо скривился волшебник. — На каждую колбу наложено заклинание, развивающее способности илитидов к психонике. Эти младенчики довольно скоро выпнутся, точнее будут готовы покинуть питательную жидкость и начать жить самостоятельно. Пока что они беспомощны, но если пройдет еще полторы седмицы, мы столкнемся с целым войском этих тварей!

— Войско-не-войско, но илитидов тут хватает, — отозвался Гвай, расхаживавший вдоль столов. — Я насчитал шестьдесят четыре сосуда. Это много или мало?

— Очень много, — грустно сказал Валент. — Десятка тварей хватит, чтобы уложить на месте три пехотных легиона! Ну а с шестьдесятю илитидами я бы смело отправился на завоевание мира! Митра Всеблагой, зачем Черному Солнцу столько этих зверюг? Для чего?

— Пожадничали, — высказал здравое предположение Витарий. — А может быть,

большинство малышей погибает после... э... рождения? Предлагаю сжечь здесь все к демоновой матушке! Валент, ты можешь уничтожить замок магией? Желательно, кхарийской — чтобы колдуны Черного Солнца начали подозревать в нападении на Астер своих же собратьев.

— Белое Пламя Оридата, — поразмыслив, сказал волшебник. — Одно из мощнейших заклятий боевой магии Ахерона... Правда, силы уйдет безмерно, придется отсыпаться три дня. Но зато от замка даже пепла не останется!

— Тогда действуй, — бросил Витарий. — Один вопрос: что делать с магичкой? Кстати, вы заметили медальон у нее на шее? Герб барона Астера. Уверен, это сестра его милости!

— Не убивать же, — проворчал Гвайнард. — Сначала надо порасспросить, что да как... Меня осенило. Развернувшись на каблуке, я обратился к упырю:

— Ритагонн, эта красавица наверняка состоит в конclave Черного Солнца и должна много знать! Вы можете немедленно доставить ее в Тарантию? В любящие объятия барона Гленнора?

— Отличная мысль, это выход! — тотчас воскликнул Гвай. — Если Валент уничтожит замок, другие маги Черного Солнца подумают, что женщина погибла и не станут ее искать!

— Уговорили, — без всяких возражений согласился упырь. — Только меня придется сопровождать — в отличие от Рэльгонна я никогда не был в Тарантии.

— Хорошо, хорошо, — я поднял ладони в знак согласия. — Переместимся прямиком в поместье Латерана, это главная резиденция тайной службы. Сдадим нашу подружку куда следует, я быстро переговорю с Гленнором и сразу вернемся обратно.

— Эй вы, надо быстро сворачиваться! — вот и Рэльгонн, легок на помине — выскоцил из Ничто рядом с дядюшкой. — Если не поторопимся, нам светят большие неприятности!

— А именно? — насторожился Гвай.

— Как ты и приказал, мы летали над окрестностями и Арелатой, наблюдали. Из города в нашем направлении вышел большой конный отряд, не меньше пятидесяти всадников. Идут на галопе по Бельверусскому тракту, направляются к Астеру. В самой Арелате зашевелилась городская стража. Черное Солнце каким-то образом узнало о захвате замка, сомнений в этом нет. Вам надо немедленно возвращаться в «Горного Орла» и сделать вид, что вся компания мирно дрыхла и знать ничего не знает...

— Ясно, — я принял решение мгновенно. — Рэльгонн, пусть один из твоих родственников сейчас же переместит Витария и его Ночных Стражей на постоянный двор. Валент, сколько времени потребуется на уничтожение замка?

— Не больше квадранса.

— Отлично! Ритагонн, ты останешься с нами, а Рэль отправит магичку в Аквилонию — он бывал в Латеране и знаком с бароном Гленнором. Наших лошадей придется переправить в город, к счастью они отдохнули и не выглядят взмыленными... Что застыли, начинаем работать!

Мы управились меньше, чем за четверть колокола. Рэль взял доселе не пришедшую в себя колдунью на руки и отбыл в Тарантию. Витария сотоварищи упыри отправили домой, прямиком в их комнаты расположенной на окраинах Арелаты скромной таверны. Мы с Гвайнардом и Ритагонном занялись лошадьми — переместили коней в стойло при «Горном Орле», мгновенно расседлали и каттакан сразу отправил нас в наши покои — не хотелось оказаться замеченными мучимыми бессонницей постояльцами или сторожем постоялого двора. Еще несколько мгновений спустя в комнате материализовался один из сыновей

Ритагонна вместе с Валентом. Маг выглядел очень устало.

— Сделал? — бросился я к волшебнику.

— Подойди к окну, заклинание вот-вот должно сработать... — прохрипел Валент. — Отсюда будет видно.

Гвай сразу распахнул ставни и взгляделся в ночную тьму. Ничего не происходило. Луна, окруженная красноватым ореолом, спускалась к горам, мелькали редкие метеоры и холодно горело раскинувшееся на половину неба созвездие Меченосца. До рассвета оставалось не меньше трех колоколов.

— Ты ничего не перепу... — начал было я, но Валент лишь тяжело вздохнул и сжал мое запястье.

— Боги, что же это такое? — ахнул я, глядя в окно.

— Кхарийцы были великими искусствниками в области боевой магии, — прошептал волшебник. — Но как это ужасно...

Вначале я подумал, что солнце решило изменить привычный строй мироздания и взойти со стороны Заката. Неподалеку от города вспыхнуло золотисто-белое полушарие чистого огня, на несколько мгновений в Арелате стало светло, будто в ясный полдень. Даже на расстоянии четырех лиг от света пламени слегка обжег кожу на моем лице и заставил долго протирать глаза. Вокруг огненного купола распространилось несколько розово-оранжевых колец, тут же растворившихся в горячем воздухе. Когда свет начал меркнуть, город сотрясся от тяжелого гула, идущего словно бы из самых глубин земли.

— Ты опасный человек, Валент, — растерянно сказал я, наблюдая за вздымающимся к небу облаку дыма, смешанного с жидким пламенем. — Неужели все это — твоя собственная сила?

— Не моя, — мотнул головой волшебник. — Я лишь открыл проход между самым сердцем Огненной Бездны и замком Астер. На один-единственный миг. Бездна выбросила в наш мир ничтожную частицу своей беспредельной мести. Впервые это заклинание использовал Оридат, самый знаменитый маг Ахерона... Как я устал! Кертис, даже если сегодня начнется великая Битва Богов и наступит конец мира — меня не будить!

Валент проковылял к своей кровати, с трудом сбросил верхнюю одежду и сразу рухнул на чистые льняные простыни. Заботливый Гвайнард укрыл мага шерстяным пледом.

— И что теперь? — поинтересовался охотник.

— Ложимся спать. Я уверен, что скоро прибежит городская стража. Мы должны выглядеть заспанными. Лошадей Халька и Джигга я на конюшне не заметил, значит они еще не вернулись из замка протектора. Тем лучше, будет меньше подозрений. Кажется, мы сработали чисто, не подкопаешься.

— Хотелось бы в это верить!

— ...А вы и не верьте, дражайший месьор Гвайнард!

Когда я услышал этот голос, мое сердце незамедлительно кануло куда-то в область левой пятки.

За моей спиной стояли довольно лыбящийся Рэльгонн, чья клыкастая пасть сейчас показалась мне особенно отвратительной, и... И барон Данкварт Гленнор, обожаемый начальник и бессменный глава тайной службы Трона Льва. Ему-то что здесь понадобилось?

— Кертис, тебя следовало удавить еще в колыбели! — не соизволив поздороваться безапелляционно высказался господин барон. — Я знаю, что ты способен на самые безумные выходки, но то, что вы устроили нынешней ночью переходит все мыслимые

границы! Месьор Рэльгонн мне все рассказал. В подробностях. После этого я решил слетать в Арелату и лично высказать свое неудовольствие.

— Ваша милость распорядились действовать в соответствии с обстоятельствами, — я попробовал напустить на себя самый безмятежный вид. — Таковые обстоятельства требовали незамедлительного вмешательства.

— ...А маги Черного Солнца теперь станут втройне осторожны, — проворчал Гленнор.
— Ты поставил под угрозу тщательно разработанную операцию, балда! Но за пленение магички — спасибо. Это тебя отчасти извиняет. С ней сейчас сидит лекарь, как только она станет вменяемой, начнем работать... И вот еще что. Будьте крайне осмотрительны. Началась война. В Аквилонии.

— Что? — поперхнулся я. — Уже? Когда?

— В ваше захолустье новости приходят с опозданием. Король и гвардия короны направились в Полуденный Пуантен. Мятеж подняли сразу четыре графства, пожар скоро перекинется на Немедию и Коринфию — Черное Солнце будет вынуждено действовать. Вот такие у нас дела, любезный граф... Впрочем, мне надо возвращаться. Берегите себя.

Гленнор повернулся к Рэльгонну и упырь молча коснулся вытянутых ладоней господина барона. Мгновение спустя они были уже в Тарантии, за сотни лиг от столицы Коринфского протектората.

— Кертис, боюсь поспать нам не удастся, — сказал Гвай, прислушиваясь к донесшемуся со двора грохоту. В окнах мелькали факельные отсветы. — Кажется, в ворота колотятся? Руку даю на отсечение — это стражи Арелаты!..

Эпилог

Второй рассказ Зенобии СУМРАЧНЫЙ ПОЛДЕНЬ

4 день третьей осенней луны 1296 г.

Окрестности Толозы.

Окружающий меня пейзаж в точности напоминает миниатюры из трактатов по военному искусству, раздел повествующий о штурмах и осадах крепостей. Если посмотреть с небольшой возвышенности, на которой установлены шатры короля и его легатов, то справа мы увидим восемь здоровенных требушетов — метательных машин, способных швырнуть круглое каменное ядро диаметром в три локтя на расстояние двухсот шагов. Слева от холма трудятся гвардейские механики, распоряжающиеся согнанными из ближайших деревень простецами, которые возводят осадные башни. В близлежащем лесу непрестанно стучат топоры — армии необходимо много дерева. Поодаль пасутся коровы стада — Конан распорядился забрать с каждого вилланского двора по корове или быку, их сырьими шкурами будут обиты осадные башни, а мясо пойдет на пропитание войска.

Если же смотреть прямо, то взгляд упрется в стены мятежной Толозы.

Сейчас утро. Несмотря на то, что началась последняя луна осени, в Полуденном Пуантене стоит ясная и теплая погода, заморозки случаются только ночами, но иней исчезает сразу после рассвета. Огромный лагерь гвардии короны просыпается — позавчера подошел пеший легион, разместившийся к полудню и полуденному восходу от города, общая численность нашего войска вплотную подошла к четырем тысячам клинков.

Паллантид утверждает, что этой армии будет вполне достаточно, чтобы усмирить бунтовщиков и без серьезных потерь взять город, но Конан только хмурится и качает головой — муж признался мне, что у него появились нехорошие предчувствия. Обычно, врожденное чутье киммерийца на опасность его не подводило, но я тешу себя надеждой, что у Конана сейчас просто скверное настроение и нам не о чем беспокоиться. В конце концов, скоро должны подойти подкрепления — соколиная почта подтвердила, что два из четырех легионов с немедийских границ уже выдвинулись на Полдень.

И тем не менее гвардия начала возводить «правильный» полевой лагерь — нечто наподобие временной крепости, способной задержать противника в случае нападения. Вокруг выстроенных квадратом палаток насыпается вал, который укрепляется бревнами и отточенными кольями, по углам ставятся башенки, за валом по периметру ставятся катапульты. Взять подобное укрепление с налету силами конницы или пехоты невозможно.

Толоза насплошь молчит и огрызаться вылазками пока не собирается — горожане и запершаяся в городе часть воинства графа Раймона понимают, что связываться с лучшим гвардейским легионом Аквилонии бесполезно. Даже если у мятежников будет двойной численный перевес, они не смогут выиграть ни мелкие стычки, ни сражение. Силенки не те. Установленные на башнях катапульты и баллисты до лагеря Драконов не достают, а потому обе стороны потерь еще не понесли.

Раймон доселе отсиживается в своем замке на полуночном берегу реки. Нарбонет пока находится в безопасности — Конан и Паллантид решили, что распылять наши силы и одновременно начинать осаду города и замка бессмысленно, особенно если учесть, что

Нарбонет очень велик и замечательно укреплен. В любом случае замок окажется в кольце — стоит лишь дождаться появления дополнительных войск. Излишней суэты вокруг Нарбонета не замечается, только изредка проскальзывают ворота всадники, приезжающие со стороны Заката. Раймон скорее всего пытается собрать армию из своих ленников, но пока наши дальние дозоры не замечали ничего подозрительного — в округе спокойно.

Конана очень беспокоит положение в цитадели Толозы — вчера, рядом с королевским знаменем Аквилонии, на главной башне появился черный флаг, означающий, что графу Люксэ и его людям приходится туда и они просят о немедленной помощи. Договориться с горожанами мы не сможем, особенно после того, как магистрат и военные не выполнили ультиматум короля и не сдали город без боя. Следствием стала показательная казнь девятнадцати старшин и вигуэров явившихся к королю для переговоров. Их смерть, несомненно, произвела на горожан самое дурное впечатление — они поняли, что пощады не будет и решили обороняться или ждать помощи от графа Раймона.

Я доселе жалею, что не убедила Конана отменить казнь заложников. Он тогда упрямо заявил, что никаких разговоров с бунтовщиками, убийцами и лицемерами вести не намерен, а потому, если поставленные королем условия (открыть ворота, впустить в город гвардию короны, выдать главарей мятежа и жрецов-фатаренов) не будут немедленно выполнены, то Толоза на своей шкуре узнает, что такое пресловутый «монарший гнев». Времени на раздумья было дано предостаточно — полный вечер, ночь и утро. Но по каким-то причинам город решил пожертвовать почти двумя десятками самых уважаемых граждан и сдаваться отказался. Не исключено, что большую роль в этом сыграли предводители еретиков — Аньес рассказала, что фатаренов в Толозе более чем достаточно и они имеют сильное влияние на умы людей.

Митрианские монахи ордена Вечного Солнца под предводительством брата Бернарта Монеды из Зингары тоже не сидели сложа руки. В деревнях около Толозы было выловлено несколько проповедников учения пророка Мэнхса, причем четверо оказались «Совершенными», то есть жрецами высшего посвящения. Всех еретиков гвардейцы немедля отправляли в наш военный лагерь, предварительно заковывая в кандалы. Монахам же предстояло разобраться, что представляют из себя «Совершенные» и можно ли обвинить их в запрещенном законами Аквилонии поклонении Тьме. Если это обвинение будет доказано, то кара будет неизбежной...

Не далее как вчера вечером в королевском шатре состоялся примечательный разговор, при котором мне довелось присутствовать. Перед самым закатом брат Бернарт попросил аудиенции у Конана и был немедля препровожден к королю.

— ...Когда фатарены появились в Зингаре, мы быстро вытравили эту заразу, ересь не успела распространиться так широко, как в Пуантене, — говорил монах, усевшись напротив киммерийца. Я тем временем налила гостю вина, но Бернарт отказался, сославшись на аскетические правила своего ордена. — Мы предполагали, что у смутьянов есть четкая иерархия, что они пользуются некоей магией, но... То, что мы выяснили за минувшие дни, приводит меня в ужас.

— Подробнее можно? — мрачно вопросил Конан.

— Фатарены неспроста завоевали симпатии простого народа. В отличие от многих не самых благочестивых жрецов-митрианцев они не ищут богатства и никогда не принимают приношений в виде денег...

— А как же дворянские земли и поместья переданные секте? — удивилась я.

— Этим занимаются не «Совершенные», а так называемые «Верные». Расскажу чуть позже. Так вот, высшие жрецы не берут денег, ведут самый непорочный и чистый образ жизни, дают обет не убивать животных и не есть их мяса — верования фатаренов гласят, будто в теле зверя может быть заключена человеческая душа, на сумевшая уйти в бесплотное царство Истинного Света. Ходят всегда пешком и в паре — чтобы один из жрецов никогда не оставался наедине со своими помыслами, которые благодаря велению греховной плоти могут стать нечистыми... Все они девственны и отрицают плотскую любовь, поскольку она порождает новую плоть, в которую будет заключен не оскверненный материей дух. «Совершенные» искренне верят в учение Мэниха и следуют его заветам, они готовы простить каждому человеку его прегрешения, потому, что в них виновна не душа, а плоть.

— Тебя послушать, так получается, что они истинные святые, — усмехнулся киммериец.

— Но то, что происходит здесь, указывает на прямо противоположное. Не думаю, что монахам твоего ордена захотелось бы оказаться в одном из монастырей Толозы три седмицы назад!

— Все верно, — склонил голову Бернарт. — Проповеди «Совершенных» — это только первая часть поистине демонического плана главарей секты! Самое неприятное состоит в том, что высшие жрецы провозглашают свои верования единственно истинными! Митра, Иштар и прочие боги недостойны поклонения, ибо они сотворили тварный мир, наполненный страданием и смертью. Следовательно, надо отречься от злых божеств и обращаться единственно к Свету. Статуи богов фатарены считают идолами, храмы являются капищами, в которых возносятся хвалы торжеству тленной плоти, всякая власть для них — очевидное зло, ибо обладание ею противоречит основной идеи учения: отречению от материи в пользу духа. А это означает прямой призыв к безвластию, безначалию, к неповиновению. Другими словами — к хаосу.

— Добавим сюда запрещение рожать детей и создавать что-либо своими руками... — Конан шепнул под нос такое словечко, что я покраснела. По счастью брат Бернарт ничего не рассыпал. — Это учение полностью противоречит всей природе человека! Если все начнут думать так, как эти самые «Совершенные», род людской за одно поколение придет в упадок и вымрет!

— Именно, — кивнул монах. — Но «Совершенных» немного и в их обязанности входит унавоживать почву для «Верных», которые приходят им на смену. Это уже не просветленные проповедники, а дельцы, которые начинают нашептывать: «ради возвращения к Свету откажись от семьи, земли, золота...» И ведь отказываются! Некоторые особо ярые приверженцы учения Мэниха заканчивают жизнь самоубийством — избавляются от плотской тюрьмы, в которой заключена душа. Имущество передается «Верным» — якобы для обустройства храмов или школ для последователей учения, дабы они принимали жреческое посвящение и далее несли людям благую весть о Вечном Свете.

— «Совершенных» можно обвинить напрямую? — подался вперед Конан. — В поклонении Тьме? Так, чтобы ни один стряпчий не подкопался?

— Вполне можно, — согласился ученый монах. — Они признают Тьму и верят в ее силу. Остальное — дело казуистики. Можно еще добавить обвинения в оскорблении величества — я уже сказал, что государственную власть фатарены не признают и призывают не подчиняться ей.

— Так что же вы медлите? — хищно бросил король.

— Смертный приговор должны выносить светские власти, — пожал плечами Бернарт.

— В нашу задачу входит лишь установить виновность преступника. Доказать не сложно, опыт есть.

— Когда будут готовы бумаги — принеси, я подпишу, — тяжело сказал Конан. — Удалось выяснить, где находятся те, кто руководит «Совершенными»? Верховные жрецы?

— Пока нет, однако мы близки к разгадке... Где-то в горах Пуантена существует их гнездо, нечто вроде главного храма. Но пойманные жрецы запираются, не хотят говорить.

— Отлично, — буркнул Конан. — Я пришлю к вам нескольких ребят из «Черного Беркута». Будь уверен, они сумеют разговорить фатаренов за половину колокола.

Бернарт насупился и поджал губы. Сказал:

— Если ваше величество позволит, я хотел бы продолжить воздействовать на «Совершенных» убеждением и словом.

— И что, удается переубедить?

— Увы, пока нет. Они тверды в своих заблуждениях.

— Даю тебе два дня. Если не будет результатов, придется убеждять еретиков другими методами.

Жрец Митры молча поклонился и вышел из шатра. Конан уставился на меня.

— Дженна, что ты обо всем этом думаешь?

— Предпочла бы вообще не думать, — абсолютно искренне ответила я. — Лишней жестокостью делу не поможешь. Вспомни слова святого Эпимитриуса из его «Поучений»: «Наставляй на путь Света с мудростью и добрым увещеванием». А мы встали на путь, который приведет к паршивым последствиям. Насилие — это не выход.

— Фатарены разрушают государство, — жестко сказал Конан. — Я был бы помягче, не окажись эта секта лишь послушным орудием в руках тех, кто хочет получить с помощью нового вероучения власть и золото. Отмечу: самую обычную власть и самое обычное золото. Сотворенное злыми богами. А потому все «Совершенные» вкупе со своим Черным Солнцем и пророком Мэнихом отправятся в самый глубокий круг Черной Бездны. Это я обещаю твердо... Ладно, хватит о грустном. Завтра начинаем пробовать на прочность Толозу, надо выручать графа Люксэ и его людей. Давай спать...

* * *

Раньше я никогда не видела как действуют требушеты. Зрелище весьма впечатляющее.

В высоту эта метательная машина составляет примерно двенадцать-пятнадцать локтей. Тяжеленный противовес, которым заканчивается длинная деревянная штанга с сетью-петлей на конце, сложное переплетение канатов, механизм, приводящий требушет в боевое положение... Обслуживает это сооружение двадцать человек, причем при поднятии противовеса здоровенные гвардейцы скрипят зубами от натуги. Ядро следует положить в сеть, затем мастер-механик выбивает клин, противовес падает и огромный камень со свистом взлетает в небеса. Одновременный залп сразу из восьми требушетов способен причинить невероятные разрушения.

Целью была выбрана расположенная справа от главных ворот Толозы башня, которую давненько не ремонтировали — камень начал осыпаться и Паллантид счел, что долго она не

продержится. На расстояние выстрела к башне подошло три сотни вооруженных арбалетами гвардейцев — их прикрывали большие, в рост человека, щиты сколоченные из толстых досок. В каждом щите сделаны прорези для стрельбы. Черные Драконы должны были снимать со стен вражеских лучников и прислугу баллист.

Горожане заметили наши приготовления и засуетились. Над стенами поднялись голубоватые дымки — готовили чаны с маслом и смолой. Однако, пока в стенах не появятся серьезные бреши, штурм не начнется — гвардейские легаты берегут людей.

План Паллантида был незамысловат: начать обстрел, попутно уничтожая из арбалетов защитников крепости на стенах и башнях, когда часть укреплений будет разрушена, направить в пролому тяжелую пехоту, чтобы она расчистила вход в город и захватила прилегающий к стене квартал. Затем в бой пойдут кавалерия и вспомогательные отряды. Если все пойдет как надо, к сегодняшнему вечеру Толоза окажется в наших руках. «Классический» штурм с использованием осадных башен и лестниц в планы Конана и Паллантида пока не входил.

Первый же залп точно накрыл башню и сбил почти все зубцы. По камню пошла большая трещина, толпившиеся на башне люди куда-то исчезли, видимо были сметены тяжелыми снарядами. Над лагерем гвардии пронеслось слитное восторженное «У-у-у!», а Конан, стоявший рядом с метательными машинами, улыбался как ребенок. Полностью вооруженная и одоспешенная пехота начала строиться в боевой порядок — по сотням.

Требушеты работали с рассвета до самого полудня и я только диву давалась, насколько действенны оказались эти механизмы, на первый взгляд кажущиеся нескладными и грубыми. Круглая башня оказалась снесена почти до половины своей высоты — камень крошился, после каждого залпа над стенами поднимались столбы пыли. Похоже, что Паллантид и сам не ожидал таких блестящих результатов, но оправдывал их тем, что укрепления города не подновляли много лет — Полуденный Пуантен всерьез не воевал со времен короля Вилера.

Едва миновал полдень, толозцы начали понимать, что положение сложилось крайне серьезное и решились на вылазку. Требушеты стояли в стороне от основного лагеря и противник мог успеть сжечь или серьезно повредить машины до того, как подойдет пехота. Но и Конан с Паллантидом отнюдь не были круглыми дураками — такой вариант развития боя тоже предусматривался и потому три конные сотни стояли наготове, под прикрытием леса.

— Дженна, быстро на-конь! — рявкнул Конан, и телохранители сразу подвели оседланную зингарскую кобылу. Мой муж уже был в седле. — Отходи к пехотному лагерю и жди меня там!

Из распахнувшихся главных ворот Толозы изливалась пестрая струя всадников, сразу переходивших на галоп и направлявшихся прямо к нам. Расстояние было небольшое, от силы восемьсот шагов! Противник преодолеет его очень быстро!

Прислуга требушетов вооружилась и начала отходить.

— Ваше величество, королева, не стоит медлить! — проорал капитан, возглавлявший мою охрану. — За мной!

Тревожно загудели рога — знак нашей коннице, укрытой в лесу. Я поддала шпор своей кобылке и направилась вслед за оберегавшими меня Драконами. Краем глаза я замечала, что Конан в сопровождении тридцати гвардейцев пытается отвлечь внимание вражеских всадников на себя — развернулся королевский штандарт. Но те упрямо рвались к

требуюшетам.

Я натянула поводья, задерживая лошадь и, не обращая внимания на яростное рычание капитана Драконов, развернулась. Мы успели отъехать достаточно далеко, опасности никакой. А посмотреть, что произойдет — интересно.

Интересно, сколько их? Пересчитать противника по головам, ясное дело, невозможно — слишком быстро движутся, но на мой взгляд вылазку сделали чуть больше полутора сотен конных. Отчаянный шаг, ничего не скажешь! Впрочем, если удача им улыбнется, наши метательные машины будут уничтожены — уверена, что почти у каждого всадника при себе горшок с зингарским огнем.

Наша кавалерия явно не успевала — стояли слишком далеко, тут Паллантид просчитался. Черные Драконы шли наперерез под острым углом, отставая от толозцев не меньше, чем на триста шагов. Им будет достаточно швырнуть сосуды с горючей жидкостью на требуюшеты, повернуть вправо и быстро уйти к воротам. Это понимал и командир наших всадников: отряд гвардейцев разделился, примерно половина конников начала забирать в сторону города, рискуя попасть под стрелы или залпы катапульт — следовало перехватить врага на обратном пути к городским воротам.

Дальнейшее стало для меня, да и для всех прочих, полной и непонятной неожиданностью. Сначала мне почудилось, что под копытами лошадей противника загорелась земля — появились яркие (даже под солнечным светом!) огни, взлетали фонтанчики песка и камни, кони передних всадников рухнули на задымившуюся траву, второй ряд поднял скакунов на дыбы, на них налетели последующие — началась свалка.

У рыцарей Толозы был хороший командир. Он уяснил, что произошло нечто необычное — пламя нарастало, охватывая требуюшеты плотным кольцом — и приказал поворачивать. Наверное посчитал, что машины в любом случае сгорят. Но едва мятежники восстановили строй, с тыла на них налетел авангард нашей конницы. Завязалось несколько единичных схваток, но толозцы не приняли боя и начали отходить, безжалостно жаля лошадей шпорами. Понимали, что их тотчас сомнут числом.

Странный пожар возле требуюшетов погас столь же внезапно, как и появился. Да что там происходит, Сет вас всех зажри?!

Послышался новый сигнал боевых буцин и я обернулась, расслышав за спиной тяжелый гул. Один из телохранителей молча отобрал у меня поводья и увлек лошадь вслед за капитаном, приказавшим как можно быстрее отходить в сторону — прямо на нас несся клин закованной в сталь отборной конной гвардии, стоявшей возле лагеря пехоты.

Мятежники все-таки успели проскочить между сжимавшими тиски двумя отрядами Черных Драконов и как ошпаренные припустили к воротам города. Гвардия не отставала.

И тут я поняла. Паллантид решил ворваться в Толозу силами кавалерии, наседающей на пятки врагу — трем сотням засадного полка шла в помощь почти вся наша конница, за ней двигалась пехота.

Неужели получится? Неужели толозцы не успеют закрыть ворота и поднять мост, после того, как впустят своих?

Не успели!

Теперь катапульты с башен были в упор, не разбирая, где свои, где чужие. Гвардейские арбалетчики успели получить надлежащий приказ и передвинулись к барбикену крепости, пытаясь градом железных болтов рассеять врага и нанести максимальный урон расчетам катапульт. На мосту вскипела отчаянная рубка — Черные Драконы яростно прорывались к

воротам. Гвардейцев короля было значительно больше, поэтому всадники Толозы оказались сметены меньше, чем за третью часть квадранса. Первые десятки гвардии ворвались в город.

Боги, почему пехота движется так медленно? Она должна захватить надвратную башню и не дать противнику возможности провести контратаку, которая сможет выбить конницу обратно на мост...

Новый тактический ход: большая часть подошедших к воротам арбалетчиков взялась за мечи и бегом бросилась к башне — неплохая подмога, почти двести человек! Тут же подоспел главный кавалерийский клин.

Вскоре на барбикене появился штандарт с золотым львом Аквилонии...

* * *

Я ждала еще не менее полутора колоколов и начала думать, что о королеве забыли вообще все, кроме верных телохранителей.

Ничего подобного! Стукнули копыта и вестовой осадил повизгивающего от злости солового жеребца прямо передо мной.

— Ваше величество... — выдохнул гонец. — Государь Конан приказал сообщить, что город взят! Бои идут на улицах и по периметру стен, но сопротивление будет подавлено к вечеру! Если вашему величеству угодно, вы можете проехать к надвратной башне, сейчас там безопасно. Барбикен находится под охраной гвардии и королевского мага!

— Мага? — переспросила я и тут же опомнилась. Ну конечно, Тотлант! Странный огонь появившийся вокруг метательных машин наверняка его рук дело! — Едем!

Мне пришлось наблюдать за битвой при Демсварте, явившейся одним из самых страшных сражений войны Алого Камня в Немедии, так что вида крови я не боюсь. Однако, проезжая через мост, под копыта лошади я старалась не смотреть — противно. Не нахожу никакого удовольствия в созерцании разъятой человеческой плоти, а этого добра здесь было предостаточно. Внезапный прорыв в Толозу обошелся слишком дорого как защитникам крепости, так и передовому отряду нападавших.

— Невероятный успех! — на втором этаже надвратной башни меня встретил сияющий Тотлант. — Дженна, ты все видела? Только подумай, мы взяли город только благодаря собственной наглости и удаче! Какая блестящая импровизация!

Из бойниц все еще доносился шум сражения. Гвардия теснила последних защитников Толозы к центру города.

— Куда подевался Конан? — осведомилась я, хотя за мужа не особо беспокоилась. Знала, что с ним ничего не случится.

— Воюет, — отмахнулся волшебник. — Если быть совсем точным, взял сотню конных и отправился освобождать цитадель. Веллан увязался с ними — погеройствовать хочет... Извини, угостить тебя ничем не могу — запасов вина в башне нет. Подумать только, меня впервые в жизни назначили военным комендантом настоящей крепости! Просто больше никого под рукой не оказалось...

Тотлант радовался, как ребенок — еще бы, во многом благодаря ему мы одержали быструю победу сравнительно малой кровью. Хотя, пролитой крови никогда не бывает мало,

это я вам как женщина говорю.

— Срочное донесение! О, простите ваше величество... — совсем молодой сервент из вестовых ужасно смущился, увидев меня рядом с Тотлантом. Замер на пороге.

— Что? — спросила я. Особой радости на лице гвардейца я не заметила. Под сердцем нехорошо кольнуло.

— Донесение от дальнего дозора, только что сообщили... Графы Бигор и Коменж с войском числом до девяти тысяч мечей направляются к Толозе по полуденному берегу Арье. Шли скрытно, по горным перевалам, поэтому раньше их не заметили...

Мы с Тотлантом обменялись ошеломленными взглядами.

Итак, наша первая победа очень и очень скоро может обернуться поражением.

— Найди Конана! — рявкнула я на сервента. Тот от неожиданности попятился, споткнулся каблуком о порог и едва не упал. — Король в городе, скорее всего возле цитадели! Расскажи все! Живо, бестолочь!

Гвардеец исчез быстрее любого каттакана, словно через Ничто прыгнул.

— Девять тысяч, — медленно сказала я, пробуя эти слова на вкус. — А у нас и четырех не наберется. Тотлант, что ты говорил насчет невероятного успеха и блестящей импровизации?

Маг угрюмо промолчал.

Я посмотрела в бойницу, из которой был отлично виден замок Нарбонет, логово графа Раймона, и неожиданно отметила, что трехцветный вымпел Рокода был спущен с флагштока...